

U $\frac{301}{100}$

9
ДОСТОПАМЯТНЫЯ

И

НЕ КОПИРОС

ЛЮБОПЫТНЫЯ

У 301
100
БУМАГИ.

НАЙДЕННЫЯ

ВЪ АРХИВѢ БАСТИЛИИ,

СЛУЖАЩІЯ КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ НѢКОТО-
РЫХЪ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ПОДРОБНОСТЕЙ
ФРАНЦУЗСКИХЪ ЛЬТОПИСЕЙ.

—
IV
ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.
—

МОСКВА,

ВЪ ТИПОГРАФІИ РѢШЕТНИКОВА

1833.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ.

Съ шѣмъ, чѣшбы по оппечаташи предспавлены были
въ Цензурный Комишешъ *три* экзешпляра. Москва
1828 года. Генваря 28 дня,

Цензоръ Глинка.

Издвешеніемъ братьевъ Кузнецовыхъ.

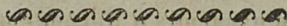
2007043554

О Г Л А В Л Е Н І Е

Стран.

I. Слѣдствіе, произведенное надъ Министромъ Финансовъ и Генераль - Иншенданшомъ Фуке	3.
II. Трогательное письмо одной Итальянской дамы Лась - Турра	16.
III. Судъ и смерть Кавалера Рогана 1674	17.
IV. Судъ надъ извѣстными преступниками, занимавшимися подмѣшиваніемъ и сослав- леніемъ яда 1677	20.
V. Гоненіе Протестантовъ по уничтоженіи Эдикта Наяшскаго	33.
VI. Пленный, находящійся сорокъ лѣтъ въ за- ключеніи, не желающъ возвращенія свободы	47.
VII. Извѣстная мѣшашельница Гіонъ 1698	49.
VIII. Желѣзная маска, называемая также ста- рый Пленникъ Пиньерольскій	49.
IX. Черно книжникъ Аубершъ	51.
X. Замѣшательная исторія и самоубійство уди- вительнаго бродяги Винахе 1704	54.
XI. Заключение и смерть Алхимика де л'Иля	73.
XII. Герцога Ришельё 1716 4 Марша	86.
XIII. Вольшеръ	88.
XIV. Заговоръ въ Брешань 1718 года	89.
XV. Ньюкошорья извѣстія о Янсенистической сектѣ	90.
XVI. Де-ла Бурдонне, Губернаторъ острововъ Иль-де-Франса и Бурбона	95.

- XVII. Развратный сынъ 97.
- XVIII. Госпожа Б . . . Первая Каммерфрейлина
погдашней Дофины, послѣ бывшей Короле-
вы Франціи 104.
- XIX. Распеченные милліоны въ Канадѣ 1761 . 105.
- XX. Судебное показаніе Поль-Рене дю Труше
де-ла Шоксъ 106.
- XXI. Заключенные по дѣлу Езуитовъ и Дамі-
ена 110.
- XXII. Казнь Графа Лалліа 1762 115.
- XXIII. Невѣрный управитель 118.
- XXIV. Инженеръ Геронъ въ Басиліи, за
переписку съ Фридрихомъ великимъ . . . 120.
- XXV. Плѣнникъ, самъ себя обвиняющій . . . 123.
- XXVI. Дѣля любви 126.
- XXVII. Лепрево и ошкрышый имъ заговоръ. . 128.
- XXVIII. Письмо нѣкоторой машери къ Мини-
стру, о заключеніи въ шорьму дочери ея, съ
присовокупленіемъ возраженія ошъ оной . . 133.
- XXIX. Нѣкоторыя историческія подробности
о извѣстной системѣ Лава и ошъ того
произшедшей пакъ называемой Визы . . . 138.

ДОСТОПАМЯТНЫЯ
И
ЛЮБОПЫТНЫЯ
БУМАГИ,

НАЙДЕННЫЯ ВЪ АРХИВѢ БАСТИЛИ И
СЛУЖАЩІЯ КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ НѢКОТО-
РЫХЪ ПОДРОБНОСТЕЙ ФРАНЦУЗСКИХЪ
ЛѢТОПИСЕЙ.

I.

Слѣдствіе, произведенное надъ Министромъ
Финансовъ и Генераль - Иншпендантомъ Фуке.

Онъ былъ взявъ подъ спражу въ Нантѣ 5 го Сен-
тября 1661 года въ то самое время, когда шель изъ
Королевскаго Тайнаго Совѣща, у него опобраны были
всѣ бумаги, посадили въ карешу и привезли въ Ангресъ;
въ поже время и домъ его окруженъ спражею, супруга
его получила приказаніе опсправиться въ Лимогесъ.
Тогда же другой офицеръ арешоваль Пеллисона, по-
вѣреннаго Господина Фуке, его бумаги были шакже
взяшы и запечашаны, Фуке опшвезенъ въ замокъ Ангресъ,

гдѣ его весьма строго охраняли, дабы онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ ни писменнаго ни личнаго сношенія; заболѣвъ опасно попотребовалъ онъ духовника; но ему въ ономъ опказано было; въ первые дни его выздоровленія перевезли его въ замокъ Амбоазъ; онъ пребылъ шупь до праздника Рождества Христова 1662 года, послѣ сего былъ опвезенъ въ Винценну, гдѣ его еще спрое содержали; 3 го Марша 1662 Господинъ Толонъ Генераль-Прокурапоръ Юспиць-Коллегии объявилъ въ семь При-судствіи, что по учиненному изслѣдованію и по повѣр-кѣ щеповъ оказалось, что Фуке виновенъ во многихъ злоупотребленіяхъ и измѣнахъ, что онъ употребилъ во зло важность и довѣренность, сопряженныя съ званіемъ, что онъ расхишилъ казну, за что и достоинъ наказа-нія; какъ врагъ пользы общественной; онъ предложилъ послѣ сего, чтобы виновному позволили оправдаться прошивъ сихъ обвиненій. Фуке оградилъ себя при са-момъ началѣ слѣдствія протеспами. Когда ему объ-явили постановленіе ошъ 2 го Ноября; шо Коммисія позволила сообщитиъ ему весь ходъ дѣла. — Фуке вос-пользовался письмомъ, въ кошоромъ ему позволено было 6 го Октября, чтобы здѣлать нѣсколько замѣчаній на краю описей учиненныхъ въ его домахъ и повѣренныхъ его. Онъ написалъ также нѣсколько замѣчаній на сооб-щенныхъ ему опредѣленіяхъ, кошорыя, желая учинитиъ гласными вмѣстѣ съ возраженіями своими, вошелъ онъ въ совѣтъ съ прозьбою напечатать оныя; но едва при-ступлено было къ печашанію первыхъ двухъ шешрадей, какъ Колбертъ приказалъ одному Коммисару взять оныя у шипографщика.

Изъ башни Винценской, Фуке отвезенъ былъ въ Баспилю 18го Юня 1663. Господинъ Аршанъанъ, копорой его схватилъ въ Наншѣ 5го Сентября 1661 и попомъ провожалъ его въ Ангресъ, Амбоазъ Винценну, и наконецъ привезъ его въ Баспилю. Во все эшо время онъ не опходилъ опъ плѣнника и опсался даже съ нимъ и въ Баспили. Онъ имѣлъ при себѣ опъ 25 до 30 Мушкеперовъ, изъ копорыхъ по при человѣка занимали еженежно карауль, одинъ на башнѣ, другой на подъемѣ большого моста, копорой до шого былъ прошивъ самаго окна его комнацы, а шрешій въ саду, изъ копораго здѣланъ былъ Баспионъ. Господинъ Аршанъанъ спалъ въ комнашѣ плѣнника и ни на минушу не оплучался опъ него. 14го Ноября Фуке былъ первый разъ приведенъ въ Коммисію для допроса. Онъ сѣлъ на маленькій стуль бѣдныхъ пресупниковъ, хоша и было пригошовлено подлѣ сего другое мѣсто, гдѣ бы онъ могъ сѣсть, естлян бы хошѣлъ. Пропешуя снова прошивъ Коммисіи, ибо ушверждалъ, что одинъ шолько Парламентъ можетъ его судить, онъ объявилъ однако, что кочипешетъ членовъ Коммисіи людьми благородными, и что ему очень пріятно ежели имъ извѣстна сущность дѣла. До 4го Декабря шого года былъ онъ на одинацати или двѣнадцати допросахъ, кои относились болѣе къ похищенію казны и продажѣ Нормандскаго сахара; на всѣ сіи пункты онъ давалъ удовлетворительныя опвѣшы, когда же его спросили, какъ онъ могъ въ два года упошребить 18 милліоновъ для домашнихъ своихъ расходовъ, какъ шо явствовало изъ расходной книги его управляющаго: шо онъ смущился сначала; но опвѣчалъ

попомъ, что управитель кромѣ его хозяйства имѣлъ еще и постороннія порученія, и что чрезъ его руки проходили весьма значительныя суммы, иногда для потребностей самаго Короля.

Что же касается до дамскихъ писемъ, которыя найдены будно бы въ бумагахъ его и которыя мы ниже сего сообщимъ, то Фуке утверждалъ, что онъ подложилъ, и не иное что какъ хитрослѣзъ его непріятелей. 4го Декабря Фуке былъ снова у допроса и ему прочитали проектъ писанный его рукою. „Вы видите, сказалъ одинъ членъ Коммисіи по окончаніи чтенія, что ваше усердіе къ государству, о которомъ вы намъ такъ много швердили, совсѣмъ не такъ велико. Фуке отвѣчалъ: сіе сочиненіе содержишь мысли, возбужденныя во мнѣ опчаяніемъ, въ которое меня часто ввергалъ Кардиналъ низкою своею неблагодарностію, хотя я болѣе всѣхъ способствовалъ возвращенію его во Францію; въ моихъ бумагахъ я имѣлъ одно письмо отъ него, которое бы доказало истинну словъ моихъ; но меня лишили сего; я весьма несчастливъ, что не сожеть гнусное сіе сочиненіе, о которомъ совсѣмъ забылъ; я опровергаю содержаніе его отъ всего сердца и заклинаю васъ вѣрнись, что моя приверженность къ Королю отъ того ни мало не уменьшилась. Членъ Коммисіи отвѣчалъ, что весьма трудно повѣрнись чему нибудь подобному, когда въ разныя времена обнаруживаются такія упорныя мысли. Фуке отвѣчалъ: я никогда, даже съ опасностію жизни моею, не оставлялъ особы Короля, и тогда вы сами Государь мой, были Главнымъ Совѣшникомъ его непрі-

япелей, а родные ваши доставили арміи проливниковъ его свободный пропускъ.

Коммисаръ почувствовалъ справедливость укоризны и обратился разговоръ опять на домашніе его расходы. Фуке желалъ доказать, что они въ отношеніи его доходовъ, которые Кардиналу очень хорошо извѣсны жалованья и имѣнья жены его никогда не превышали; въ противномъ же случаѣ подвергалъ себя добровольно самъ всякому суду; его опвели въ Басшилю и Канцлеръ объявилъ, что онъ въ послѣдній разъ былъ у допроса. 13 го Декабря одинъ изъ Членовъ Д'Ормессонъ подалъ свое мнѣніе, что бы Фуке изгнанъ былъ изъ Государства навсегда, имѣніе его обращено въ казну съ вычетомъ изъ онаго 100,000 ливровъ денежной пени; другой Членъ Сенль-Гелене, коего мнѣніе согласовалось съ первымъ, полагалъ однакоже, что, хотя Фуке по уличенной распрасѣ денегъ общественныхъ и заслужилъ изгнаніе, но какъ Государственной преступникъ подлежалъ только казни; въ четвершокъ другіе шесть Членовъ Коммисіи приговаривали его также къ смерти; но седьмой былъ мнѣнія Д'Ормессона, къ нему присоединился еще одинъ; а какъ девять голосовъ присуждали его къ смерти, а принадцать къ изгнанію и описи имѣнія; по рѣшеніе всего Присудствія основано было на семь послѣднемъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы 100,000 ливровъ денежной пени взысканы были бы съ описаннаго имѣнія, половина коего поступала въ казну, а другая на богоугодныя дѣла.

Когда сей приговоръ поднесенъ былъ Королю на утвержденіе, то онъ, счищая опаснымъ для Государства

выпустишь изъ онаго Фуке , которому извѣстны были важнѣйшія шайны и положеніе двора, обратился въ вѣчную ссылку на пожизненное заключеніе и приказалъ въ слѣдствіе сего, чтобъ Фуке отвезенъ былъ въ Пиньероль на Пиемонтскую границу , гдѣ Маркизь Пиевене былъ Комменданшомъ.

Въ понедѣльникъ по утру привели Фуке въ Церковь Басилии, Господинъ Фонсо, держа въ рукахъ приговоръ сказалъ ему : Государь мой , вы должны мнѣ объявить имя ваше, дабы я могъ знать съ кѣмъ говорю, на что Фуке отвѣчалъ: вы очень хорошо меня знаете, что же касается до имени моего, то я точно также мало имѣю желанія объявить его вамъ, какъ и въ Коммисіи , равнымъ образомъ прошешую я прошивъ приговора, копторой вы мнѣ читаете будете. Отвѣтъ сей занесли въ протоколъ; Фонсо накрылся и прочелъ приговоръ, копторый Фуке выслушалъ съ открытой головою; чрезъ часъ послѣ того его посадили въ карету , гдѣ находились еще чешыре человека спражи. Арпаньянъ провожалъ его верхомъ съ 50 Мушкетерами до Пиньероля, гдѣ передалъ его надзору Сентъ-Марса, копторой имѣлъ при себѣ для охраненія его еще 50 человекъ солдатъ.

По прибытіи Фуке въ Пиньероль онъ отвѣденъ былъ въ замокъ , гдѣ занимался нравственнымъ размышленіями ; онъ написалъ нѣсколько шаковыхъ разсужденій и носилъ продолжительное заключеніе свое съ большею твердосцію и смиреніемъ , потому что несчастіе не сдѣлало его малодушнымъ. Вскорѣ послѣ его прибытія сюда , ударило громомъ въ его пещицу , опрокинуло большую часть оной, ранило и завалило многихъ особъ

находившихся въ ней, одинъ онъ оспался невредимъ въ сводѣ окна.

Вѣроятно, что Фуке, привезенный шуда въ концѣ 1664 года окончилъ дни свои въ семь же мѣспѣ въ 1681 году въ послѣднихъ числахъ Февраля. Тѣло его привезено въ Парижъ и положено въ Церквѣ женскаго Монастыря Св. Маріи на большой улицѣ Св. Антонія, какъ шо видно изъ списка умершихъ сей Церкви.

Просительное письмо Фуке къ Королю.

Государь! ежели справедливо, что печальнѣйшій и удрученнѣйшій человекъ заслуживаетъ большее сожалѣніе, то я могу съ полною надеждою повергнуться къ стопамъ Вашего Величества и быть увѣреннымъ въ помилованіи, пошому что ни одинъ изъ вашихъ подданныхъ не можетъ себя чувствовашь шакъ униженнымъ, какъ я. Государь! меня много бѣдсвѣй вдругъ удручаютъ, изъ коихъ одного досташочно бы было, сдѣлать человека въ высочайшей степени несчастнымъ; но изъ всѣхъ моихъ несчастій одно прегышаетъ всѣ прочія и для меня оно шакъ шягосшно, что другія я считаю уже за ничшо и даже жаловашься на нихъ не хочу. Другіе, Государь, представили бы Вашему Величеству, пошеро ихъ мѣспѣ, должностей и имѣнія, представили бы вамъ погубель семействъ, разореніе приверженцевъ ихъ, и крайность, въ которую они сами приведены. Они съ прискорбіемъ чувствовали бы разлуку съ родными женами, дѣшми, братьями друзьями и знакомыми; они опц-

сали бы Вашему Величеству ужасы суроваго и скучнаго започенія, кошораго пягосшь удвоила еще продолжительная болѣзнь и чувсво спраданія и горесши о пошерѣ свободы. Они на моемъ мѣспѣ жалобами своими изъяснилибъ вамъ несправедливосши, кошорыя должны были прешерпѣвашъ, и прибѣгли бы къ Королевской власши вашей, дабы вопрошивишь преслѣдованіямъ и обидамъ, кошорымъ безъ шого они подвергались, ложнымъ и подкупленнымъ свидѣшельсшвамъ, опобранію бумагъ, презрѣнію законовъ, насилію, различнымъ припѣсненіямъ и ругашельсшвамъ, кошорыя позволяли себѣ безпримѣрно и безъ всякаго повода прошивъ нихъ самихъ и служиселей ихъ. Иные, Государь, чувсвуя себя близкими къ концу временной жизни, умоляли бы Ваше Величество о милосшивомъ вспомошествованіи къ уклоненію безчестнаго шоржесшва, кошорое ихъ слишкомъ зависшливые и жестокіе, но съ шѣмъ вмѣспѣ важные и хиспрые неприятели намѣрены понесши. Государь! всѣ сіи горесши я по истинѣ могъ бы вамъ предсшавишь пошому, что они всѣ поспигли меня и еще жесточае чѣмъ другаго кого нибудь, но они опасны, и я нехочу ни однимъ словомъ упоминашь о нихъ. Я буду молчашь и молишься шолько о облегченіи нещасшія, кошорое меня удручаешъ.

Государь! прискорбіе огорчишь Ваше Величество, огорчишь въ шакое время, когда я спарался служишь вамъ всѣми силами, вошъ единсшвенная причина моей печали и спраданій моихъ; мнѣ больно думашь, что я сдѣлался предметомъ опшращенія и гнѣва вашего, но желалъ единсшвенно угождашь вамъ и полагаалъ награду

за мои заслуги въ единой увѣренности, что всѣ они полезны Вашему Величеству, что они вамъ извѣсны и что вы довольны ими, а теперь я долженъ предаться опчаянной мысли, что всѣ плоды моихъ трудовъ потеряны и что они не доходили даже до свѣдѣнія Вашего Величества.

Мнѣ не возможно, Государь, молчать о Вашемъ величїи, о моемъ усердіи къ оному, къ славу и особѣ вашей; сія спрась възраста со мною и никогда меня не оставляла. Я питалъ ее, я охотно жертвовалъ ей шѣмъ ежедневно, чего лишили меня силою и о потерѣ коего я не спалъ бы жаловался, ежели бы не приведенъ былъ шѣмъ въ несостояніе жертвованъ онымъ долге Вашему Величеству. Вамъ Государь, извѣстно, что ежели сердце могло бытъ когда открыто и открыто безъ прищворенна; но конечно но было мое сердце, когда я вамъ предлагалъ все свое имущество и вы соизволили принять часнѣ онаго. Ахъ, Ваше Величество, я не въ состояніи былъ выразить, что во мнѣ тогда происходило, пошому что не доспавало и никогда не доспаваетъ словъ къ шому!

Соблаговолише Ваше Величество, вспомнишь, что произошло въ шу минушу! вспомнише съ какою горюносною и радостною я всегда исполнялъ приказанія ваши! ежели негодование Вашего Величества неизгладило всѣхъ сихъ воспоминаній, ежели бы вамъ угодно было возобновишь оныя, и положишь на собственныя сужденія шокмо, но конечно Ваше Величество изволили бы усмотрѣшь, какъ невозможно, чтобы шже сердце, коего движеній вы были свидѣтелемъ, было бы способно къ

пресупленіямъ, въ коихъ враги мои меня обвиняюшъ. Мои непріатели дерзки, но вмѣстѣ съ нѣмъ щасливы, не потому чтобы они обладали большими богатствами и другими преимуществами, въ которыхъ я имъ не завидую, но потому что они могутъ видѣться и говорить съ Вашимъ Величествомъ, когда и что имъ угодно, находя всегда вѣру словамъ своимъ, даже и тогда, когда собственная ихъ выгода въ томъ участвуетъ.

Государь! пусть мои враги довольствуются моимъ мѣстомъ, должностію, имѣніемъ, свободою, честью, самою жизнію моею, я доволенъ, я имъ все уступаю, я не отказываюсь даже отъ покорности, которая была бы безчестна, ежели бы не составляла обязанности христіанина; но за чѣмъ лишаютъ они меня средства доказать Вашему Величеству невинность и чувства мои, за чѣмъ они одни распоряжаются по своимъ прихотямъ нѣмъ, что мнѣ еще осталось въ несчастномъ моемъ положеніи, въ которое они меня ввергнули. Государь! сею справедливостію вы мнѣ, даже самому себѣ обязаны, вы должны доставить при смерти моей усовершеніе, оказавъ сію послѣднюю услугу Государю, къ которому я имѣлъ и до конца моей жизни имѣть буду такъ много любви и усердія. Я желалъ бы, не боясь прогнѣвать Ваше Величество открытъ вамъ все ухищренія, которыя были употреблены противъ меня, чтобы скрытъ отъ васъ истинну, дабы она никогда не достигла до свѣдѣнія вашего, истинну, которая вамъ однимъ не извѣстна и которую вы никогда не узнаете, потому что дѣла мои судятся и рѣшаются одними моими врагами; ежели Вашему Величеству угодно пока-

зашь всей Европѣ, что вы сами управляете подданными вашими, но не можете, Государь, найши важнѣе сего случая. Вся Франція увѣрена, что ежели я умру, то смерть моя будеть плодъ зависши, ревности и всѣхъ средствъ, копорыя мои противники употребили, чтобы провести Ваше Величество и Господина К. . . . Ежели же напрошивъ шого я получу облегченіе въ моемъ несчастіи, то вся Франція будеть знать, что симъ обязанъ я буду единственно милости Вашего Величества и что мои непріатели, какъ по легко угадать можно, ничего къ тому не способствовали.

Я заклинаю Ваше Величество, какъ для вашей собственнй славы, такъ изъ единого великодушія, милосливо выслушать смиренную прозбу несчастнѣйшаго изъ подданныхъ вашихъ, увѣришься въ истинѣ прямыхъ путемъ и разсмотрѣшь самимъ мои ошибки. Государь! я смертный, сознаюсь, что много дѣлалъ просупковъ; но они заслуживають скорѣе прощеніе, нежели гнѣвъ Вашего Величества и никогда не могушь сравнишься съ пламеннымъ усердіемъ, глубочайшимъ почтеніемъ и шюю покорностію, копорыя я всегда питалъ къ Вашему Величеству; осташокъ дней моихъ, пройдетъ въ шеплыхъ молитвахъ къ Небу о здравіи и благоденствіи Вашего Величества и до конца оныхъ я буду благословлять имя ваше.

Въ дополненіе сей статьи прилагаю въ переводѣ письмо извѣстнаго тогда писателя Пеллисона къ Королю, въ копоромъ онъ испрашиваетъ Фуке помилованіе; взяно изъ *chef-d'oeuvres Epistolaires*.

Письмо Пеллисона къ Королю.

Ваше Величество зрите меня опять у ногъ вашихъ; новыя прозъбы, новыя слезы, новая докучливоспъ, они не упоминашъ меня, пока Ваше Величество не согласишесь просипшъ несчастнѣйшаго изъ подданныхъ вашихъ; вошъ уже годъ сего дня, какъ онъ подвергся первому гнѣву Вашего Величества, — печальное воспоминаніе для меня; но сегодня же исполнилось двадцать чешыре года тому, когда небо совершило чудо, пославъ намъ Ваше Величество: воспоминаніе, исполненное надежды и радости; сей день, Государь, щасливѣйшій для Франціи, не учинишся для насъ спрашнымъ, онъ созданъ для помилованія, а не для наказанія.

Языкъ мой нѣмѣетъ онъ ужаса, самыя планеты, являвшіяся иногда нарочно, чшоби почипшъ рожденіе Великихъ Государей, пошеряюшъ свой блескъ, на небѣ скорѣе, нежели въ Исторіи зашмипшя дѣйсвіе милосердія, кошорымъ взываю къ Вашему Величеству и кошорое, казалось, щасливое начало дня сего мнѣ общаешъ.

Сіи Герои Рима, кошорые, ежели бы находились еще въ живыхъ, не осмѣлили бы соспязашься въ славу съ Вашимъ Величествомъ, всякой годъ праздновали великолѣпно шонъ день, въ кошорый они узрѣли свѣшъ; но для празднованія его они занимались шолько прощеніемъ преспулений, разшорженіемъ оковъ, дарованіемъ свободы невольникамъ; они старались въ сихъ шоржешвахъ избѣгашъ пролишя крови, не примѣшивая оной къ са-

мымъ жертвоприношеніямъ , изъ опасенія , какъ они говорили , чшобы какимъ бы по ни было образомъ не испребишь чего нибудь одареннаго жизнью симъ щедрымъ даромъ неба; испребишь въ шощъ день, въ кошорой они сами ее получили.

Живите Государь , живите всегда несравненно щасливѣе но для нынѣшняго дня живите въ особенннши жизнью Царей-Героевъ ; ибо на ихъ языкѣ , Ваше Величешво , жишь значишь благошворишь ; значишь изливашь подвиги великодушія своего; свидѣшельствуюсь въ шомъ Великимъ Имперашоромъ, кошорый, чшобы сказашь : мы не сдѣлали сего дня ничего добраго, говаривалъ своимъ придворнымъ : друзья мои , мы потеряли сей день , мы совсѣмъ не жили ; онъ былъ прозванъ, Государь услажденіемъ своего двора и рода человѣческаго; наименованіе прекрасное, по справедливосни принадлежащее Вашему Величешву ! послѣшине похипишь у него оное , и чшобы впредь, говоря о Вашемъ Величешвѣ щасливые и нещасные пріашели и неприятели, Французы и Иноштранцы , вѣкъ настоящій и будущій единодушно восклицали: онъ родился пяшаго Сентября и въ шоще самое число великодушнымъ забвеніемъ заслужилъ себя безмершіе.

Ни одно убѣдишельное письмо, ни одна убѣдишельная прозьба пріашелей сего нещаснаго Министра, не могли досшавишь ему возвращенія свободы и онъ кончилъ дни свои, какъ мы выше видѣли, въ неволѣ. (*)

(*) Нѣкошорыя подробности о Фуке находящяся въ письмахъ Г жи Севинье, и въ Волперовомъ Вѣкѣ людовика XIV.

II.

ТРОГАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ОДНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ
ДАМЫ ЛАСЬ - ТУРРА ВЪ 1669.

Опъ сей дамы, кошорая была посажена въ Баспилю въ семь году и о преспуленіи коей, глухо сказано, что она занималась вредными для Франціи замыслами, найдено слѣдующее ею писанное письмо безъ надписи, изъ коего видно, что она приговорена была къ смерти.

Диня мое!

„Меня приговорили къ смерти, и я не жаловалась бы на то, ежели бы не спрашилась, что послѣ моей смерти ты скоро за мною послѣдуешь; съ одной стороны смерть для меня пріятна пошому, что доставляешь мнѣ случай жершвовашь Богу жизнию моею, съ другой стороны огарчаешь меня, ибо принуждаешь разлучиться съ половиною самой себя. Я имѣю еще сполько словъ, чтобы сказашь тебѣ проси и весьма нещаслива, что не могу къ устамамъ швоимъ прижасть моихъ. Поцѣлуй сіи послѣднія спроки, поцѣлуй въ нихъ шу руку, кошорая ихъ къ тебѣ писала, и сердце, сказавшее тебѣ: проси на вѣки.

Въ моей шемницѣ. Пяшница 27 Сеншября 1669. Видно письмо сіе не передано, когда его нашли при дѣлахъ.

III.

Судъ и СМЕРТЬ Кавалера Рогана 1674 года.

Онъ пустился въ переговоры съ Голландцами о передачѣ имъ Квиллебёфъ и другихъ приморскихъ городовъ Нормандіи. Заговоръ открытъ былъ послѣ Сеневаго сраженія, опляніемъ экипажа Графа Моншерая, Шшапгалшера Испанскихъ Нидерландъ, гдѣ и найдена переписка, до сего заговора касающаяся. Бриссакъ, Маіоръ Королевской Гвардіи, взялъ Кавалера Рогана въ Версальской Церквѣ. Гапромоншъ, дворянинъ Нормандской, кошорой зналъ о заговорѣ, скрылся; но найденъ въ Руенѣ, и Бриссакъ получилъ повелѣніе и его взять подъ спражу. Гапромоншъ, не показывая ни малѣйшаго смущенія, говоритъ Бриссаку, спаринному своему пріятелю: „я сей часъ за побою слѣдую; позволь мнѣ шолько сходишь въ кабинетъ, онъ пошелъ шуда; и вышедши спрѣлаетъ вдругъ въ Маіора изъ пистолеша; но не попавъ въ него, убилъ одного изъ спражей, кошорые спояли позади ёго.

Маіоръ видя, что Гапромоншъ въ него цѣлился, вскричалъ: спрѣлай, — чтобы показашъ ему, что онъ шого не боишся. Одинъ изъ солдатъ принялъ сіе восклицаніе за приказаніе спрѣлашь и выспрѣлилъ изъ ружья въ Гапромонша, кошорый на другой день умеръ

отъ раны. Хотя его перенесли на постель и призывали лекаря и духовника, который пріобщилъ его святыхъ таинъ; но онъ и въ малѣйшемъ пресступленіи не хотѣлъ сознаться ни Бриссаку, ни Парламентъ-Предсѣдателю Руенскому, какъ они его ни допрашивали; сіе приключеніе могло бы спасти жизнь Кавалера Рогана, пошому что не было ни свидѣтелей ни доказательствъ, къ шому же собственноручнаго письма виновнаго не найдено; пошему Коммисія была бы въ большомъ затрудненіи, ежели бы онъ не сознался; но одинъ изъ членовъ Коммисіи употребилъ гнусную хитрость, чшобъ выманишь у него шайну его, обѣщавъ ему именемъ Короля прощеніе, ежели онъ во всемъ чисшосердечно сознается, обѣщаніе котораго Людовикъ XIV никогда не приказывалъ давать.

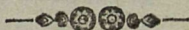
Въ продолженіи заключенія Кавалера Рогана въ Бастиліи, слышно было всякую ночь людей, говорящихъ въ слуховую шрубу: „Гапромоншь умеръ и ни въ чемъ не признался, чшо они повшоряли нѣсколько разъ до разсвѣта; однако приняшы были мѣры, чшобъ Кавалеръ не могъ сего слышать. Сей дворянинъ былъ дѣйствительно единственный свидѣтель прошивъ него; пошому чшо онъ шолько одинъ и зналъ сію шайну. Когда Канцлеръ допрашивалъ Кавалера и обвиненныхъ съ нимъ: шо рота мушкетеровъ заняла все входы Арсенала; Комменданшь Бастиліи привелъ его изъ оной къ Суду и самъ обращно ошвелъ; какъ скоро Кавалеръ догадался, чѣмъ его дѣло кончится, шо предался ошчаянію; принуждены были наложить на него цѣпи и безпрестанно

смопрѣшь за нимъ , дабы не допустишь его сдѣлаться самоубійцею. Приговоръ его былъ слѣдующій. Кавалеру должно было ошрубить голову 27 Ноября 1674 года на малой площади улицы Св. Антонія, по преступленію его въ оскорбленіи Величества и умышленію заговора прошивъ государства, что и было исполнено въ 4 часа по полудни. Изъ рапорта одного Коммисара видно, что онъ до послѣдней минушы жизни былъ швердъ и благочеснивъ ; но при видѣ Вандерендена , которій послѣ него также казненъ, казалось былъ весьма распроганъ. По совершеніи казни, которая прикрываема была Французской гвардіей и обѣими ротами конныхъ мушкетеровъ, выдали шѣло фамилии его; оно было послано въ церковь Св. Павла, пока можно было перенести въ Жуарское Аббашство, гдѣ онъ желалъ бытъ погребенъ; изъ его соучастниковъ Кавалеръ Проксъ и Госпожа Вилларсъ были также обезглавлены; они оба умерли съ большою швердоспію; послѣдняя казалось хотѣла еще опкрытъ нѣчто; но удержалась и швердо пребыла въ молчаніи. Афаніусъ Вандеренденъ , Іезуитъ изъ Антверпена оказалъ себя при смерти слабымъ и малодушнымъ, что приписываютъ глубокой его спаросши.

Два доказательства служили къ уличенію обвиненныхъ въ преступленіи ихъ. Первымъ доказательствомъ былъ шифръ ихъ , гдѣ Монсерай подразумѣвался подъ именемъ Кверквейна, зышя Вандерендена, Голландія подъ именемъ Маргарешпы второй дочери , Фландрія подъ именемъ Маріи старшей дочери, а Господинъ Роганъ подъ именемъ Маріаны меньшей дочери Вандерен-

дена. Гапромоншъ назывался Мамзель Д' Аржанъ; суммы, копорья Моншерой должень былъ доставить, назывались цѣна алмазовъ; мѣсто, гдѣ флотъ должень былъ пристать—называли домою, оружіе обозомъ, корабли пакешами, вспомогательныя войска, копорыхъ ожидали ошъ Моншероя, лекарствами Кверквевина.

Вспорымъ доказательствомъ была копія съ договора, заключеннаго съ Моншероемъ, по копорому сей обѣщаль заплашить 100,000 ливровъ. Половина флота, находившаяся въ средиземномъ морѣ должна была придти на помощь возмущеннымъ, копорые при заключеніи мира непременно должны были также упомянуты. Моншерой обѣщывался доставить имъ пансіонъ въ Испаніи и такъ далѣе. Въ заключеніе всего Моншерой препоручаль себя Кавалеру и желаль ему счастья въ исполненіи сего великодушнаго намѣренія, копорое по его увѣренію онъ предпринималь для общаго блага и спокойствія цѣлой Европы.

IV.

**Судъ надъ известными преступниками,
занимавшимися подмѣшиваніемъ и со-
ставленіемъ яда 1677.**

Уже за нѣсколько лѣтъ до 1677 года, обвиненія и показанія многихъ преступниковъ, взявшихъ подъ спра-

жу, равнымъ образомъ и другія достовѣрныя извѣстія, правительствомъ получаемыя, заставили обратишь вниманіе и приводили въ шрешень Начальство и Судей Парижскихъ, равно и Спашсь-Секретарей, потому что изъ нихъ явствовало, что многія особы всякаго чина и званія были оправляемы. Наконецъ правительство было вынуждено дѣлать тайныя розысканія и почныя наблюденія, дабы найши слѣдъ симъ ужаснымъ дѣламъ, копорые весь Парижъ приводили въ ужасъ; къ сожалѣнію открыто, что подмѣшиваніе яда сдѣлалось весьма обыкновеннымъ порокомъ и распространилось даже между поселянами, копорые научились примѣромъ симъ въ Парижѣ, гдѣ оно началось между извѣстнымъ состояніемъ людей и перешло наконецъ къ черни и мѣщанамъ.

Король, извѣщенъ будучи о сихъ ужасахъ и желая освободить владѣніе свое отъ такой язвы, наименовалъ Судей и учредилъ особенное Судебное Мѣсто, копорое должно было дѣлать самыя строгія разысканія касательно сего преступленія и всего касающагося онаго. Грамоты изгошвлены 7 го Апрѣля 1679, и подписаны Спашсь-Секретаремъ Колберномъ, копорый завѣдывалъ тогда Парижскимъ Департаментомъ. Множество особъ самаго высокаго званія принадлежали къ числу обвиненныхъ, между коими находился также Герцогъ Люксембургскій, копорый по повелѣнію Короля арештованъ и опведенъ въ Бастилію. Сей Герцогъ былъ Перъ и Маршалъ Франціи, Капитуланъ Королевской Гвардіи и имѣлъ тогда 49 лѣтъ отъ роду. При второмъ допросѣ онъ далъ замѣшишь, что хотя онъ, какъ Герцогъ и Перъ

Франціи, могъ пребывать, чѣмъ его судили въ Парламентѣ; но изъ уваженія къ Королевскому повелѣнію онъ охотно подвергается сему Суду, будучи увѣренъ, что такіе благородные и честные мужи, какъ его Судьи, конечно ничего не упустишь, дабы обнаружилъ его невинность и объявилъ его не причастнымъ преступленію, которое только самая пошлѣйшая клевета ему приписалъ могла.

Къ такому подозрѣнію противъ Герцога Люксембургскаго подало поводъ обращеніе его съ Астрологами и прорицателями, которые выдавали, что они въ состояніи предсказать и опредѣлить конецъ жизни какихъ бы то ни было лицъ.

Подобныя суевѣрныя не лѣпости были тогда въ модѣ и находили между знашными точно такое же одобреніе какъ въ концѣ XVIII столѣтія. Такъ какъ Каглиоспрова того времени также подозрѣвали въ подмѣшиваніи яда: то ихъ всѣхъ забрали подъ стражу и одинъ изъ нихъ Ле-Сажъ обвинялъ Герцога Люксембургскаго въ томъ, что онъ заспавлялъ его приготавливая ядъ и дѣлалъ заклинанія на Короля, что однакожь не могло бытъ доказано, почему присудствіе признало Герцога невиннымъ и онъ былъ освобожденъ изъ Бастиліи, однако Король приказалъ, чѣмъ онъ удался въ одно изъ помѣстьевъ своихъ и не приближался къ Парижу менѣе двадцати часовъ ѣзды. Управитель Герцога, Пешръ Паннаршъ не такъ легко ошдѣлался; онъ былъ сосланъ на Галеры, испрося напередъ публично прощеніе въ

грѣхахъ своихъ, съ веревкою на шеѣ и факеломъ въ рукѣ.

Ле-Сажъ, Гвибури и три женщины Вигурексъ, Боссе и Вуазинъ прославились особенно въ семь ужасномъ искусствѣ. Первыхъ двухъ почитали за людей имѣвшихъ глубокія и необыкновенныя познанія въ скранныхъ наукахъ. Подъ предлогомъ опрыванія сокровищъ и предсказыванія будущаго, они пригошовляли ядъ и продавали его шѣмъ, которые относились къ нимъ, чшобы того или другаго удались съ свѣта. Въ судебныхъ дѣлахъ доказано не однимъ примѣромъ, что всякаго рода подмѣшиваніе яда производилось подъ видомъ предсказанія и опрыванія кладовъ.

Ла Бронвильеръ кажется первая во Франціи учила подмѣшивать ядъ. Она была осуждена Парламентомъ на смерть въ 1676 году. Она была хорошая пріятельница Роммиспру Сеншъ - Круа, у котораго по его смерти найденъ ящикъ съ порошками и разными перегнанными водами, коими дѣлали опыты надъ звѣрями, и они на мѣстѣ же умирали.

На Графиню Соосонскую донесли, что она просила совѣщовъ у Воазины, какимъ образомъ лишить жизни дѣвицу Дела Вальеръ, извѣстную любимицу Людовика XIV. Графиню хотѣли опыскать, которая жила въ Тюльерійскомъ замкѣ; но она скрылась. Неизвѣстно, какое рѣшеніе послѣдовало по Суду; ибо въ дѣлахъ ничего не найдено. Можеть бышь, она также какъ и Графиня

Руре, которую обвиняли также въ умышленіи на жизнь дела Вальеръ, оправдана.

Марія, Анна Манхини, Герцогиня Бульонская, 29 лѣтъ ошъ роду, была также вышребована къ суду. Воазинъ показала, что она предлагала Ле-Сажу значную сумму денегъ, чтобы онъ вспомошествовалъ супруга ея Герцога Бульонскаго лишиться жизни, дабы она могла совокупиться бракомъ съ Герцогомъ Вандомскимъ. Она показывала, что Герцогиня ошносилась съ шѣмъ къ Вигурѣксъ; но что она Воазинъ, узнавъ сіе, пошла къ Герцогинѣ и предложила ей познакомиться съ человѣкомъ, который ловчѣе былъ въ сихъ вещахъ, нежели Вигурѣксъ.

Когда Герцогиню допрашивали по симъ пунктамъ, то она, опровергая все, созналась только, что Воазинъ у нее разъ была и дала ей разумѣшь, что ей извѣстно ея любопытство и пошому она желаетъ ей доставить знакомство съ человѣкомъ, который живетъ у нея въ домѣ и чудеса шворитъ. Герцогиня рассказала сіе, нѣсколько дней спустя, Герцогу Вандомскому и многимъ изъ своихъ знакомыхъ, которые все пожелали идти и ошискашь сего человѣка. Когдажъ они пришли къ Воазинъ, то Герцогиня спросила ее, дѣйствительно ли человѣкъ пошъ, о которомъ она ей говорила, находится въ ея домѣ; на что получа удовольствительный ошвѣтъ, они введены были въ комнату, гдѣ Герцогъ имѣлъ съ нимъ разговоръ. Сей человѣкъ былъ Ле-Сажъ; онъ сказалъ, что искусство свое показываешь только

въ присудствіи одной особы. Герцогъ Вандомскій передалъ сей опвѣсть Герцогинѣ Бульонской, кошорая оказала величайшее желаніе бышь шупъ же, когда Ле-Сажъ будетъ показывашь свое искусство. Герцогъ Вандомскій пошелъ оянь къ нему и уговорилъ его наконецъ согласишься, чшобъ и Герцогиня шакже присудшвовала, и пошому оба вошли въ комнашу, гдѣ былъ Ле-Сажъ, и Герцогиня спросила его, чшо чрезвычайнаго можешъ онъ показашь? Ле-Сажъ хотѣлъ въ ея присудствіи сжечь записку, на кошорой бы она написала нѣсколько вопрошовъ, и сію сожженую записку онъ обѣщаль ей оянь въ прежнемъ ея видѣ предспавишь въ шакомъ мѣспѣ гдѣ она пожелаешъ. Герцогъ Вандомскій написалъ два вопроса, изъ коихъ одинъ касался мѣспонребыванія Герцога Наварскаго, а другой — умеръ ли Герцогъ Бофоршъ? записка запечашана, Ле-Сажъ завязаль оную сверхъ шого нишкою и обернувъ оную шрудомъ и другою бумагою; послѣ сего Герцогъ взялъ записку и сжегъ оную самъ въ присудствіи Герцогини въ комнашѣ Воазинь. Ле-Сажъ увѣрилъ Герцогиню, чшо она найдешъ сгорѣвшую записку дома въ одной изъ фарфоровыхъ ея вазъ, чшо однако не случилось; но два дня послѣ шого, пришелъ Ле-Сажъ къ Герцогинѣ и принесъ ей записку замечашанную и шочно въ шакомъ же видѣ, въ какомъ была вручена Ле-Сажу, чшо ее не мало удивило. Герцогиня подарила Воазинѣ одну пишшолу, а Герцогъ шолькоже Ле-Сажу.

Когда Герцогиня Бульонская увѣрjala Герцога, чшо Ле-Сажъ принесъ ей шуже записку, кошорую они сож-

гли, то онъ утверждалъ, что сіе не возможно и что должно заспавишь Ле-Сажа ещѣ еще другую и шупъ же ее опянь доспавишь. Герцогиня послала опянь за нимъ и онъ явился къ ней. Написали ещѣ записку; но Ле-Сажъ просилъ напередъ двѣ пистюли для Сивилль, кошорья ему и даны. Записка сожжена почно также какъ и прежняя, и Ле-Сажъ обѣщаль хошя не сей часъ однако вскорѣ возврашисъ оную. Онъ просшилъ, Герцогиня посылала къ нему нѣсколько разъ, ходила даже сама къ нему и пребовала записки; но онъ опговариваясь различнымъ образомъ, пришелъ на конецъ чрезъ три или чешыре дня къ Герцогинѣ съ опвѣномъ, что Сивиллы безпреспанно вспрѣчаюшъ препяшснвія и не могушъ скоро сообщисъ ему опвѣша. Герцогинѣ пока-залась сіе пакъ смѣшно, что она рассказываетъ о шомъ многимъ, даже писала своему супругу, кошорый находил-ся шогда въ арміи.

Герцогиню обвиняли, что вшорую записку она сама писала; но Ле-Сажъ умѣль ее также какъ и первую проворно скривъ и предспавишь другую, а опвѣномъ на оную пошому не удовлешворилъ, что Герцогиня пребовала въ оной смерши супруга своего, въ кошорой Ле-Сажъ не хошѣль учасшвовашъ, почиая сіе дѣломъ счекошливимъ. Рѣшенія суда надъ Герцогинею не нашлось при дѣлахъ.

Топъ же самый Ле-Сажъ показаль при допросѣ, что шридцати-лѣшній Маркизь Фѣкіеръ, Полковникъ одного пѣхошнаго полка обѣщаль ему 2,000 ливровъ ежегоднаго

жалованья, ежели онъ поможешь ему избавишься близкаго родственника одной молодой особы, съ кошорою онъ хошълъ вступишь въ бракъ; ибо родственникъ сей не давалъ на шо своего согласія.

Далѣе, объявилъ что супруга Предсѣдателя Ферона, кошорая оправлена шакже ядомъ, вошла опъ имени одной пріятельницы своей въ переговоры съ Воазиной и заспавила ее подаркомъ брильянноваго креспа согласишься пригошовишь ядъ, кошорымъ двѣ знашныя особы лишены жизни, изъ коихъ одна не задолго предъ шѣмъ самую Воазинь избавила опъ смерти.

Ле-Сажъ ушверждалъ, что Герцогиня Вивонская была въ большомъ запрудненіи въ разсужденіи одной бумаги, кошорая была подписана ею и нѣкошорыми другими дамами одинаковаго съ нею званія и находилась въ рукахъ нѣкоей Филиспри, кошорая занималась шакже сошавленіемъ яда. Вѣрояшно, бумага сія была весьма важнаго и доспойнаго наказанія содержанія, пошому что Герцогиня Вивонская убѣдишельно его просила нѣсколько разъ съ слезами на глазахъ упошребишь все его искусство для возвращенія ей сей бумаги, пошому что ежели кто другой прочишаешь оную, шо она съ шрема подписавшимися дамами должна бышь въ высочайшей степеніи нещасплива, что онъ Ле-Сажъ спарался сколько можно обратишь въ свою пользу замѣшательство Герцогини и увѣрлялъ ее, что найдешь средство удовлешворишь ея прозѣбъ; но она должна своей рукой означишь въ запискѣ, чего она желаетъ; когда же она сіе

сдѣлала, что онъ подложилъ вмѣсто настоящей записки другую и заспавилъ Герцогиню сжечь оную въ замкъ ея. Оспавшись же одинъ въ своей комнашѣ, распечалъ онъ наспоющую записку и нашель, что Герцогиня желаетъ возвращенія бумаги, копорая находилась въ рукахъ Филистри, за что сія женщина получила уже весьма значительныя суммы.

Ле-Сажъ объявилъ все что ему извѣстно было объ оправленіяхъ и подмѣшиваніи яда; онъ увѣрялъ также, что люди занимавшіеся симъ имѣли большое знакомство и въ иносранныхъ земляхъ, и имѣли переписку въ Германіи, Швеціи и другихъ Государствахъ.

Стефанъ Гвибургъ на 71 году онъ роду былъ домовымъ Священникомъ у Графа Моннгомера и взялъ также подъ спражу по подозрѣнію въ соспавленіи яда. Онъ показалъ, что нѣкто Дами шребовалъ онъ него онаго для оправленія Министра Колберша, копорый его и принялъ; но по щасію былъ онъ того немного нездоровъ только; и пошому Дами шребовалъ онъ него другаго яда, копорый бы былъ дѣйствительнѣе; какимъ же образомъ Дами могъ его подашь Колбершу, того никакъ не могли опкрышь. Сей Гвибургъ былъ весьма искусень въ соспавленіи яда; онъ со всѣми ядомѣшателями былъ въ шѣсной связи и снабжалъ ихъ порошками и всѣми пошребностями для совершенія ужасныхъ ихъ замысловъ; въ пригошвленіяхъ своихъ упошреблялъ онъ нѣкошорую шраву, онъ кошорой умирали при безпрешанномъ смѣхѣ, ежели ее принимали въ большомъ

количествѣ; онъ обыкновенно перемѣнялъ составы, дабы они не всегда одинаковое дѣйствіе производили, давая ихъ въ винѣ, конфексахъ и супахъ. Сей самый Гвибургъ признался, что извѣстный Совѣтникъ Парламенша Пинонъ, родственникъ Фуке, хотѣлъ оправить Короля, дабы опмстить ему заключеніе сего Министра; онъ сознался сверхъ того во многихъ преступленіяхъ; по просьбѣ одного Гофмейстера Пажескаго, онъ нѣсколько разъ читалъ молебны надъ чревомъ обнаженныхъ женщинъ; для чего его приводили и отводили съ завязанными глазами; за шаковыя молебны получалъ онъ весьма дорогую плату, на примѣръ онъ получилъ за одинъ изъ нихъ въ спаромъ каменномъ строеніи въ Сенъ-Дени двадцать пистолей; по окончаніи ихъ онъ обыкновенно произносилъ наизусть заклинанія, копорыя должны были производить желаемое. Сіе заклинаніе было слѣдующаго содержанія: я заклинаю васъ, духи, коихъ имена означены на сей бумагѣ, исполнишь волю и намѣреніе шой особы, для копорой я служилъ молебень. Женщины, надъ чревомъ коихъ онъ сіе дѣлалъ, не раздѣвались; но были обнажаемы только до груди.

Одна вдова, Дела Гранжъ 38 или 40 лѣтъ отъ роду, копорая примѣшивала шакже ядъ и шорговала имъ, заключена въ Баспилію въ Февраль 1677 года. Будучи вдовою она была на содержаніи у нѣкопората Форье, копорый наскуча наконецъ поспыднымъ симъ обращеніемъ, хотѣлъ удалиться въ помѣстье свое. Дела Гранжъ, упошребила всѣ способы, дабы ошановить его въ Парижъ, намѣреваясь оправить его, предшавить свое съ

нимъ супружество и такимъ образомъ присвоить себѣ большую часть его имѣнія, которое полагали ошъ 40 до 50,000 ливровъ, почему сговорясь съ однимъ Священникомъ, по имени Ноаль, пошла съ нимъ переодѣшымъ къ Ношаріусу за нѣсколько дней до смерти Форье, за котораго себя Священникъ выдалъ; заключили и подписали въ присутствіи Ношаріуса брачный договоръ, ошъ котораго получили свидѣтельство о законномъ бракосочетаніи. Когда настоящій Форье умеръ и всѣ признаки оправдывали подозрѣніе, что онъ погибъ ошъ яда, то Священникъ и Дела Гранжъ взяты были подъ стражу; сія послѣдняя, опасаясь окончанія уголовного сего дѣла, писала къ господину Лувуа, что она хочеть сдѣлать ему весьма важныя открытія, относящіеся къ личной безопасности Короля, почему и перевели ее изъ городской тюрьмы въ Басилію; но какъ при первомъ допросѣ открылось, что она сдѣлала сіе для пустой ошговорки, то ее ошвели ошвъ въ прежнюю темницу; дѣло сіе приняло свой ходъ и оба они приговорены были къ смерти. Между тѣмъ, какъ дѣло сіе, поданное осужденною на апелляцію въ Парламентъ, находилось еще въ ономъ, получаетъ настоятель Іезуитскаго Монастыря Св. Людовика записку ошъ неизвѣстной особы въ Сенябрь мѣсяцъ тогоже года, которую онъ сей часъ препроводилъ къ Министру Лувуа; она была слѣдующаго содержанія: Вы повѣряете мнѣ шайну, о которой я, для собственнаго моего спокойствія, никогда не желала бы знать; мнѣ пріятно бы было, чтобы и вамъ оно не приходило никогда на мысль или по крайней мѣрѣ исполнило васъ такимъ же ужасомъ какъ и

меня. Возможно ли, чшобъ вы имѣли такое жестокое сердце и чшобы я, думая любить чеснаго челоувѣка, нашла въ васъ варвара съ безумною ошважносною. Вы пишете ко мнѣ письмо, кошорое могло бы ввергнушь меня въ нещаснїе, ибо бумага, кошорой вы повѣряете, никогда не скроешь шого, чшо и самая молчаливость духовника не должна бы сохраняшь въ тайнѣ. Бѣлой порошокъ, кошорый вы хошите насыпать на сальешку извѣстной особы, легко можете бышь узнанъ и вы сами можете бышь ошкрышы; я ошавляю на собшвенное сужденїе ваше, чшобы изъ сего произойши могло; я вамъ также могу сказашъ, чшо вы меня на вѣкъ сдѣлаете нещасною, ежели не ошавите сего намѣренїя и скорѣе при вашихъ глазахъ соединюсь съ соперникомъ вашимъ, кошорый будетъ гораздо достойнѣе васъ бышь впорымъ моимъ мужемъ; ежели сія угроза не можете привести васъ въ разсудокъ, шо объявляю вамъ, чшо я въ состоянїи сдѣлаться вашей доносчицей, ошъ чего меня ни величїе, ни богатштво, кошорымъ вы меня прельщаете, не удержиашъ: ибо за такую цѣну я ни шого ни другаго не желаю. Я буду и впередъ употребляшь сей шаръ, кошорый мы однѣ умѣемъ ошкрывать для досшавленїя въ ваши руки моихъ писемъ, пока не возвращу васъ обязанности вашей. Заклинаю васъ еще разъ въ шомъ, шюю любовїю, кошорую вы ко мнѣ кажется имѣли и еще имѣете, но оно должно случишься скоро, или опасайтесь моего гнѣва. Положите письмо ваше въ сей же шаръ, кошорый я вамъ посылаю, потому чшо очень опасуюсь, чшобы ихъ не увидалъ шо нибудъ пошпороннїй и чшобы меня шогда, при всей моей

невинности, не обвинили. При всякомъ другомъ преступленіи должно по крайней мѣрѣ участвовашь, чшобы заслужить наказаніе; но въ семъ случаѣ доснапочно для того и знашь о семъ. Сожгище мое письмо какъ скоро его получише, и прочише.

Судья, кошорому поручено было, розыскашь сіе, догадался сей часъ, чшо записку сію не другой кшо долженъ выдумашь, какъ Дела Гранжъ и Священникъ, коего руку, при всемъ его спараніи перемѣнишь оную, сей часъ узнали, сравнивая записку съ брачнымъ договоромъ; однако оба они ни какъ не хотѣли сознашья, чшобы они о томъ знали, а еще менѣе показашь своихъ соумышленниковъ. Весьма прудмо опгадашь намѣреніе: какое сія женщина при семъ имѣшь могла, и какія выгоды она надѣялась иолучишь опъ сего поступка, для кошораго должна была употребишь необыкновенный и опасный способъ, весьма прудный къ приведенію въ дѣйствіе, и при кошоромъ она непременно имѣла нужду въ пособіи многихъ людей; пошому чшо когда она писала сіе письмо чрезъ Священника, шо содержалась въ Шашелешъ, маленькомъ Парижскомъ замкѣ, а онъ въ шюреномъ замкѣ. Дела Гранжъ занималась шакже предвѣщаніемъ; по ея утверденію, она чрезъ свое искусство могла узнашь оправленныхъ и излечашь ихъ прошивнымъ ядомъ, сосшавленіемъ коего она весьма хвасшалась; увѣрjala шакже, чшо ранѣе она получила сію науку предвидѣнія опъ одного Принца, досшоверносшь же оной испышала разными опышами; но чшобы знаніе ея имѣло св е дѣйствіе, шо она непременно должна была пользоваться свободою и находишья подъ опкрышымъ небомъ.

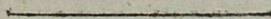
Одинъ Аптекарь перегонялъ нужныя для нее воды, зная всѣ ея тайны и былъ за то заключенъ въ Винценну, гдѣ и умеръ; а Дела Гранжъ и Священникъ казнены.

Три дворянина изъ Сициліи по имени Тривани отецъ, сынъ и дядя были схвачены пошому, что у нихъ найдены различныя порошки правы, заклинащельныя формы, магическіе знаки и шому подобныя вещи, копорые подавали о нихъ не совсѣмъ хорошее мнѣніе. Одно изъ найденныхъ у нихъ и переведенныхъ Итальянскихъ писемъ было изъ Туниса ошъ Капуцина къ Кардиналу Спиноль; изъ сей переписки видно было, что они больше искали людей недовольныхъ Правленіемъ и хотя ихъ вскорѣ по повелѣнію Короля выпустили изъ Башиліи, но запрещено оная когда либо показываться во Франціи.

V.

ГОНЕНІЕ ПРОТЕСТАНТОВЪ ПО УНИЧТОЖЕНІИ УКАЗА НАНТСКАГО (*).

Указъ Нантскій былъ изданъ въ пользу Реформашовъ Генрихомъ IV. въ Наншѣ 1598 года; Людовикъ XIV уничтожилъ оный другинъ даннымъ въ Фонтенебло въ

(*) См. новую Исторію Кондильяча.

1685 году. По уничтоженіи сего Эдикта пошь же часть опшняны у всѣхъ исповѣдовавшихъ Реформашскую религію всѣ права ихъ, привилегіи, церкви, у многихъ даже дѣши для воспианія ихъ въ Каполической вѣрѣ. Большая часть спаслась бѣгствомъ съ деньгами и самыми драгоценными вещами ихъ, въ Англию, Германію, Голландію и проч.—Чтобы оспановить сіи выѣзды, чрезъ копорые почти всѣ деньги выходили изъ Государства, приказано было никого изъ Реформашовъ не выпускать безъ именнаго повелѣнія, сверхъ того всѣ вещи ихъ въ гаваняхъ и пограничныхъ мѣстахъ наиспрожайше разсмаширивать. Сими учрежденіемъ постановлено наказаніе также и шѣмъ, кто будетъ вспомошествовать такимъ выходамъ. По сему закону весьма многіе были арештованы, и шемницы были наполнены людьми обоого пола; у нихъ отбирались бумаги. Равнымъ образомъ пошнуали въ домахъ у шѣхъ, копорые спасались бѣгствомъ.

Герцогъ дела Форсъ былъ въ числѣ протестантовъ посаженныхъ въ Бастилію въ 1681 году. Хотя онъ былъ весьма преданъ своей вѣрѣ; однако надѣялись уговорить его отказатьсь отъ оной. Онъ просилъ о возвращеніи ему бумагъ его, копоры касались только частныхъ дѣлъ его. Между ими находилось завѣщаніе, въ копоромъ онъ именно признавалъ себя протестантомъ, желая жить и умереть имъ; бумаги выданы ему были Полицейскимъ Чиновникомъ, выключая его завѣщанія, копорое въ его присудствіи сожжено было. Онъ пробылъ въ Бастиліи съ конца Іюня 1689 до конца Апрель-

ля 1691 года. При выпускѣ его отданъ онъ былъ на руки настоятелю Маглуарскаго Монастыря, отъ котораго надѣялись, что онъ успеетъ обратиться его. Герцогъ во все время содержанія его въ Бастиліи имѣлъ позволеніе держанъ при себѣ двухъ слугъ; но они должны были бытъ ревностные Каполики.

Одна женщина Вандербургъ, называемая также Каролиною Голландка, женщина смѣлая, нѣсколько разъ дѣлала побѣды во Францію подъ предлогомъ шорга; ей доказали перехваченными письмами ея, что настоящее ея намѣреніе было вспомошествовать многимъ лицамъ къ побѣгу изъ Королевства, за что она содержалась въ Бастиліи, гдѣ вѣроятно жизнь свою окончила такъ какъ инокоторый Господинъ Домонъ, который почитался за самаго упорнаго и настойчиваго протестанта. Онъ называлъ новообращенныхъ сабаками и невѣрными.

Весьма жалка была участь протестантскаго Проповѣдника Карделя, сына одного Адвоката въ Руенѣ. Онъ былъ Проповѣдникомъ при Церквѣ, находящейся недалеко отъ сего города; тогдашній Интендантъ Руенскій приказалъ ему ославить Королевство, что онъ и исполнилъ, побѣжавъ въ Англію и Голландію; но побуждаемъ ревностію, возвратился опять во Францію въ 1688 году. Находясь съ лекаремъ Берніе въ одномъ домѣ для посѣщенія больной изъ новообращенныхъ, былъ онъ схваченъ и заключенъ съ лекаремъ и братомъ больной въ Бастилію, изъ коей перевезли его въ шеницу на островъ Св. Маргаретшны, гдѣ окончилъ жизнь свою въ 1694 году. Лекаръ, который провожалъ его не только къ сей

больной; но и къ другимъ семействамъ, принадлежащимъ къ числу новообращенныхъ, дабы возвратили ихъ совершенно въ нѣдро Протестантской Церкви, умерь также въ другой шемницѣ.

Также и новообращенные, о которыхъ сомнѣвались въ искреннемъ ихъ обращеніи, были заключаемы въ Баспилю для подкрѣпленія ихъ вѣры. Когда въ 1691 году не за долго предъ отъѣздомъ Короля въ Монсъ узнали, что два купца Дикъ и Гви съ другими Протестантами и новообращенными, числомъ до 12 человекъ, соединенные между собою связями родства и извѣстные за смѣлыхъ людей, которыхъ ничего добраго не доверяли, также хотяшъ оправдаться къ сей осадѣ: но препоручили одному шпиону примѣчать за ними внимательнѣе и схватить, ежели найдешъ ихъ на дорогѣ во Фландрію. 5 го Апрѣля показались Дикъ и Гви верхомъ, одѣтые Рейшарами въ шляпахъ, обложенныхъ галуномъ и съ писмолетами на большой Бургенской дорогѣ. Къ нимъ присоединился еще одинъ Рейшаръ, который показывалъ, что онъ также въ Монсъ ѣдитъ. Дикъ и Гви ему соварищеествовали; но въ Луврѣ, гдѣ они вмѣстѣ объѣдали, были схвачены симъ Рейшаромъ, который былъ Полицейскій Шпионъ, при помощи одного ефрейнера. Они показали, что ѣхали въ Риссель для продажи шоваровъ, которыхъ ими напередъ шуда отправлены; но они никакого вида на то не могли показашъ; ихъ привели въ Баспилю, допрашивали; но они швердо ушверждали, что никогда не имѣли намѣренія ѣхашъ въ Монсъ и никогда не объявляли того ни Рейшару шоварищу ихъ,

ни кому либо другому, признались при томъ числосердечно, что хотя они и опрелись опъ своего закона, дабы не оказашься ослушными Королевскому указу; но что въ душѣ своей они оспались и оспаушся Протестаншами. Извѣсно было, что они были въ шьсной связи съ шремя Реформашскими Проповѣдницами, схваченными въ Парижѣ въ 1689 и 1690 годахъ, коихъ они укрывали въ домахъ своихъ. Подозрѣніе, возбужденное ими поѣздкою ихъ въ насюящихъ обспояшельспвахъ, ихъ вооруженіе, особенно же запрещенное оружіе, карманные пистолены, здѣлали то, что, хотя ихъ не посадили въ Басшилю, однакожъ оправили въ замокъ Гвизской, гдѣ они находились еще въ 1695 году и гдѣ вѣроятно они и жизнь кончили.

Господинъ и Госпожа Лафоншенъ были посажены въ Басшилю, дабы принудить ихъ возвратить бѣжавшаго сына ихъ, отданнаго на воспитаніе одной духовной особы и бѣжавшаго шайно въ Швейцарію. Имъ объявлено, что они не будутъ освобождены, ежели не возвращашь сына ихъ къ духовному; но они кляшвенно увѣряли, что не брали никакого учаспія въ побѣгъ ихъ сына и вмѣспѣ съ шѣмъ объявили, что скорѣе умрушъ въ шемницѣ, нежели согласашься возвратить его; они оба исповѣдывали опкрыто протестаншскую религію и содержались уже разъ по сей причинѣ въ Басшиліи. Сіе швторое испышаніе, выдержанное ими штакже съ швердосшію, опличило ихъ еще болѣе между Парижскими ихъ единовѣрцами.

Емсардъ Кушансе заключенъ былъ въ семь 1693 году въ Баспилю, прибывъ въ Церквь пасквилъ на преслѣдователей Протестантовъ, что онъ уже нѣсколько дней прежде въ Руенъ дѣлалъ. Губернатору Баспили имяно приказано было не позволять никому разговаривать съ симъ плѣннымъ, для большей же безопасности и чтобы онъ не вздумалъ разбить себѣ голову о стѣну, дали ему двухъ стражей. Бодрость и присудешвіе духа сего несчастнаго превосходило всякое вѣроятіе. Онъ не боялся ни пытокъ, ни смерти и показывалъ, что самую жизнь почищаетъ ничтожною; но протестантскіи года просилъ онъ позволенія говорить съ однимъ изъ судей своихъ; ибо по его словамъ, онъ ясно видѣлъ заблужденіе свое и потому желалъ объявить всѣхъ, которые подвигли его къ такимъ поступкамъ; когда же предсавленъ былъ предъ судью, казалось будто вспоминалъ нѣчто, перемѣнялся въ лицѣ, дѣлалъ различныя знаки глазами и другія кривлянья, показывающія готовность его открытъ нѣчто, наконецъ просилъ позволенія исполнить молитву свою. Послѣ сего онъ палъ на колѣна, возвелъ руки къ Небу, призывалъ Бога, и произнесъ громкимъ голосомъ ужаснѣйшія проклятія противъ гонителей протестантовъ и всмалъ съ сими словами: „Знайше же, что всю мою жизнь я буду дѣлать подобное!“ Такъ какъ ничего болѣе онъ него не могли допытаться, то ошвели назадъ въ его шюрму.

Гидеонъ Филбертъ, протестантъ 20 лѣтъ отъ роду, который уже въ 1687 году для религіи предпринималъ бѣгство въ Амстердамъ, былъ схваченъ въ Марселѣ

въ 1694 году; ибо правительству дано знать, что онъ по торговымъ дѣламъ будешь проѣзжаешь изъ Амстердама чрезъ Францію въ Ливорно и въ Марсель будешь находишься на кораблѣ. Въ бумагахъ, имѣвшихся при немъ не найдено ни малѣйшаго, чтобы могло обвинить его; но отецъ его Клавдій Филбертъ, который имѣлъ пребываніе свое во Франціи, и до уничиженія Нантскаго Эдикта со всѣмъ семействомъ своимъ исповѣдывалъ протестантскую религію, отъ которой по видимому хоня и отказался; но дѣти его удалились изъ Франціи въ протестантскія земли; а братья его, весьма богатые купцы въ Амстердамѣ были протестанты: по посему полагали, что отецъ остался во Франціи для того только, чтобы съ другими вещми переписку, вывезши понемногу изъ Государства вещи и имѣніе свое, напоследокъ совсѣмъ удалился въ земли, не подвластныя Королю. Сіе подозрѣніе подтверждено еще болѣе показаніемъ Реформатскаго Проповѣдника Малцака, коего голова оцѣнена была въ 1,000 ливровъ и который наконецъ дѣйствительно попался въ руки Полиціи въ 1692 году. Онъ показалъ, что въ последнее его путешествіе былъ опрекомендованъ Банкиру Филберту, который познакомилъ его съ другими новообращенными, гдѣ онъ такъ какъ и у Филберта служилъ ливургію и опять ихъ принялъ въ нѣдро протестантской религіи. Такъ какъ фамилія Филберта въ Амстердамѣ, Ліонѣ и Ливорно была весьма знатна и богата, къ тому же Французскаго произхожденія, и ревностные протестанты; то весьма легко могло спастись, сказано въ протоколѣ, что она избрана была для удобнѣйшаго испол-

ненія зловредныхъ намѣреній; а такъ какъ опасно бы было повѣрять подобное что нибудь бумагъ; то молодой Филбертъ, какъ человекъ большого ума, могъ бытъ отправленъ съ изусными порученіями шѣмъ болѣе, что при проѣздѣ его чрезъ Парижъ онъ посѣщаль знаменитѣйшихъ банкировъ Пропешанповъ и вообще самыхъ ревностныхъ и подозрительныхъ изъ своихъ единовѣрцевъ; почему положено справедливымъ Гидеона Филберта оставить въ заключеніи, не смотря на прозбы и предшавленія его фамиліи.

Въ заключеніе сей главы сообщимъ почтеннымъ читателямъ одно посланіе къ Римско - Католической Церкви, писанное въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ; сіе посланіе принадлежитъ безспорно къ числу рѣдкихъ историческихъ докуменговъ, объявляющихъ духъ того времени. Копія съ онаго находилась въ бумагахъ Басиліи.

Первое посланіе Католикамъ, содержащее въ себѣ смиренныя представленія противъ угнѣтенія претерпѣваемаго протестантами въ Государствахъ, въ коихъ Римско-Католическая вѣра господствующая.

Кто можетъ безъ внутренняго содрганія взирать на жалкое положеніе, въ которое мы повергнушы во

многихъ Европейскихъ Государствъ; хотя мы не одной вѣры съ вами, по крайнѣй мѣрѣ имѣемъ одинакую связь съ природой, производимъ оныя одной крови и имѣемъ въ Адамъ одного ошца съ вами; и пакъ ежели вамъ чувствено челоуѣколюбія не чуждо, какъ мы ожидаемъ сего оныя благоразумнѣйшихъ изъ васъ: то вы непременно должны скорбѣть при видѣ причиняемыхъ намъ оскорбленій. Не научаетъ ли васъ самъ Іисусъ Хриосъ, что Іудеянинъ долженъ почищать Самарянина брапомъ своимъ и приниматъ участіе въ его спраданіяхъ, не имѣютъ ли и самыя дикіе звѣри любви къ шѣмъ, копорыхъ природа сошворила подобными имъ и пошому не должны ли и вы оказывать намъ соспраданіе въ семъ плачевномъ сосшояніи, въ кошорое мы приведены вами въ земляхъ, гдѣ ваша вѣра господствуетъ.

Вы думаете, что мы въ заблужденіи; но можете ли сіе служить основаніемъ жестокому съ нами обращенію; ежели бы мы были увѣрены, что Римско-Католическая вѣра лучшая, то собшвенное наше благополучіе, собшвенное наше спокойствіе въ семъ свѣтѣ были бы весьма побудишельными причинами къ соединенію нашему съ вами; всѣ люди уже оныя природы слишкомъ себя любящъ, чтобы подвергать себя безъ нужды бѣдствію, шерпѣнію и вѣчному проклятію; положимъ, что мы заблуждаемся: то не довольно ли и сего для нашего нещасія безъ шѣхъ бѣдствій, кошорыми вы насъ испышуете и ежели бы ваше мнѣніе было основательное, не должны ли вы скорѣе сожалѣть о насъ и молишь Бога, чтобы онъ просвѣщиль и обратиль насъ, пакъ

какъ вы знаете, что вѣра есть Даръ Божій. Худыми поступками никого не лѣзя увѣрять, на прошивъ чѣмъ насильственнѣе поступають, тѣмъ болѣе ожесточають умы.

Какъ много опсупаешь такое обращеніе оиъ сей крошоси, копорую опкрываетъ намъ Спаситель и Ученики его въ ученіи ихъ; оно не имѣеть даже наружнаго вида духа Божія, копорый одушевляетъ служителей Евангелія и изображается въ видѣ голубя, знаменующаго крошосъ. Хотя намъ и говоришь Св: Павелъ, что употребляемыя имъ орудія сильны предъ Господомъ и крѣпоси раззорить; но прибавляешь къ тому, что сіи орудія не шѣлесныя и что оиъ употребляетъ мечъ духовный, копорый есть слово Божіе.

Кпо въ состояніи описанъ спраданія, копорыми насъ удручаютъ чпобы заспавить принять Католическую вѣру; ежели бы кпо вздумалъ издашь обстоятельное описаніе оныхъ; тоиъ долженъ бы былъ написанъ цѣлую книгу; мы въ пепелъ ѣдимъ хлѣбъ нашъ и упиваемся слезами нашими; мы ни днемъ, ни ночью не имѣемъ покоя; шѣ, копорые оставили опечество, скишаются по свѣшу, чпобы найши убѣжище оиъ преслѣдованія; опцы и матери опшавляютъ своихъ любимыхъ дѣшей, дѣши родителей, жены мужей, а мужья женъ своихъ, ибо непотрныя прииѣсенія заспавляютъ насъ разрывашь сіи священныя узы, веспи унылую и бѣдспвенную жизнь на чуждой споронѣ и весь свѣшь наполняшь жалобами и спенаніями; кпо же опшаетъ въ опечествѣ своемъ,

попъ живешъ въ непрерывномъ безпокойствѣ и страхѣ; его лишаютъ утѣшенія служишь Богу своему по убѣжденію его совѣсти; а ежели оны исполняешь сію священную обязанность: по его умерщвляюшь какъ злодѣя и возмутилъ; не довольствуешься тѣмъ, что лишаютъ насъ достоинствъ и заслугъ нашихъ; но и дома наши предаюшь разграбленію и лишаютъ насъ нужнаго и Богомъ дарованнаго; одни умираюшь съ печали, другіе убѣгаюшь въ лѣса и пустыни, и скрываются въ ущельяхъ горъ и пещеръ, подобно благовѣрнымъ перваго столѣтія христіанской Церкви, коихъ свѣтъ былъ недостаточенъ; нашихъ женъ и дочерей запираюшь въ Монастыри; мужей бросаюшь въ темныя и отвратительныя темницы, гдѣ многіе изъ нихъ или оны голода, или оны смрада погибаюшь, другіе предаюшь безжалостнымъ полагамъ, копорые въ запертой комнатѣ, при безпрестанныхъ мученіяхъ заспаляютъ испускавъ духъ ихъ; иныхъ обременяюшь тяжелыми оковами и ссылаюшь на галеры, гдѣ съ ними обходящя жесточѣ, чѣмъ съ величайшими злодѣями, копорыхъ освобождаютъ даже, чтобы замѣнить ихъ сими невинными. Такъ и Спаситель нашъ заступилъ мѣсто смертоубійцы Варравы; съ нами поспунаюшь съ необыкновенною жестокостію и не позволяюшь никому, даже старымъ Каполикамъ вручать имъ хотя малѣйшее число денегъ или хотя одну утѣшительную спрочку, даже разговаривать съ ними запрещается, какъ и съ прочими галерными невольниками. Многіе публично казнены, другіе отдавали на произволь ожесточенныхъ и свирѣпыхъ солдатъ, копорые поспунали съ нами поспуднѣйшимъ образомъ, въшали или

умерщвляли безчеловѣчно; всѣ спонущь, плачущь, всѣ повержены въ печаль и горесть; нашимъ имѣніемъ, дѣльми, самую жизнь нашу распоряжающа, какъ буд-шо мы рабы или скошы. О Господи Боже нашъ! зри слезы, вздохи и текущую кровь нашу; ибо всякой день за себя предаемъ мы смерти, какъ Аглицы, опредѣленныя на закланіе.

Возможно ли, чшобы вы всѣ въ состояніи были подавить чувство справедливости, кротости, милосердія и челоуколюбія? Какъ можете вы равнодушно причинять столько зла невиннымъ твореніямъ, копорые не оскорбили васъ ничѣмъ? не ужели вы не боишесь, что правосудіе Всемогущаго Бога не позволяющее прищсненій и убійства, не пощипитъ васъ? Когда исполнися мѣра ваша? Не ссылайшесь на кротость вашу съ нами; ибо, можно ли назвашь крошкыми поступки вашихъ драгунъ, копорые съ дикою неукротимостію и ужаснѣйшими ругательствами и проклятіями производять надъ нами всякаго рода непріязненныя дѣйствія, копорыя одинъ только адъ можетъ внушитъ симъ нечестивцамъ? Можете ли вы назвашь сносными шѣ огорченія, гоненія и мученія, копорымъ мы ежечасно опъ васъ подвержены? Вы видѣли какъ всякое насиліе прошивно духу Евангелія, и пошому не воображайте, чшобы предъявляемая вами умѣренность могла васъ оградить опъ Божескаго правосудія, копорое отрицаешь шакаго рода несправедливыя и звѣрскіе поступки; законы справедливости, природы, челоучества, законы Царя Царей запрещающь

вамъ прихѣсьняхъ невинныхъ. Разсмотрите же сами, можете ли ваше обращеніе съ нами наставитъ невѣрующихъ и обратишь ихъ къ Христіанству? Какое сужденіе могутъ они имѣть о Христіанахъ, когда видяшь между ими раздоры за религію; не должно ли быть для нихъ соблазнительно, что Христіане подъ видомъ кротости, и благоугоднаго дѣла преслунають Священнѣйшія законы и обязанности, чтобы преслѣдовашъ и испребляшъ другъ друга. Не должны ли они исполнитъ-ся ужаса противъ людей, кошорые за мнѣнія разспроивають челоуѣческое общество, попирають торжесшвеннѣйшія обязанности и испребляють шакимъ образомъ общественное довѣріе.

Въ политическомъ отношеніи, вы должны видѣть, что ничто шакъ не противно пользѣ Государства какъ преслѣдованіе. Не оно ли было причиною разрыва Голланди съ Нидерландами, въ прошедшемъ столѣтіи, не оно ли было причиною унадка Авеспрійскаго дома, не оно ли за нѣсколько лѣтъ привело Германію на край погибели; не подвергаетъ ли оно въ сію самую минушу одно изъ сильнѣйшихъ Государствъ въ свѣтѣ крайней опасости, и не унизило ли оно уже сіе цвѣтущее Государство въ нѣсколько мѣсяцевъ болѣе, чѣмъ всѣ силы Европы въ цѣлое столѣтіе. Преслѣдованіе опустошило часнѣ земель Герцога Савойскаго, коего подданные были умерщвляемы, а большая часнѣ погибала въ шемницахъ, наконецъ оноже лишило его лучшихъ и вѣрнѣйшихъ солдатъ - потеря, важности кошорой засшавишь его нѣкогда раскаяшься.

Ужели наша религія такъ ужасна и учить такимъ необыкновеннымъ вещамъ, что ваши Прелаты и Езуиты вынужденными находясь не принимаютъ въ уваженіе сколько важныхъ причинъ и все опровергають, чтобы только испребили насъ; они шепчуть Жидовъ и Магометанъ; а съ нами поступають они какъ съ идолопоклонниками. Развѣ мы не признаемъ Бога или отказываемся признавать Иисуса Христа Спасителемъ? Развѣ наше ученіе безбожно, наше богослуженіе идолопоклонно и суевѣрно, наша нравственность противна хорошимъ правиламъ.

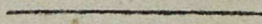
Благоразумнѣйшіе изъ васъ могутъ сами рѣшить и быть нашими судьями. Въ послѣднее собраніе Французскаго духовенства въ Парижѣ въ мѣсяцахъ Іюнь и Іюль 1685 года мы подали шесть письменныхъ объясненій, содержащихъ краткое описаніе нашего ученія, богослуженія, порядка и нравственности; но сіи Господа не заблагоразсудили обнародовать ихъ во Франціи и издали приказъ на границахъ не пропускать оныхъ печатанныхъ; хотя мы чрезвычайно желали, чтобы всѣ узнали какого рода наша религія, дабы всякой въ состояніи былъ судить, заслуживаемъ ли мы нинѣшнюю къ намъ ненависть и претерпѣваемыя нами ужасныя притѣсненія, и пошому мы предложимъ вамъ въ другомъ письмѣ краткое описаніе нашей вѣры, изъ коего вы узнаете, какова ша религія, кошорую Прелаты и Езуиты такъ горячо преслѣдуютъ и для кошорой мы пренебрегли почести, заслуги, дома, любезное общество, даже особь, съ кошорыми мы соединены сильнѣйшими и нераз-

рыбными узами и подверглись бѣдствію, поношенію, крайности, изгнанію, смершельнымъ опасностямъ, шюркамъ, галерамъ, смерти и безчеловѣчнымъ казнямъ. Милосердіе Бога—Отца, милость Іисуса Христа Сына Его, просвѣщеніе и прочіе дары Духа Свяшаго да будутъ съ вами. 10 Марша 1687 года.

VI.

Плѣнный, находящійся сорокъ лѣтъ въ заключеніи не желаетъ возвращенія свободы.

Сей плѣнный Исаакъ Арменъ Даву-Асешпе состоялъ въ родѣ своего брата кадепомъ, былъ изъ протестантской фамиліи, а самъ изъ числа новообращенныхъ; онъ попалъ въ Басшилю въ 1695 году и переведенъ изъ оной въ 1749 въ Шараншонъ, гдѣ онъ въ непродолжительномъ времени умеръ. Его обвиняли въ участіи въ смершоубійствѣ одного судьи, учиненнаго двумя его племянниками, изъ коихъ одинъ изъ нихъ заспрѣлилъ его. Когда начальство преслѣдовало сихъ убійць, то Арменъ прибылъ ко двору, чшобы испросить помилованіе своимъ племянникамъ; но Король соглашался просить того только, который не спрѣялъ; пока Арменъ ходатайствовалъ о родшвенникахъ своихъ, судьи того мѣста, гдѣ учинено смершоубійство изгосовили указъ,

чтобы схватили его самого за то, что по ихъ мнѣнію онъ написалъ ложное прощеніе племянникамъ своимъ, по случаю также ими учиненнаго смертоубійства другаго дворянина. По прошествіи сорока лѣтъ ему предлагали свободу; но онъ ее отвергнулъ и просилъ Короля, чтобы онъ его изъ милосердія оставилъ въ темницѣ. Сей человекъ пробылъ въ Басниліи 54 года 6 мѣсяцевъ и двадцать дней. Ему было около девяноста лѣтъ онъ роду, когда его перевели въ Шараншонъ, дабы содержать и одѣвать его шамъ на счетъ казны; онъ былъ подъ конецъ слабоуменъ какъ ребенокъ и ходилъ свободно весь день въ обоихъ внутреннихъ дворахъ замка. Около 12 лѣтъ не позволено уже ему было ночевать въ одной и тойже комнатѣ, потому что онъ собиралъ шамъ дрова, свѣчи и всякія вещи, и должно было всегда опасаться, чтобы онъ не зажегъ Басниліи, и потому ему приказано было ночевать во второй караулнѣ, гдѣ волонтеры по старому знакомству имъ не скучали, онъ и самъ привыкъ къ нимъ; но когда въ Басниліи заняли караулъ Инвалиды; то имъ здѣлалися въ тягость; равнымъ образомъ и онъ не могъ къ нимъ привыкнуть. Онъ былъ вообще скряпешъ и весьма легко могъ бы сечь Гаубшвахшу и ружья. Всѣ сіи затрудненія побудили Беля, Губернатора Басниліи просить Полицію, чтобы она освободила его отъ сего человека. Его родственники навѣдывались отъ времени до времени, не умеръ ли онъ, вѣроятно потому, что напередъ завладѣли его имѣніемъ.

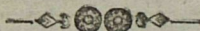

VII.

ИЗВѢСТНАЯ МЕЧТАТЕЛЬНИЦА Гіонь. 1698.

Она была вдова Кавалера Квесоя, 47 лѣтъ отъ роду, и еще весьма хороша собою, когда, въ 1698 году, привели ее въ Бастилію. За три года до сего содержалась она въ Винценнѣ, занимаясь исполкованіемъ Священнаго Писанія и сочиненіемъ сообразныхъ тому швореній; она утверждала, что имѣешь Божескія откровенія, состояла при Дворѣ въ шайныхъ и часпныхъ сношеніяхъ и старалась распроспранять ученіе свое между людьми высокаго званія; къ приверженцамъ ея принадлежали многія знашныя особы, между прочими Архіепископъ Кембрійскій, знаменишый Фенелонъ. — Она имѣла большую довѣренность къ нѣкопоруому Даву, который мечтами своими умножалъ мечты ея воображенія.

Гіонь была освобождена изъ Бастиліи въ 1703 году на поруку сына ея. Погребена въ Блоа, и приверженцы ея сечны довольно часно спранспвовали шуда по общанію.

VIII.

ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА, НАЗЫВАЕМАЯ ТАКЖЕ СТАРЫЙ ПЛѢННИКЪ ПИНЬЕРОЛЬСКІЙ (*).

О семь плѣнномъ совершенно ничего не значится ни въ пропоколахъ, ни въ прочихъ бумагахъ Бастиліи;

(*). См. о семь въ стккѣ Людовика XIV.

онъ не извѣстно откуда привезенъ въ Пиньероль въ 1671 году; отсюда перевезли его въ Ескиль въ 1687 году, и въ томъ же году на островъ Св. Маргариты, откуда поступилъ въ Басилію, въ 1698 году.

Онъ всегда носилъ маску изъ чернаго бархата, которая весьма крѣпко держалась на немъ посредствомъ проволоки (откуда и происходитъ названіе желѣзной маски), которую онъ носилъ до самой смерти. Господинъ Сеншъ-Марсъ привезъ его въ своемъ поршезѣ въ Басилію въ 1698 году, 18-го Сентября, въ 3 часа по полудни, прѣхавъ съ острова Св. Маргариты, чтобы занять мѣсто Губернатора Басиліи. Онъ обходился съ большимъ уваженіемъ съ симъ павнымъ, къ которому никто не допускался, кромѣ Губернатора и Маіора Росаргеса, коему одному поручена была услуга и надзираніе за нимъ. Ему ни въ чемъ не отказывали, чего бы онъ ни пожелалъ. Послѣ скоропостижной смерти, привлочившейся ему отъ болѣзни, продолжавшейся нѣсколько часовъ только, 19-го Ноября 1703 года былъ онъ завернутъ въ простыню изъ новаго холста и черезъ день погребенъ въ церквѣ Св. Павла, въ 4 часа по полудни, подъ именемъ Мархіали, въ присутствіи Маіора Росаргеса и главнаго лѣкаря Басиліи Бейля, коими подписанъ также списокъ сей церкви. Его похороны стоили 40 ливровъ. Онъ пробылъ въ Басиліи 5 лѣтъ и 6 дней; все находившееся въ его комнатѣ: кровать, постель, столы, стулья и прочія принадлежности, даже двери и окошки сожжены, а серебряная, мѣдная и оловянная посуда переплавлена; занимаемая же имъ комната, прешья въ башнѣ, называемой Берподьеръ, выскоблена и вновь выбѣлена. Въ цер-

ковной книгѣ онъ показанъ 45 лѣтъ. Его называли въ Басшиліи челоуѣкомъ въ маскѣ, или неизвѣстнымъ.

IX.

Чернокнижникъ Аубертъ.

Его отецъ былъ опкущикомъ въ Шампаньи, послѣ котораго сынъ, не получа никакого наслѣдства, принужденъ былъ принять званіе слуги въ Парижѣ. Онъ увѣрялъ, что, получа опъ одного Священника Хиромантическія книги, занимался предсавленіемъ Хороскопа весьма удачно. Его обвиняли въ обращеніи съ духами, опъ чего онъ хопя и оприцался, однако сознался, что присудствовалъ при церемоніи кошечей головы съ другими подобными ему обманщиками. Сія церемонія состояла въ томъ, что сему живошному опрубали голову, а шло зарывали на 7 фушовъ въ землю; послѣ того клали голову въ горшокъ и вшыкали въ оную 7 бобовъ, изъ коихъ съ каждаго долженъ былъ вышши червякъ, которій имѣлъ силу дѣлать невидимкою того, кто его съ собой носить будешь. Хопя Аубертъ и увѣрялъ, что предлагаемому шаинству онъ никогда не вѣрилъ; но опспался при томъ, что для врачебнаго искусства онъ имѣлъ превосходныя средства. Одинъ Ношаріусъ объявилъ, что опъ едва не умеръ опъ одного изъ нихъ и что изъ всѣхъ ему извѣстныхъ обманщиковъ сей былъ опаснѣйшій. — Аубертъ жаловался на сіе несправедливое обвиненіе, которое казалось болѣе его шрогало, чѣмъ двухъ съ полови-

ною-лѣшнее заключеніе его въ шенницѣ: онъ не признавался въ большой часпи дѣлаемыхъ ему обвиненій; но и того уже, въ чемъ онъ признался, было бы весьма доспа-точно для уличенія его въ оспальномъ, ежели дошло бы до изслѣдованія. Такъ какъ сей человекъ весьма былъ за-нашъ астрологическими своими глупостями и при томъ былъ обманщикъ и шарлапанъ въ высочайшей степени, кошорый спарался только выманишь у людей деньги, и кошорый глупостями самую жизнь жены своей привелъ въ опасность: по сочли за лучшее оставишь его въ Баспилиі. Ренневиль въ своей испоріи о Баспилиі упоминаетъ также о семь Аубершѣ и описаніемъ своимъ о немъ совершенно оправдываетъ вышепомянутое рѣшеніе Баспильскихъ Судей. Такъ какъ онъ нѣсколько разъ сидѣлъ съ нимъ въ одной комнатѣ, то и имѣлъ случай узнашь его какъ полусумасшедшаго глупца, помѣшаннаго на чернокнижествѣ.

Нѣкопороя Анна Пурьенсъ, занимающаяся предска-заніями, была его сообщницей; она наговаривала легко-вѣрнымъ множество вздору, предсказывала имъ щасливую будущность и обирала у нихъ такимъ образомъ деньги. Нѣсколько времени находилась она въ услугахъ у знашныхъ дамъ и занималась Хироманшією и Педоманшією; она про-довала также и шалисманы: но говорила въ свое изви-неніе, что сіи подложные шалисманы были не иное что, какъ персти съ ашпиками, изъ коихъ каждый имѣлъ особенное свойство и силу, такъ какъ всякое растѣніе. Въ комнатѣ ея нашли много книгъ по сей часпи, но она увѣряла, что никогда не дѣлала вреднаго употреб-ленія изъ оныхъ; что она занималась шѣмъ единственно

для препровожденія времени и въ угожденіе двумъ Принцессамъ, которыя весьма любопытны были къ подобнымъ вещамъ; между тѣмъ однако же была увѣрена, что въ сошавъ рукъ и ногъ находящаяся извѣстная линія, по коимъ можно вывести весьма справедливыя заключенія и значенія. Она увѣряла, что никогда не употребила сего въ свою пользу; но со всѣмъ тѣмъ извѣстно было, что она только тѣмъ и жила. Какъ она ни была бѣдна, но взяла на воспитаніе дѣвицу, коей онець, по ея мнѣнію, былъ Принцъ. Сія молодая особа имѣла 18 лѣтъ, а осуждена 50-ти лѣтъ опъ роду, когда сія послѣдняя приведена была въ Бастилію. Она, по обыкновенію такихъ людей, хвасталась величайшими открытіями и познаніями; говорила, что Маршалъ Виллера не былъ бы взятъ въ плѣнъ въ Кремонѣ, есльи бы не потерялъ шалисмана, который она ему продала за 50 пистолей, и что она шудилась еще надъ сошавомъ новаго шалисмана за ту же цѣну; шайнствомъ сего искусства прибрѣла она одной первокласной дамѣ (госпожѣ Меншенонъ) любовь и почтеніе величайшаго Государя (Людовика XIV). Сію женщину освободили въ 1704 году подъ запрещеніемъ показываться когда либо въ Парижѣ.

Въ семь же году, какъ видно изъ прошекола, освобождена также другая женщина, которая содержалась въ Бастиліи по подозрѣнію въ чернокнижествѣ и подмѣшиваніи яда. Когда разсмотрѣны были порошки, найденныя на каминѣ ея, то оказался одинъ исполченной бирничъ и невкусная соль; и такъ преступленіе ее ссешояло въ помѣ, что она пользовалась легковѣріемъ и глупостию просшаконъ.

X.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И САМОУБИЙСТВО УДИВИ-
ТЕЛЬНОГО БРОДЯГИ ВИНАХЕ, 1704.

Онъ былъ Неаполишанскій уроженецъ и называ-
ся по надписи Баспильскаго пропокола: чудный докшоръ,
Алхимикъ, искашель шаинсвъ и камня премудрости, на-
конецъ, человекъ — занимающійся дѣланіемъ и обрѣзыва-
ніемъ монеты.

Онъ былъ 38 лѣтъ онъ роду, взявъ подъ спражу,
неизвѣснаго происхожденія, и въ опечесвъ своемъ на-
ходился въ большой нищестѣ; не зналъ ни чипашъ, ни
писашъ, и выучился маціонально подписывать одно имя
свое, кошорое весьмъ худо писалъ. Сіе обстоятельство
тѣмъ болѣе должно обратишь вниманіе, что онъ, какъ
видно будешъ въ послѣдствіи, сославилъ себѣ блиспа-
тельное щасіе и прославился въ обществѣ искуснымъ
медикомъ, извѣстнымъ химикомъ, наконецъ, человекомъ,
обладающимъ философскимъ камнемъ и знаніемъ другихъ
еспешственныхъ и искусственныхъ шаинсвъ; сверхъ то-
го онъ велъ большой торгъ золотомъ и серебромъ въ
Женевѣ и другихъ мѣстахъ и занимался обрѣзываніемъ
хадячей монеты. Герцогъ Шолнешскій, бывшій тогда
въ Италіи, привезъ его во Францію въ концѣ 1689 года.
Онъ опредѣлился по прибытіи своемъ въ полкъ Рояль-
Руссий, изъ коего бѣжалъ въ 1691 году въ Парижъ.
При побѣгѣ своемъ онъ обокралъ поварища своего Нико-
лая, кошорый былъ поршнымъ, унеся съ собою опданныя

сему для переправки офицерскіе мундиры, дорогой былъ задержанъ и брошенъ въ шюрму какъ бѣглый. Графъ Овернскій выхлопоталъ ему помилованіе и освобожденіе. Винахе пришелъ въ Парижъ въ 1692 году и остановился въ дурной харчевнѣ голъ, нагъ, не имѣя ни работы, ни промысла. Хозяинъ сей жалкой харчевни назывался Буллошъ и торговалъ прежде сего свѣчами, отъ чего весьма разспроился. Герцогъ Шолнешскій покровительствовалъ ему, или лучше сказать, молодой и щеголеватой дочери его.

По прошествіи пяти, или шести мѣсяцовъ Винахе присваивался къ сей дочери. Отецъ, не могшій дать ей никакого приданого и желая загладить пятно прежняго образа жизни ея супружествомъ, охотно согласился на предложеніе его. Дочь его получила въ приданое обязательство на 2500 ливровъ капиталу; а зять остался жить у шестя своего. Онъ пошелъ послѣ того въ Анжу, гдѣ мѣсяца два находился слугою въ деревняхъ Герцога Бриссака; но прошествіи же сего времени возвратился опять къ своему шестю въ Парижъ. Съ сей эпохи до 1697 года онъ съ женою жилъ шико и бѣдно, иногда подавниемъ, иногда барышемъ отъ проданнаго лѣкарства. Мало по малу начало ему нравиться ремесло чудеснаго лѣбара, особенно же хвастался онъ обладаніемъ неложнаго средства отъ лихорадки; наконецъ онъ увѣрялъ, что уже все болѣзни въ состояніи лѣчить, особенно же хвалилъ онъ свой паранеслонъ, которому самая жестокая лихорадка должна уступить. Сии подложныя средства состояли въ рецепсахъ, выбираемыхъ имъ изъ книгъ, которыя жена его должна была ему читать; она

выписывала ему тѣ, копорые для него болѣе приличествовали; а онъ выдавалъ ихъ послѣ въ обществѣ за собственное изобрѣшеніе, какъ плодъ рѣдкихъ своихъ познаний; онъ давалъ имъ особенныя названія и ни о чемъ больше не болшалъ, какъ о своихъ великихъ и глубокыхъ свѣдѣніяхъ въ шайншвахъ царства расшій и ископаемыхъ.

Уже въ 1694 году онъ говорилъ другому Винахе, родомъ также изъ Неаполя, копорый былъ плавильщикъ, но совсѣмъ же родшвенникъ ему, чшобы онъ не удивлялся, ежели увидишь его скоро ѣдущаго въ шестъ лошадей и обладающаго большимъ богашшвомъ.

Въ 1698 году ѣздилъ на пяшь или на шестъ мѣсяцевъ въ Брешанъ, ошкуда возвратился въ Парижъ въ собственной небольшой карешъ, запряженной двумя лошадьми; ошъ своего пешня перешель онъ въ напяшой домъ, въ кошоромъ занималъ весьма хорошо убранную комнашу и принималъ одного каммердинера и двухъ лакъевъ. Съ 1698 по 1700 годъ занимался онъ химическими работами и при шомъ съ большимъ успѣхомъ. Герцогъ Шолнешскій предложилъ ему 1000 лаубшалеровъ для заведенія печей и прочихъ химическихъ снарядовъ. Ошъ Химіи перешель онъ къ Алхиміи, къ преобразованію мешалловъ и дѣланію золоша. Онъ хвасался; будшпо нашель философскій камень и былъ въ большой славѣ въ 1701 году. Нѣкошорыя особы предложили ему около 25,000 шалеровъ для продолженія работъ и для покупки нужныхъ матеріаловъ. Въ 1702 году его уже вездѣ почитали человѣкомъ, знающимъ дѣлать золошо.

Объявленія и извѣстія, найденныя въ Баспильи касательно Винахе, простирающія только до сей эпохи; они показываютъ поспешное возвышеніе и предпріятія его; но до времени взятія его подъ стражу въ 1704 году, что составишь около 4 лѣтъ, и лучшее время славы его, невозможно уже идти по слѣдамъ жизни его; въ показаніяхъ, копорыя учинили 12 человекъ изъ находившихся у Винахе слугъ и работниковъ, Полицей-Лейтенаншу Аржансону дѣянія его не вездѣ вѣрно означены; изъ сообщенныхъ же о немъ извѣстій видно, что онъ занимался перегонкою подозрительныхъ водъ, употребляемыхъ имъ въ свои лѣкарства, ошъ копорыхъ одинъ изъ его больныхъ умеръ.

Первое имѣніе, купленное имъ въ 1700 году, состояло въ мызѣ и домѣ, находящихся въ одной деревнѣ, копорая была ошъ Парижа въ разстояніи на 5 часовъ и стоила ему 7 или 8,000 ливровъ. Онъ прикупилъ къ оному еще сполько, что наконецъ сіе имѣніе давало ему 3,000 ливровъ годоваго дохода. Здѣсь заложилъ онъ свои печи и лабораторію, чтобы шрудиться надъ философскимъ камнемъ и прочими химическими составами, распуская вездѣ слухъ, что имѣешь услуживающаго духа, называемаго имъ своимъ Кобальдомъ, копорый доставлялъ ему щастіе во всѣхъ его предпріятіяхъ; онъ скрывалъ сего духа въ подушечкѣ, набишой шерстью, копорую носилъ на зашылкѣ и говорилъ всѣмъ, что Кобальдъ сдѣлалъ знакъ вдоль спины его въ видѣ змѣи; показывалъ также циркуль, сдѣланный подъ извѣстными небесными знаками, копораго одна ножка была четверугольная золотая, а другая шреугольная серебряная. Съ симъ цир-

кулемъ, по его словамъ, могъ онъ все возможное предпринимать; онъ сдѣлалъ предложеніе господину Деспондю, начальнику морской эскадры, что ежели онъ согласится нѣсколько мѣсяцевъ сряду дѣлать съ нимъ нѣкоторыя извѣстные ему обряды; то онъ отправится къ нему на корабль и помощію духа своего приведетъ его въ состояніе полонить, или попоплять всѣ попавшіеся ему непріятельскіе корабли; на что получилъ въ отвѣтъ, что подобныя искусства слишкомъ противорѣчатъ правиламъ его, и потому онъ не намѣренъ заниматься ими. Такое же предложеніе сдѣлалъ Винахе Бобріану, который послѣ сего прекратилъ съ нимъ знакомство. Герцогъ Наварскій признался, что Винахе до большаго своего богатства обманулъ его на 8,000 ливровъ, вызвавшись обучать его тайноспіямъ скрытыхъ наукъ. Герцогу Орлеанскому, послѣ бывшему Правителю, предлагалъ онъ констеллировать брильянты и заложилъ также сему Принцу при химическія печи. Онъ сдѣлалъ одному дворянину констеллированный брильянтъ, чрезъ который онъ въ игрѣ безпрестанно долженъ былъ выигрывать, но потомъ долженъ былъ дать ему за то въ залогъ 5,000 ливровъ Испанскими, Французскими, Англинскими и Нѣмецкими деньгами. Дворянинъ сей почти круглый годъ ничего не проигрывалъ, но и не выигрывалъ; наконецъ, почувствовавъ угрызеніе совѣсти, возвратилъ Винахе алмазъ и получилъ обратно заложенные деньги. Самымъ близкимъ друзьямъ своимъ говорилъ Винахе, что онъ знаетъ тайну философскаго камня, и что ежели бы онъ могъ надѣяться, что Король и Министры его не потребуютъ отъ него тайны и оставятъ ему свободу, то онъ обязался бы доставить Ко-

ролю 300 миллионъ шакъ легко, какъ при лудора, и что тогда онъ позволяешь какъ угодно охранять себя.

За два года до взятія Винахе подъ спражу былъ онъ уже подозрѣваемъ въ распаплаваніи золоша и серебра. Самая жена его, кошорая не была взяша шакъ какъ мужъ ея, показала при допросѣ, учиненномъ ей Аржансономъ въ домъ ея, что она видѣла, какъ мужъ ея распаплаваль золошо и серебро, кошорое носили къ нему коробами, передѣлываль и обрѣзывать ходячую монешу. Депресорь, кошорый по сему дѣлу долженъ былъ шакже идти въ шюрму, показаль, что кассиръ знаменшаго банкира Самуеля Бернарда, съ любовницей, будучи оба самыми короткими пріятелями Винахе, плашили всегда новописанными лудорами, а кассиръ всегда спарался собиращь и вымѣнивать старые лудоры; что онъ самъ имѣль однажды отъ любовницы его порученіе заплашишь отъ ея имани купцу, порговавшему шелковыми машеріями, 17 лудоровъ, изъ коихъ 13 были гораздо легче; онъ принесъ ихъ ей обратно и получилъ другіе вмѣсто оныхъ, что банкиръ Бернардъ одинъ разъ проговорилъ, что Тронхинъ (шакъ назывался кассиръ), могъ получишь что нибудь отъ послѣдняго распаплаванія Женевской монешы, но шеперь уже ничего не получишь. Винахе, порговавшій золошомъ, продаваль оное Соломону Якову, одному Жиду въ Мець и другимъ Жидамъ унцію за 52, 53 и 54 ливра; золошыхъ же дѣль машерамъ продаваль онъ золошо другаго разбора по 68, 69 и 70 ливровъ унцію. Онъ имѣль двухъ повѣренныхъ, кошорые ежедневно продавали для него золошые и серебряные слішки. Тронхинъ, искренній другъ Винахе, дѣлаль нѣсколько повѣздокъ въ Же-

неву, за день до отъезда приходилъ онъ всегда къ Винахе, проводилъ съ нимъ ночь наединѣ и оба укладывали сами чемоданъ, что они дѣлали для того, чтобы не могли замѣшпшь перевозку ими въ Женеву расплавленного золота, которое смѣшивалось тамъ съ хорошей мѣдью, и продавалось потомъ за золото низкой пробы. Менажеръ, Королевскій Секретарь и Денушашъ торговали въ Руенъ, Вандергульцъ, ошець и сынъ, Голландскіе банкиры, которые однако имѣли дома въ Руенъ и Парижъ, и уже упомянутый Тронхинъ доставляли Винахе золото и серебро, которое онъ переплавлялъ и обрѣзывалъ. Сіе пресупленіе наказывалось смертію; но Винахе превосходилъ всѣхъ въ искусствѣ подмѣнивать вмѣсто хорошей кадячей монеты другую низшей пробы, и вель совершенный шоргъ онымъ въ Женевѣ, Дофинѣ, Савоіѣ и Стразбургѣ. Одинъ изъ людей, носившихъ обыкновенно золото и серебро къ купцамъ и банкирамъ, показалъ, что серебро и золото въ недѣлю три, или чепыре раза носили цѣлыми кораблями отъ банкира Бернарда къ Винахе; что онъ также часто носилъ отъ Вандергульца къ Винахе и обратно, и Банкиръ Бернардъ дѣлалъ большіе подарки Винахе. Менажеръ выдалъ ему 14,000 франковъ для издержекъ на печи, кромѣ Тронхина и Менажера, которые имѣли довѣренность Винахе. Онъ упошреблялъ еще для расплавленія золота одного Нѣмца, по имени Георга Конрада Шульцъ, который былъ также схваченъ и неизвѣстно куда отвезенъ. Слуги Винахе находили часто въ его комнашахъ и лабарашоріи золотые слишки, куски двойныхъ, проспыхъ и полу-луидоровъ, которые они продавали Жидамъ и отъ того жили въ изобиліи.

Винахе, чтобы опвесши ихъ ошъ наспоаящей причины, говорилъ имъ, что имѣешь позволеніе Короля для растапливанія старой монеты, и увѣрялъ ихъ, что онъ Кавалеръ. Жена его нашла одинъ разъ людей своихъ въ разговорѣ о богатствѣ своихъ господъ, и сіе сдѣлало такое вліяніе на нее, что она на мѣсѣ сдѣлалась нездорова; она условилась съ мужемъ обѣщать имъ сосланишь ихъ щастіе и дашь нѣсколько лудировъ, чтобы они молчали. Имѣя въ 1703 году семь слугъ и опасаясь, чтобы они не разгласили чего, Винахе разослалъ прехъ въ разныя стороны, одного въ Руень, другаго во Фландрію, а прешьяго въ Римъ съ назначеніемъ имъ пристойнаго содержанія. Нѣкопорые изъ его слугъ показывали, что видѣли въ его комнашъ сосуды съ распуценною рпузью. Въ Августѣ 1702 года принялъ къ себѣ Винахе въ услуженіе нѣкопорого химика Туріаша; онъ велѣлъ ему купишь двѣ плавильныя печи, нѣсколько стекляннѣй посуды и послалъ его въ свою деревню. Двѣ недѣли спустя Винахе также шуда пріѣхалъ и заставлялъ Туріаша растапливать и опдѣлять золото ошъ серебра, къ чему прибавлялось немного соли и урины, какъ будто хотѣлъ пригошевишь изъ того нѣкопорыа мѣкарешва, между прочимъ знаменишый свой паранеслонъ. По прошествіи прехъ мѣсяцевъ — продолжаешъ Туріашъ въ своемъ показаніи по допросу Аржансока — „велѣлъ Винахе перенести обѣ плавильныя печи въ свою спальню, куда слуги должны были принести еще много угольевъ и колодезной воды; послѣдніе три дня впорѣй недѣли, пока продолжалась работа, Винахе заперся въ сей комнашъ и никогда не оставлялъ оной. Онъ самъ бралъ ведро съ

водой у людей изъ рукъ у дверей; никого не впускалъ шуда, кромѣ Тронхина, который нѣсколько разъ въ день входилъ и выходилъ, а къ вечеру еще долѣ шамъ осшавался; по утру шрешьяго дня показали мнѣ горничная и лакей кусокъ золоша вѣсомъ слишкомъ фуншъ, множесшво золошыхъ крупинокъ, нѣсколько кусковъ серебра, двойный лудоръ и одинъ полурасшопленный просшой лудоръ, который горничная нашла у печки подъ пепломъ между угольями; одинъ нашель шакже въ печкѣ полурасшопленный поллудоръ между крупинками золоша. Коль скоро Туріашъ увидѣлъ, что Винахе не шребоваль обрашно сихъ вещей опъ людей своихъ; шо воспользовался изъ любопытсшва первымъ случаемъ, чшобы войши въ комнашу, когда горничная и слуги убирали оную, и осшопрѣвъ печи, нашель въ нихъ золошо, превращенное въ крупинки и серебро зернами и кусками, смѣшанное съ золошомъ. Я видѣлъ шакже нѣкоторыя фарфоровыя сосуды, наполненныя ршущью, которая почти вся была амальгамирована, или смѣшана съ рудами. Я воспользовался присушвиемъ жены его, чшобы опкрышъ имъ намѣреніе слугъ ихъ, опнести найденное золошо и серебро на монешный дворъ и донести на нихъ. Они позвали послѣ сего всѣхъ людей и опобрали у нихъ найденное. Винахе сказалъ имъ въ моешъ присушвиі, что намѣреніе его было сдѣлать золошо, годное для пишья; при чемъ онъ на меня какъ на шапока сослался, который долженъ былъ подшвердиль сие; вынулъ между прочимъ изъ кармана горсть золошыхъ денегъ величиною въ шалеръ, желая доказать слугамъ своимъ, что шо были не Французскіе лудоры, но иностранная монеша; но они имѣли дерзосшь сказашъ ему въ

глаза, что они очень увѣрены въ прошивномъ и знаютъ, что въ продолженіи трехъ дней, въ кошорые записался съ Тронхиномъ, онъ чеканилъ монету, прибавя къ тому, что они сдѣлають на него доносъ, ежели онъ и не согласится составить ихъ щасія. Винахе взялся за мягчайшую струну, общалъ ихъ наградишь и довелъ до того, что они выдали ему большой кусокъ золота и нѣсколько золошыхъ крупинокъ, кошорыя на другой день онъ заставилъ меня растопишь и приказалъ просить къ себѣ Тронхина и Менажера, кошорые съ нимъ ужинали. Въ 11 часовъ ночи кареша была золожена и послана за Коммисаромъ Полиціи Сокарпомъ, кошорый пріѣхалъ чрезъ полчаса въ мундиръ и введенъ во второй этажъ, гдѣ еще сидѣли за столомъ. Винахе приказалъ снова подашь на столъ для Коммисара, кошорый просидѣлъ за нимъ почти часъ. Послѣ сего госпожа Винахе на крыльцо созвала слугъ своихъ, изъ коихъ горничная должна была напередъ войти въ комнату, гдѣ находились полицейскій Коммисаръ, Винахе и два гостя. Она пребыла тамъ полчаса; послѣ чего меня позвали, предупредивъ прежде, чтобы на дѣланные мнѣ вопросы я не иначе отвѣчалъ, какъ утвердительно и выдавалъ себя за ювелира, а не за химика; въ прошивномъ же случаѣ угрожали мнѣ большими непріятностями, чего опасаясь, я отвѣчалъ по ихъ желанію; послѣ меня привели лагѣя, и весь допросъ кончился въ часъ по полуночи, и Коммисаръ въ той же карешѣ отъѣхалъ домой. На другое утро прочіе слуги дѣлали также свои показанія, но только въ домъ Коммисара.

Винахе сдѣлался прошивъ насъ гордѣе, самоувѣреннѣе и сказалъ, что болѣе не боится насъ: ибо ежели бы

намъ когда нибудь пришло на мысль говоришь прошивное показанному нами Каммисару; по онъ, какъ ложныхъ свидѣтелей, велишь повѣсись насъ.

Сей Коммисаръ Сокаръ въ послѣдствіи былъ также посаженъ въ Баспилю, пошому что сей поступокъ его нашли въ высочайшей степени преступнымъ и законопрошивнымъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ сего происшествія, продолжаетъ Туріашъ, увидѣли мы при наступленіи ночи шелегу, ѣдущую въ домъ Винахе, кошорая была гораздо красивѣе обыкновенныхъ, заложена прекрасной и сильной лошадыю и почти вся наполнена мѣшками, кошорые, казалось, заключали въ себѣ 1000 ливровъ: я въ то время былъ въ прешемъ эшажѣ съ однимъ Испальянцомъ Марпыномъ. Полли и занимался ушановленіемъ печей новаго изобрѣшенія. Мы видѣли въ надворное окно, что Винахе съ своимъ каммердинеромъ и лакѣемъ свалилъ мѣшки съ шелеги и приказалъ вносить ихъ на верхъ. Пришедши послѣ того въ комнашу, гдѣ мы находились, Полли спросилъ его, ошкуда онъ досталъ сполько денегъ; на что онъ опвѣчалъ, что по была фура съ 600,000 ливровъ, кошорые онъ хотѣлъ дать въ займы городскому Приказу. Черезъ день мы дѣйствительно видѣли другую шелегу, нагруженную такими же мѣшками, какъ и вчера; однако ушвердительно не могу сказать, та же ли самая монеша была. Въ сіе время весьма обыкновенно было видѣшь ежедневно приходящихъ носильщиковъ къ Винахе съ закрытыми камбалами. Между шѣмъ Винахе ничего не дѣлалъ въ мою пользу, и какъ я иногда на то жаловался, по господинъ Менажеръ предложилъ мнѣ ош-

правилься съ грузомъ въ Вестъ-Индію и увѣрялъ меня, что я такъ же буду доволенъ, какъ и Нѣмецъ, котораго послали въ Римъ; но я опровергнулъ сіе предложеніе, попому что имѣлъ большое опроверженіе отъ морскаго путешествія.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1703 года отправлены были чиновники Монашнаго Двора въ деревню, въ которой, по показанію одного слуги, бывшаго прежде у Винахе, находились лабораторія и плавильныя печи; но Менажеръ, узнавъ о томъ, заблаговременно предупредилъ ихъ и велѣлъ зарыть и скрыть отъ глазъ все, что могло бы показаться противъ Винахе. Онъ умѣлъ также предсказать симъ чиновникамъ сколько околичностей и доказательствъ, что они возвратились въ Парижъ, ничего не сдѣлавъ. Весьма примѣчательно то, что сей человекъ, который имѣлъ такую большую переписку въ самомъ Государствѣ и внѣ онаго, большой закупъ и расходъ матеріаловъ для расплавленія и чеканія монетъ и при томъ такое множество лѣкарствъ продавалъ на чистыя деньги и въ долгъ, никогда не держалъ приходной и расходной книги, и ничего не записывалъ; память его должна была заступать мѣсто сего и замѣнять все;—иногда развѣ диктовалъ онъ женѣ своей нѣсколько примѣчаній, которыя она писала на лоскутѣхъ бумаги; или на тряпичѣхъ. Вскорѣ сначала его благополучія опыткалъ его прежній товарищъ его солдатъ Королевско-Руссильбонскаго полка, котораго онъ обокралъ при побѣгѣ своемъ. Винахе принялъ его съ опроверстыми обѣщаніями; угостилъ его прекраснѣйшимъ образомъ и заплашилъ горстню мундоровъ за себя и за унесенные имъ офицерскіе мундиры. Въ 1700

году купилъ Винахе съ аукціона, при продажѣ наслед-
ства умершаго Королевскаго брата, брильяншовъ на
60,000 ливровъ, а жена его нашла брильяншовую нитку
въ 6,000 ливровъ; послѣ того умножилъ онъ у себя дра-
гоценныхъ вещей до 10,000 рейхсталеровъ; а когда же-
на его показывалась въ полномъ нарядѣ, то имѣла на се-
бѣ болѣе чѣмъ на 40,000 брильяншовъ. Въ Январѣ 1704,
за мѣсяць до взятія его въ Басвилію, золопо у него
шакъ было обыкновенно, что въ комнашахъ его спояли
вездѣ мѣшки съ лудорами и по 15 и по 20 мѣшковъ на-
ходили между чернымъ бѣльемъ, фарфоромъ и прочими до-
машними принадлежностями, изъ коихъ каждой былъ въ
10,000 ливровъ. Два челоуѣка весьма различнаго состоя-
нія посѣщали Винахе ежедневно, имянно: Герцогъ Брис-
сакъ и Маріонъ Ефрейшеръ, надзирашели большихъ до-
рогъ Иль-де-Франса. Съ приращеніемъ богатства его
занималъ онъ и лучшія комнашы; онъ купилъ себѣ боль-
шой домъ, убралъ его превосходно и помѣстилъ въ ономъ
Вандергульца сына съ собою; имѣлъ семь слугъ, карету
съ чепверкою лошадей, при верховыхъ лучшихъ во
всемъ Парижѣ, изъ коихъ на каждой приборъ споялъ
200 рейхсталеровъ; онъ давалъ весьма часто сихъ ло-
шадей Тронхину и другимъ Коммисіонерамъ банкира Бер-
нарда.

Въ половинѣ 1700 года связи его съ Тронхиномъ
и Менажеромъ были всего пѣснѣе; послѣ того онъ весь-
ма подружился съ Вандергульцомъ, опцомъ и сыномъ, и
все сіе происходило подъ общей перепиской Самуеля
Бернарда. Сенль-Робертъ и Бюиссонъ были шайные по-

вѣренныя сей переписки. Такимъ образомъ шли дѣла сіи въ цвѣтущемъ состояніи около двухъ лѣтъ съ половиною; но послѣ вмѣшался шумъ раздоръ. Прежде поселился онъ между повѣренными; копорые жаловались на банкира Бернарда; а сей, будучи значительнѣе всѣхъ ихъ, приводилъ ихъ симъ въ страхъ начавъ что либо пропавъ него; они не осмѣливались обнаружить дѣла. Винахе производилъ занятія свои съ большимъ блескомъ и великолѣпиемъ. Менажеръ держалъ себя на среднюю ногу; Тронхинъ раззорялся глупыми любовными интригами и распочительностію, а прочіе ропсали въ молчаніи и скрывали свою досаду.

Въ Септябрѣ 1703 года начала сбираться шуха надъ головою Винахе; первую жертвою оной былъ Бюиссонъ, схваченный въ Декабрѣ сего года. Сентъ-Робертъ одинъ изъ повѣренныхъ общей переписки въ Септябрѣ, или Октябрѣ, далъ подъ рукою знать госпожѣ Меншенонъ вразсужденіи Винахе; а сія Королю Вандергульцъ-сынъ также шепнулъ нѣчто Министру Шамиллардѣ; но все сіе не было еще совершеннымъ доносомъ на Винахе. Сии люди старались поступать такъ; надѣясь чрезъ то получить отъ Государя своего награжденіе за одно мановеніе, копорымъ бы онъ могъ воспользоваться; ибо сами они почивали Винахе такимъ человѣкомъ, копорому пайна составленія золота совершенно была извѣстна. Сентъ Робертъ—что мы не должны пропускать безъ вниманія—поссорился съ Тронхиномъ и Бернардомъ; онъ участвовалъ съ ними въ составленіи плана одной машины, посредствомъ копорой корабли на Ронѣ могли бы ходить

вверхъ прошивъ печенія, и можешь бышь главное его на-
вѣреніе было, когда онъ объявилъ о Винахе, подашь по-
водъ къ ближайшему разсмотрѣнію поведенія Самуела
Бернарда, и чѣобы на немъ обрушилось наказаніе за
обрѣзываніе монеты, въ чемъ Винахе въ послѣдствіи
могъ бы бышь изобличень; только Сеншъ-Робертъ при
донесеніи своемъ непремѣнно требовалъ, чѣобы его
посадили въ темницу въ одно время съ Винахе и скорѣе
дали очную ставку съ нимъ, дабы онъ въ глазахъ его могъ
доказать доносъ свой; ежели же правительство не хочешь
воспользоваться симъ, то онъ проситъ госпожу Менше-
нонь, чѣобы въ семъ случаѣ позволено было увѣдомить
Винахе о имѣющемъ на него подозрѣніи; ибо онъ увѣ-
ренъ, чѣо сей наградишь его за сіе предостереженіе по
крайней мѣрѣ 100,000 ливровъ; но не смотря на сіе
предложеніе, Сеншъ Робертъ не только не былъ заклю-
ченъ съ Винахе, но и очной ставки не получилъ.

Вспорой доноситель, Вандергульцъ, поитъ самой, ко-
торый прежде сего давалъ Винахе 10,000 ливровъ для
производства его работъ, которые онъ ему вскорѣ послѣ
шого возвратилъ, пвердилъ безпрестанно супругъ Ми-
ниспра Шамилларда о чрезвычайныхъ дорованіяхъ сего
человѣка и о выгодахъ, могущихъ произойти для каз-
ны и Государства отъ знанія его тайнства.

Слѣдствіемъ всѣхъ сихъ доносовъ было то, чѣо
приказаго Полицей-Лейтенанту Аржансону присмапри-
вать втайнѣ за поведеніемъ Винахе. Не желая еще
предпринимать чего нибудь рѣшительнаго съ симъ чело-
вѣкомъ, госпожа Меншенонъ послала даже къ нему своего

Шпалмейстера Мансо, подь видомь того, чтобы выбрасть алмазовь для иноспранной Княгини. Мансо весьма подробно разсмошрѣлъ домашнее устройство; онъ заспалъ Винахе съ женою въ упреннемъ плашь, собирающихъ бѣлье для мышьа, который отвѣчалъ Шпалмейстеру, коего онъ не зналъ, что хошя и имѣеть брильянны, но шолько не для продажи, а для своей жены и для другихъ случаевъ, которые сами собою представляющя, не имѣя нужды спарашься искашь ихъ. Шпалмейстеръ замѣшилъ, что въ картинной галереѣ находилось картинъ болѣе нежели на 25,000 рейхсгалеровъ, видѣлъ шакже чайный столикъ съ серебряными и вызолоченными сосудами, которые онъ цѣнилъ по крайнѣй мѣрѣ въ 10,000 рейхсгалеровъ; въ канюшняхъ спояли прекрасныя лошади; — онъ обо всемъ донесъ госпожѣ Меншенонъ. За вѣсколько дней до повелѣнiя взяшь его подь спражу, Министръ Шамилордъ имѣлъ любопытство узнашь лично Винахе; онъ представилъ, что хочеть посоветовашься съ нимъ въразсужденiи нѣкопрыхъ лѣкарствъ и другихъ рецептовъ; призвавъ его къ себѣ въ Версалию завелъ онъ рѣчь о его опечествѣ и спросилъ о причинѣ побудившей его прѣхатъ во Францію, на что Винахе насказалъ ему множество вѣрносшей; при чемъ дабы придашь себѣ болѣе важности, онъ сказалъ на примѣръ, что прѣхавъ во Францію съ Герцогомъ Шолнешскимъ удостоилъ его дружбою и женашъ по его хадашайству; что онъ получилъ въ приданое за женою 40,000 франковъ; что онъ самъ человекъ знашвой, опечество его Неаполь, а опецъ его занимаеть должность Великаго Давларiя у Папы въ Римѣ; что изъ оставшагося имѣнiя послѣ Ко-

ролевскаго брата онъ купилъ съ аукціона брильяншовъ на 40,000 франковъ, и получилъ онъ оныхъ барыша въ двѣ недѣли 14,000 ливровъ; что вообще онъ сознается, что торгъ его драгоценными вещами и глубокія его познанія въ Медицинѣ составили ему значительное состояніе, и началъ при томъ весьма плодовишо выхвалять свои лѣкарства, копорыя онъ довелъ до невѣроятной степени совершенства химическими работами своими, копорыи онъ издавна весьма щцащедно занимался. Министръ Шамиллордъ спрашивалъ еще его мнѣнія вразсужденіи многихъ медицинскихъ рецептовъ, копорыя онъ ему показывалъ, и оппустилъ его, не давъ замѣшить подозрѣнія прошивъ него въ расплаиваніи золота и серебра. Короткое время спустя, Винахе былъ схваченъ и посаженъ въ Баспилью. Аржансонъ успѣлъ ему сдѣлать только два допроса 23 Февраля и 10 Марша 1704 года, ибо черезъ десять дней онъ зарѣзался въ шемницѣ. Тронхицъ, Менажеръ, Вандергульцъ и другіе изъ его повѣренныхъ не были взяты подъ стражу. Недвижимое имѣніе Винахе, не считая движимаго и драгоценностей, копорыя были гораздо значительнѣе перваго, состояло въ одномъ помѣстьѣ въ Кубронѣ, приносившее ежегоднаго дохода 3,000 ливровъ, и въ другомъ въ Герцогствѣ Анжу, принадлежавшее Герцогу Бриссаку, копорое давало столько же доходу; построеніе замка одного стоило болѣе 200,000 ливровъ; сюда принадлежали также 12,000 ливровъ и еще большіе капиталы, ошданные въ Парижскую и Руенскую таможеню.

Въ то время, какъ посаженъ былъ въ шемницу, покупалъ онъ помѣстье Ерменонвилъ, прославившееся въ по-

вѣйшія времена пребываніемъ и смертію Жанъ Жака Руссо, за которое онъ давалъ 25,000 ливровъ. Послѣ его смерти ввели сейчасъ вдову его въ неоспоримое владѣніе всего имѣнія какъ движимаго, такъ и недвижимаго и сказали ей только, что мужъ ея умеръ въ Басилии отъ удара.

Въ донесеніи своемъ Министру Шамилорду Аржансонъ говоритъ, что опѣшы Винахе были нерѣшительны и противорѣчили одинъ другому; что никогда не можетъ быть свидѣтельствомъ истины; къ тому же Винахе прилагалъ величайшее стараніе уменьшать свое состояніе и совсѣмъ шѣмъ самъ признался, что въ печеніи мѣнѣ 13 лѣтъ онъ получилъ барыша 40,000 шалеровъ; также подозрительно весьма и то, что онъ заставилъ слугъ своихъ дѣлать судебное показаніе въ присутствіи Коммисара, весьма очевидная и смѣшная уловка, чтобы скрыть поддѣлываніе монетъ; сіе подозрѣніе подкрѣпилось еще и шѣмъ, что курьеръ, который весьма тщателью отъ всѣхъ, особенно же отъ слуги Кавалера Сериньяна, сосѣда его, скрывался, часто прѣзжалъ къ Винахе съ большимъ чемоданомъ, и такъ все показываетъ прошивъ Винахе, хотя онъ и прибѣгаетъ ко множеству оправданій, дабы дать видъ вѣроятія скорому своему обогащенію.

Трагическая смерть его въ Басилии, стараніе Аржансона утѣрился собственными глазами въ самоубійствѣ Винахе, вмѣсто того, что прежде посылался обыкновенно Полицейскій Коммисаръ, вшорой необыкновен-

ный поступокъ Аржансона, что онъ чрезъ два дня послѣ его смерти опять пошелъ въ Бастилю и осматрѣлъ тѣло Винахе прежде нежели положили его въ гробъ и наконецъ приказъ, отданный имъ похоронить его въ церковь Св. Павла подъ именемъ Стефана Дюранта, бо лѣшь онъ роду, когда настоящее его имя было Винахе и зѣ лѣшь онъ роду.—Все сіи обстоятельствова заспавають предполагать нѣчто неизяснимое и таинственное. Списокъ, сдѣланный тогдашнимъ Королевскимъ Лейпенашомъ Бастиліи Дюжолкомъ, былъ слѣдующаго содержания:

Великій четвертокъ, 20 го Марша 1704 года. Въ ночи на сей день въ четверть вшораго часа по упру умеръ Винахе Ипальянецъ, который былъ заключенъ въ Бастиліи въ прешней комнатѣ башни, называемой Бершадьеръ, въ присутствіи шюремщика Лабашоньера и Капрала Михайла Гирланға. Какъ скоро онъ умеръ, то два спража сіи увѣдомили о томъ Господина Расаргеса, который пошъ часъ вспадъ и пошелъ въ комнату умершаго Винахе, который погибъ онъ собственной руки, сдѣлавъ на шеѣ подъ подбородкомъ большую и глубокую рану ножемъ своимъ, вчера въ среду въ часъ или два часа по полудни. Всякая помощь и скорая перевязка не въ состояніи были спасти его; когда же онъ нѣсколько приходилъ въ память и казалось хотѣлъ говорить, то Священникъ нашъ все возожное употреблялъ, чтобы исповѣдывать его; но шрудъ его остался напрасенъ. Въ 9 часовъ вечера объявилъ я сіе несчастіе Аржансону, который пошъ часъ самъ пришелъ видѣть сего несчастнаго, погубившаго самого себя.

Суббота 22 Марта. Вчера около 6 часовъ вечера похоронили Винахе подъ именемъ Стефана Дюранпа на оградѣ церкви Св. Павла. Прежде нежели положили его въ гробъ, пришелъ въ субботу же въ 4 часа по полудни еще разъ Аржансонъ въ замокъ, дабы видѣшь и осмолить шрувъ.

XI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ И СМЕРТЬ АЛХИМИКА ДЕ Л'ИЛЯ.

Іоаннъ Труинъ по прозванію де л'Иль, оружейный мастеръ, 39 лѣтъ отъ роду, былъ взятъ 4го Апрѣля 1711 года въ Басилію. Онъ увѣрялъ, будто знаетъ тайну превращенія металловъ и дѣланія золота и серебра, — ничему не учась, не умѣя ни читать ни писать и проведя большую часть молодости своей оружейнымъ мастеромъ. При первомъ допросѣ показалъ онъ, что первое желаніе заниматься Химіею возымѣлъ онъ на 29 мѣ году своего рожденія; ибо Ипальянецъ одинъ, который нашелъ его въ Ницѣ, наставлялъ ему много чудеснаго о сей наукѣ; сей Ипальянецъ, вѣхавшій въ Авиньонъ вызвалъся учить его оной, и потому онъ проводя его шуда, цѣлыя восемь мѣсяцевъ занимался химическими работами; въ продолженіи сего времени онъ съ Ипальянцемъ дѣлалъ нѣсколько путешествій въ сосѣднія Систеронскія горы для баптизированія и приискація нужныхъ имъ правъ. Сей Ипальянецъ превращалъ въ извѣстнѣ

маленькіе кусочки золоша, которое онъ попомъ клалъ на солнце и онымъ превращалъ свинець въ золошо; но изъ перваго золоша извлекалъ онъ прежде родъ ршупи, а изъ оной пригоповлялъ шакъ называемый мешаллическій порошокъ; вещи упошребляемыя имъ при семъ производствѣ были: золошо, травы — *Junaria maior* и *Junaria minor* и нѣкоторыя минераллы. Чшобы дѣланное золошо было настоящаго достоинства и могло выдержашъ пробу, шо наливалось на мешаллическій порошокъ въ бушылку масла и вода, выдавленные изъ упомянушыхъ травъ; все сіе смѣшеніе ставилось на солнць, пока вся вода пропадетъ; что продолжалось иногда годъ и два, смощря по степени лѣшняго жара; масло сосшояло изъ извешковаго золоша, изъ сока вышеупомянушыхъ травъ и изъ селишры, что однако не всегда удавалось и ему самому, причины чего онъ не зналъ и показашъ не умѣлъ. Аржансонъ укорялъ его при допросѣ, что онъ не всегда шакъ говорилъ; напросивъ того прежде, увѣрялъ Епископа Сенецкаго (Свяшаго Янзенишскаго) и Президента Сентъ-Морицскаго, что шайнство его и образъ дѣланія золоша были безошибочны, ежели бы ему только позволили на свободѣ и при надежномъ присмощрѣ работашъ два года безъ помѣшательства и дѣлашъ сосшавы свои въ глазахъ самаго Короля, что оказывается шеперь весьма сомнишельно, шакъ какъ онъ де л'Иль олзывается шеперь о своемъ искусствѣ весьма невѣрно и ненадежно; на что онъ отвѣчалъ, что общалъ Епископу Сенецкому показашъ ему только нѣчто особенное и необыкновенное, но о непремѣнности и всегдашней удачѣ своего искусства онъ ни однимъ словомъ не упоминалъ, что сосшавленіе

металлическаго порошка его требовало по крайней мѣрѣ непрерывной пяти-лѣтней работы. Слѣдующія ближайшія обстоятельства извлечены слово въ слово изъ судебного изслѣдованія, произведеннаго надъ де л'Илемъ, найденныя въ Баспидіи; они содержатъ въ себѣ всю исторію его жизни съ начала лабораторическихъ работъ его до самой смерти его въ Баспидіи.

Де л'Иль путешествовалъ въ 1701 году въ Ницу, гдѣ онъ познакомился съ Ипальянцемъ Діонисіемъ, который препоручилъ ему прискивать шравы, давъ ему образецъ оныхъ, въ Савойскихъ горахъ. Де л'Иль повхалъ въ Савою и такъ прилѣжно исполнялъ порученіе свое, что возвратился скоро съ значительнымъ запасомъ къ Діонисію, отправился съ нимъ въ Авиньонъ, гдѣ и началъ работать подъ его руководствомъ и въ награжденіе прилѣжанія и трудовъ своихъ посвященъ Ипальянцемъ въ шайнства его искусства и получалъ отъ него иногда золото и серебро и металлическій порошокъ для практики дѣлать и по и другое; симъ порошкомъ превращалъ де л'Иль въ послѣдствіи свинецъ въ золото и серебро въ присутствіи Епископа и многихъ другихъ особъ. Епископъ показывалъ между прочими вещами одинъ ножикъ работы Ипальянца, у коего спинка была золотая; де л'Иль при разѣ составлялъ металлическій порошокъ въ присутствіи Епископа.

Слава его, распространившаяся по всей провинціи, побудила нѣкоторыхъ купцовъ Тассинъ выдать ему 3,000 ливровъ, къ которымъ де л'Иль долженъ былъ прибавить сколько же и сдѣлать на оныя деньги металличе-

скій порошокъ съ барышемъ по поламъ; но Тассины увѣряли, что они лишились при ономъ денегъ своихъ. Епископъ Сенецкій, будучи очевиднымъ свидѣтелемъ въ Провансѣ работъ де л'Иля, былъ совершенно увѣренъ въ дѣйствительности его искусства и писалъ по сему случаю къ Генералъ - Коншролеру Десмарецу. Епископъ и самъ пріѣхалъ въ Парижъ и показывалъ два письма де л'Иля, въ коихъ онъ обязывался увѣрить Дворъ въ истинѣ своего искусства; по возвращеніи Епископа въ Провансъ писалъ онъ снова къ Десмарецу, что онъ уже разъ писалъ къ нему о семъ дѣлѣ и долженъ еще разъ повторить подтвержденіе всего касающагося до де л'Иля, который трудился въ его Епархіи надъ разборомъ степени сродства металловъ; что онъ беретъ участіе въ семъ дѣлѣ единственно изъ ревности къ Королю и благу Государства; что онъ сначала въ разсужденіи тайнства де л'Иля самъ сомнѣвался, потому что Епископъ, занимаційся прежде сего химическими работами, не изъ корысполубія, а одного любопытства, по своимъ правиламъ долженъ былъ считать такое превращеніе необходимо невозможнымъ; но разговоръ его съ однимъ неприимимымъ врагомъ де л'Иля убѣдилъ его совсѣмъ въ противномъ; ибо сей неизвѣстный увѣрялъ его, что онъ въ Эксѣ, Ницѣ и Авиньонѣ доставлялъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ свинецъ и желѣзо для пробы, которое сей де л'Иль въ его присудствіи превращалъ въ золото, признаваемое сими мастерами за лучшее и чистое. Послѣ сего разговора Епископъ почелъ нужнымъ списать знакомство де л'Иля и разсмотрѣть его внимательнѣе и съ меньшимъ предубѣжденіемъ. Нѣсколько времени спустя объ-

ѣзжая свое Епископство, нашли онъ его у одного изъ
 своихъ пріятелей и общество успѣло уговорить де
 л'Иля показать въ его присутствіи опытъ своего искус-
 ства, который дѣйствительно при всѣхъ на очагѣ пре-
 вращилъ въ серебро нѣсколько желѣзныхъ гвоздей, при-
 везенныхъ Епископомъ на сей случай; сей послѣдній по-
 слалъ превращенные гвозди съ Капелланомъ своимъ въ
 Эбсъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру Имперту, который при
 пробѣ призналъ ихъ за хорошее и чистое серебро. Ми-
 нистръ Поншхаршринъ желалъ увѣриться въ семъ и пи-
 салъ къ нему за два года, что онъ будетъ на весьма
 хорошемъ замѣчаніи у Короля, ежели уведомишь его о
 всемъ происшествіи; почему онъ призвалъ его въ замокъ,
 гдѣ по его приглашенію находились еще 10 человекъ
 весьма ученыхъ людей, коихъ Министръ наспопашельно
 просилъ смотрѣть внимательнѣе на руки художника,
 который въ ихъ присутствіи превращилъ на жаровнѣ два
 куска свинца въ два куска золота и серебра. Епископъ
 послалъ сіи два куска къ Министру, который ихъ по-
 казывалъ самымъ опытнымъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ
 въ Парижѣ и они нашли оныя настоящей пробы; кромѣ
 того онъ заставлялъ его предпринимать въ Сенецѣ пять
 или шесть химическихъ процессовъ, которые все удачно
 оканчивались; но другое превращеніе, которое де л'Иль
 заставилъ его самаго произвести, не допрогиваясь самъ
 ни малѣйше, увѣрило его совершенно. Подобное сему сде-
 лалъ де л'Иль въ Капелланѣ съ племянникомъ Еписко-
 па опцомъ Герардомъ, котораго онъ также заставилъ
 собственноручно произвести химическіе опыты; равнымъ
 образомъ и другаго племянника, котораго дядя его Евв-

Епископъ послалъ къ Министру Понтхаршрину съ изустнымъ и обстоятельнымъ донесеніемъ о искусствѣ художника, основательности и истинѣ его шайнства, присовокупивъ къ тому, что въ Провансѣ болѣе спаше человекъ или были свидѣтелями Алхиміи де л'Иля, или подь его руководствомъ сами дѣлали золото съ лучшимъ успѣхомъ. Въ заключеніе письма сего Епископъ дѣлаешъ примѣчаніе, что де л'Иль ведешъ добropорядочную жизнь и упрекнущъ его ни въ чемъ важномъ не лзя; что онъ первыя двѣ охранительныя грамошы Королевскія, данныя ему для доказательства искусства своего, предъ лицомъ Короля не употребилъ въ пользу, потѣму что не имѣлъ достаточнаго запаса металлическаго порошка своего и не могъ составить онаго вновь по неблагопріятной погодѣ; и потѣму онъ Епископъ просишъ для художника прешью охранительную грамошу для составления порошка на два года, по прошествіи коихъ онъ навѣрное явишя въ Версалію.

Изъ другіхъ чешырехъ писемъ, при адрессованы на имя Спашскаго Совѣтника Ноаншеля, весьма хорошо и съ большимъ умомъ написанныя, въ коихъ онъ защищаешъ искусство де л'Иля и извиняешъ его, что онъ по дурному лѣшу 1710 года, бывшему въ Провансѣ дождливымъ и холоднымъ, не могъ составить порошка, котораго по его мнѣнію онъ хопя и имѣлъ въ запасѣ, но никакъ не соглашался опправишя въ Версалію, къ чему его онъ Епископъ безпрешанно убѣждалъ, сообразно желаніямъ его Величества; но не успѣвъ въ томъ, не удивлялся сему потѣму, что философъ сей весьма упрямъ и несговорчивъ и безпрешанно швердишъ пословицу, что посѣшность не ведешъ къ добру.

Епископъ, обязавшійся Королю клятвенно привести де л'Иля въ Версалю, опасаясь, чѣмъ сей его не обманулъ, уговорилъ напоследокъ его писать самому ко Двору и изложивъ причины замедленія; и пакъ де л'Иль писалъ къ Министру, описывая протспранно всѣ затрудненія и препяшствія, по копорымъ поѣздка его въ Версалю не принесла бы никакой пользы, а прервала бы только работы его и упражненія въ изученіи искусства своего. Епископъ въ припискѣ своей въ семъ письмѣ оправдывалъ де л'Иля по нѣкоторымъ обвиненіямъ, будшо онъ въ сообществѣ съ однимъ поддѣльвашелемъ монеты, по копорой онъ сообщилъ выписку изъ дѣла, объяснявшаго что де л'Иля ни въ чемъ подобномъ не могли уличить.

Де л'Иль просилъ у господина Ноаншеля еще отсрочки на два года для ссшавленія порошка своего и масла, и обѣщавъ по прошествіи сего времени явиться ко Двору и съ удовольствіемъ посвятивъ себя Королевской службѣ и благу Государства.

Президентъ Сентъ Морицъ, въ письмѣ своемъ къ господину Ноаншелю, (Парижъ 9го Декабря 1710 года) изьясняется о де л'Илѣ слѣдующимъ образомъ: „Имѣю честь сообщить вамъ симъ довольно темныя понятія о нашемъ философѣ; въ пользѣ его искусства я никогда не былъ совершенно увѣренъ, что же касается до опытовъ, копорые я самъ дѣйствительно производилъ, по долженъ въ семъ случаѣ отдать ему полную справедливость. Пяшь дней послѣ вышеупомянутаго письма 14го Декабря 1710 года президентъ Версальскій сдѣлалъ

публикацію самую обстоятельнѣйшую и выгоднѣйшую для де л'Иля; онъ свидѣтельствуесть въ оной, что онъ самъ, въ Провансѣ въ замкѣ Сеншъ Албанскомъ, де л'Илемъ приготовленными препаратами соснавилъ золошую палочку въ 3 унціи вѣсомъ, которую онъ вручилъ господину Десмарецу, видѣлъ и разсмапривалъ такъ называемый металлическій порошокъ де л'Иля и попомъ дѣлалъ еще другой опытъ надъ пистолешными пулями въ 3 унціи и кускомъ желѣзныхъ лапъ, посредствомъ препаратовъ де л'Иля и получилъ изъ онаго маленькую золошую бляху и еще нѣсколько кусочковъ золота, которые онъ также вручилъ Десмарецу. Далѣе онъ дѣлалъ въ семь замкѣ опытъ превращенія свинца въ серебро, по предписанію де л'Иля, что также оченъ хорошо удалось.

Изъ копіи одного письма де л'Иля къ Епископу Сенецкому-Грасе оны 16 Марта 1711 года видно, что онъ увѣдомляесть его о взяній его подъ спражу въ Ницѣ по повелѣнію Короля и опправленій къ Графу Гриньяну, который долженъ былъ перевезти его въ Парижъ; и потому онъ проситъ Епископа, единственнаго покровителя своего, предупредитъ его пріѣздомъ своимъ въ Парижъ и привезши съ собою пузырекъ съ металлическимъ порошкомъ; дабы онъ Королю лично могъ предсавити истину своего тайнства:

Архіепископъ же въ письмѣ своемъ къ Ноаншелю, (Сенець 14 Марта 1711 года) показываесть свое удивленіе, что съ такимъ челоѣкомъ, какъ де л'Иль, такъ дурно поступили, связали его и скованнаго отослали въ Парижъ. Эшо значить, говоришь онъ, нарочно хошѣтъ дове-

спи его до сумасшествия, ожесочить его и чтобы онъ умеръ отъ досады, будучи отъ природы недовѣрчивъ и чувствительнъ; и потому онъ опасается, что такое обращеніе болѣе будетъ вредить, нежели принесетъ пользу выгодамъ Короля; что онъ самъ въ 24 часа соберется въ Парижъ, дабы догнать де л'Иля; а такъ какъ снѣгъ глубоко выпалъ, то предпринимаетъ сіе дальнее путешествіе верхомъ, побуждаемъ единственно усердіемъ къ пользѣ Короля, чтобы укротить пльннаго художника и пригошовить его къ покорности и готовности показатъ свое шайнство его величеству.

Де л'Иль прибылъ въ Бастилію 11го Апрѣля 1711 года. Ему не докучали допросами; напрошивъ того поспунали съ нимъ весьма кропко и давали ему разумѣть, что Королю угодно бы было видѣть продолженіе химическихкихъ работъ его въ Бастиліи, для чего ему будутъ доставлять все потребное и постараются облегчать оныя; почему де л'Иль и началъ свои работы. Ноаншель доставилъ ему опять чрезъ господина Бернавилле, Губернатора Бастиліи, отнятое у него при взятіи его серебро и золото; чего Епископъ настоятельно требовалъ. 2го Августа художникъ началъ опыты свои превращеніемъ металловъ; при чемъ замѣчено, что средства, имъ для сего употребляемыя, состояли особенно въ ршупи, селистрѣ, мышьякѣ, сѣрѣ и антимоніи. 3го Августа производилъ онъ свои работы въ присутствіи Епископа и господъ Бургеша и Лауная Директора монетнаго двора; также 5го и 7го Августа; сего числа онъ склалъ препараты свои и порошокъ въ коробъ и

объявилъ желаніе идти въ Губернаторскій садъ, называемый прежде Бастіономъ. Удалившись туда съ вышепоказанными свидѣтелями, вырылъ самъ яму, поставилъ въ оную коробъ, покрылъ его доской и завалилъ опять землею; 17 го пошелъ онъ съ ними опять въ садъ; но полагая, что порошокъ не довольно лежалъ въ землѣ, зарылъ его снова въ присутствіи общества; 18 го онъ его вынулъ, а 19 го приступилъ къ новой обработкѣ порошка, что происходило какъ и все послѣдующее въ присутствіи сихъ господъ. Епископъ извлекъ изъ порошка нѣкоторое количество воды, которую онъ налилъ въ пузырекъ, и запечатавъ своей печатью, поставилъ оный въ садовой бесѣдѣ на солнце. Сии работы продолжались весь мѣсяцъ Августъ и производились какъ де л'Илемъ, такъ и означенными особами. Господинъ Лаунай опудѣлилъ опъ массы золото; 10 го Сентября дано было де л'Илю по его пребыванію 4 унціи золота, а 21-го сего мѣсяца онъ взялъ склянку, сполвиную въ саду на солнцѣ, въ которой нашлось масло и осадка; все сіе вылили въ сосудъ, который потомъ запечатавъ Губернаторомъ и Епископомъ; а 26 числа опять открытъ въ присутствіи всѣхъ; но масла не найдено болѣе: оно изпреблено солнцемъ и осадкою. 27 го Епископъ и Бургетъ^и пришли въ Бастилію и принесли двѣ склянки съ металлическимъ порошкомъ и солнечнымъ масломъ, коихъ каждаго по части они вылили на приготовленную де л'Илемъ массу. 29 го Октября де л'Иль пошелъ въ компанію Губернатора, поставилъ тамъ маленькую печь и положилъ въ кубъ металлическій порошокъ свой въ присутствіи Епископа, Ноаншеля, который самъ прибылъ въ Бастилію, Лауная,

Бургета, Башира, также лѣкаря и аптекаря Баспилиа. Кубъ стоялъ въ печкѣ 2 $\frac{1}{2}$ часа, послѣ чего де л'Иль его вынулъ и нашель въ пріемникѣ только полспакана воды вмѣсто ртутіа, который онъ думалъ найти; кубъ разбился нечаянно; Епископъ собралъ мешаллическій порошокъ и взялъ оный и полспакана воды съ собою. 1 го Ноября Епископъ и Бургеть принесли де л'Илю обратно мешаллическій порошокъ и сказали, что тогда много огня разложено было; ибо порошокъ сгорѣлъ ошь часпи; они единодушно согласились, чшобъ Епископъ въ шощъ же вечеръ прислалъ де л'Илю оштасошь запасеннаго мешаллическаго порошка, философской воды, солнечнаго масла и упомянутой полспакана воды, дабы онъ снова могъ начать свою работу, что и исполнено; послѣ сего онъ нѣсколько дней отдохнулъ, чшобъ въ сіе время масса лучше могла соединиться; а 21, 23, 28 и 29 го Ноября снова производилась работа. 11 го Декабря де л'Иль сдѣлалъ шощъ же опытъ въ присудствіи Епископа, Лауная и Губернатора Бернавилье, который онъ производилъ при Ноаншелъ, но успѣхъ былъ также неудачень. Губернатора Бернавилье почти безпрестанно призывали къ симъ работамъ и опытамъ, потому что онъ долженъ былъ по повелѣнію Двора снабжать де л'Иля матеріалами, инструментомъ и всѣмъ ему нужнымъ. Послѣ всякаго засѣданія Губернаторъ запечатывалъ употребляемыя матеріалы своей печатью, и всякой разъ, когда работа производилась, онъ показывалъ запечатанныя склянки, которые печатались иногда и де л'Илевой печатью, занося всякой разъ своеручно въ прошкоколь: въ шакой-шо день и въ шакой-шо часъ я снялъ мою печать

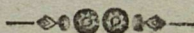
и за оной находившіеся у меня подь сохраненіемъ машеріалы выдалъ, или въ такой-то день и часъ ввѣренныя мнѣ машеріалы принялъ я обратню подь моею печатью въ сохраненіе. Епископъ Сенецкій былъ такъ увѣренъ въ достоверности искусства де Л'Иля, въ честномъ и ошккровенномъ образѣ его мыслей, что часно въ комна-пахъ, гдѣ производились химическіе опыты, онъ падалъ на колѣна и молилъ Бога о благословеніи сей работы и дарованіи успѣха въ оной.

18 го Января 1712 года прислана изъ Прованса отъ Аббата Сеншъ-Обанскаго къ господину Ноаншелю склянка, копорая открыта была въ присудствіи Епископа Сенецкаго и Бургеша; въ оной ничего не нашли, кромѣ нѣсколькихъ шравъ *lunaria major*, смѣшанную со ршупью, оспашокъ за нѣсколько времени симъ художникомъ производимыхъ смѣшеній; пробовали оную въ присудствіи вышеозначенныхъ господъ и еще лѣкаря и аптекаря Баспили, положили въ склянку, запечатавъ Епископскою печатью. 20 Января склянка была опять открыта при прежнихъ свидѣтеляхъ и произведеніе со-спойло въ небольшомъ количествѣ порошка, приспавшаго къ сосуду; и болѣе ничего. Наконецъ 27 го Января за-ключено учинить де Л'Илю допросъ по формѣ, и Аржансонъ присупилъ къ оному. Съ сей минуты де Л'Иль примѣнно спалъ груститъ и ни о чемъ болѣе не гово-рилъ, какъ о смерти; чѣтыре дня спусія, по еспь 31 Января, философъ нашъ найденъ мершвой въ постелѣ. По ушру онъ сдѣлался нездоровъ рвоною, копорой онъ часно былъ подверженъ, и копорая возобновлялась какъ-

дья два часа; подь вечерь онь почувствовалъ слабость, потерялъ употребленіе языка и умеръ, такъ что никто того не замѣпилъ. Онъ весь день говорилъ, ѣлъ бульонъ, пилъ много, что онъ обыкновенно дѣлалъ при такомъ припадкѣ, и потому Губернаторъ и слуги почли его смерть скорострѣжною. Аржансонъ отправился на другой день весьма рано въ Басмилю осматривать шѣло, приказавъ анатомировать оное и сдѣлать описаніе болѣзни, что и исполнено въ 6 часовъ вечера за отсутствіемъ Басмилскаго, Королевскаго докторомъ и лѣкарями Парижскимъ и Басмилскимъ. Въ описаніи своемъ они говорятъ, что де л'Иля умеръ не отъ яда, и что причины его смерти весьма естественны; что ими основательно доказано; между шѣмъ удивительно, что Аржансонъ доноситъ господину Ноантелю отъ 3го Февраля 1712 года при перемылкѣ рапорша лѣкарей, что онъ еще имѣеть подозрѣніе въ неестественной смерти де л'Иля, причины чему онъ лично ему объявить хотѣлъ; сверхъ того въ своемъ рапортѣ Аржансонъ, упоминая о Парижскомъ лѣкарѣ, говоритъ, что онъ лѣчилъ и перевязывалъ раны де л'Иля. Если сіе дѣйствительно такъ было, то оно должно случиться въ Парижѣ; но нигдѣ не замѣчено, что бы де л'Иль въ Парижѣ или Басмилии былъ раненъ; въ Парижѣ же онъ не могъ быть раненъ, ибо привезенъ туда подь прикрытіемъ и пошъ же часъ зданъ въ Басмилю. Такимъ образомъ кончились и жизнь де л'Иля и съ нею предьявляемое имъ искусство дѣлать золото и серебро.

11го Февраля 1712 года, 12 дней по смерти его отправилъ Аржансонъ съ Лаунаемъ Директоромъ мо-

нашнаго двора, въ Бастилію, чшобы здать сему послѣднему всѣ на лицо имѣвшіеся матеріалы, въ полученіи коихъ Лаунай росписался въ пропоколѣ того же дня. На другой день 12 Февраля сочинена Аржансономъ другая вѣдомость, изъ которой видно, что Лаунай велѣлъ во весь шопъ день продолжати два начашья де л'Илемъ химическіе процесса, дабы опдѣлилъ содержавшееся въ оныхъ золоша, коего получено дѣйствительно $6 \frac{1}{2}$ квеншлововъ 22-брашнаго золоша, которое Аржансонъ послалъ Генераль-Контролеру Десмарецу при письмѣ опъ 14 Февраля; въ семъ письмѣ онъ называетъ де л'Иля обманщикомъ, употреблявшемъ во зло легковѣрность многихъ особъ. Въ Ноябрь того же года просила вдова де л'Иля о выдачѣ ей платья и прочаго наслѣдства послѣ мужа ея оспававшагося въ Бастиліи, что и исполнено по повелѣнію Короля. Такимъ образомъ кончилась испорія сего Алхимика, возбуждавшая тогда большое вниманіе.

XII.

ГЕРЦОГЪ РИШЕЛЬЕ 1716 года 4 Марта.

Сей Ришелье есть шопъ знаменитый Маршалъ, который начальствовалъ въ семилѣтнюю войну въ Германіи и умеръ за нѣсколько времени до революціи въ Парижѣ въ глубокой старости. Онъ былъ посаженъ въ Бастилію 4 го Марта 1716 года за дуель съ Графомъ Моршинономъ, будучи 20 или 21 года опъ роду. Въ Ба-

спилии содержался онъ при раза: первой 22 Апрѣля 1713 года, будучи еще Герцогомъ Фронсакомъ, а два послѣдніе: 4 го Марша 1716 и 28 Марша 1719 годовъ, Герцогомъ Ришельё. Причиною перваго его заключенія были любовныя его связи съ одною особою, у кошорой его заспалъ господинъ Кавое, сообщившій пошъ же часъ объ ономъ господѣ Меншепонъ; въ Баспилю же самъ опецъ привезъ его тогда. Причиною вפורичнаго его ареста была, какъ мы выше замѣтили, дуель его съ Графомъ Моршиньяномъ. Въ одной оперѣ Герцогъ Ришельё показывалъ публично Вахво по ржештво, на кошоромъ Графиня Моршиньянъ, по его словамъ, была главною жрицею, за что мужъ ея вызвалъ его на поединокъ и равиль его; а чшобы удалишь его ошъ преслѣдованія Парламенша, кошорый присвоилъ себѣ право судить Герцоговъ и Перовъ Франціи, шо его посадили въ Баспилю.

Къ заключенію же его въ 1719 мѣ году подала поводъ дѣвица Валоа, дочь Регенша, послѣ бывшая Герцогиня Моденская. Она называлась Шарлотта Аглая, была смершельно влюблена въ Герцога, кошорый въ шо же время имѣлъ семь или восемь другихъ любовныхъ интригъ. Любовныя письма ихъ находятся еще въ цѣлости. Дочь Регенша оказываетъ въ письмахъ своихъ живѣйшее при скорбіе о томъ, что должна была ѣхать въ Модену. Съ дороги ошъ Парижа въ Лионъ писала сія Принцесса къ Герцогу до 30 писемъ весьма печальнаго содержания.

25 го Августа, 1786 года Герцогъ посѣщалъ Баспилю и входилъ на все башни, хотя имѣлъ тогда ошъ роду 90 лѣтъ 5 мѣяцевъ и 12 дней.

XIII.

ВОЛЬТЕРЪ.

Въ пропоколѣ спашья о немъ слѣдующаго содержания :

„Францъ Марія Аруешъ, 29 лѣтъ, родомъ изъ Парижа, сынъ Аруеша, Казначей Счешной Экспедиціи, посаженъ въ Баспилю 17-го Маія 1717 года за сочиненіе разныхъ оскорбительныхъ стихошвореній на Регенца и Герцогиню Берри.

Онъ говорилъ также въ присудствіи многихъ особъ, что такъ какъ онъ ничѣмъ не можетъ опмѣнить Герцогу Орлеанскому, то не пощадить его, но крайней мѣрѣ, въ своихъ стихошвореніяхъ. Когда же его нѣкто спросилъ: чѣмъ его обидѣлъ его Королевское Величество? то онъ вскочилъ какъ бѣшеный и отвѣчалъ : „Какъ! развѣ вы не знаете, что онъ меня послалъ въ ссылку за то, что я доказалъ публикѣ, что онъ порабощилъ себя недостойной его страши?“ Господинъ Аруешъ былъ сосланъ въ Тумлесъ 15 го Маія 1716 года; но его Королевское Величество позволилъ опцу, чтобы сынъ его выбралъ себѣ мѣстомъ ссылки Сюлли на Лоаръ: ибо такъ какъ онъ имѣлъ тамъ родныхъ, то и надѣялись, что они разговорами и примѣрами своими слѣлають его умнѣе и умѣрають излишнюю его дивоснь.

Изъ Баспили онъ былъ выпущенъ 11 го Апрѣля 1718 года и вспунилъ опять въ оную 28 Марша 1726

года; второе его освобождение воспослѣдовало 28 Апрѣля того же года. Вольперъ былъ обиженъ Кавалеромъ Роганъ-Шабопомъ; искалъ случая отмститьъ ему и былъ за то посаженъ въ Баспилю. Онъ писалъ тогда къ Парижскому Министру : позволите мнѣ вамъ всенижайше предсказать, что храбрый Кавалеръ Роганъ-Шабошъ напалъ на меня измѣнническимъ образомъ въ сопровожденіи еще шести разбойниковъ, за которыхъ онъ весьма мужественно сражался. Съ тѣхъ поръ хотя я употреблялъ все стараніе возстановить не мою, а его честь, но оно было слишкомъ трудно. Я дѣйствительно былъ въ Версалии; однакожъ не справедливо, чтобы приказывалъ вызывать Кавалера Роганъ-Шабоша опъ Кардинала Рогана.

XIV.

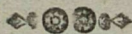
ЗАГОВОРЪ ВЪ БРЕТАНИИ 1718 ГОДА.

Онъ случился въ малолѣтствѣ Людовика XV и въ правленіе Герцога Орлеанскаго. Людвигъ Бригольдъ, монахъ изъ монастыря Лионскаго, былъ по сему дѣлу привезенъ въ Баспилю 9 Декабря 1718 года. Онъ принадлежалъ къ числу лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ Герцога и Герцогини Менскихъ. Намѣреніе ихъ было во первыхъ взять сторону удаленныхъ Принцовъ, прошивъ Принцовъ крови; 2) ослабить силу Правителя и споспѣшествовать Королю Испанскому, чтобы и онъ могъ получить участіе въ правленіи государсва; 3) дославить Герцогу Мен-

скому всю власть и силу, которая ему покойный Государь далъ своимъ завѣщаніемъ.

Всѣ сіи происки и пронырства Бригольша и его приверженцевъ были причиною Испанской войны въ 1719 году и заговора въ Бретани. Заговорщики хотѣли передать правленіе Филиппу V, созвать Государственные Чины, ввести ихъ въ прежнія права, членамъ Парламента возвратити свободу и заставить народъ поступать сообразно намѣреніямъ Испанскаго Министерства. Часть Дворянства въ Бретани взбунтовалась противъ Короля и вооруженною рукою сопротивлялась возвышенію подапей. Захваченные бунтовщики были привезены въ замокъ Нантскій и для допроса ихъ учреждена была особенная Коммисія. Число виновныхъ простиралось до 148 человекъ, изъ коихъ четвертымъ отрублены головы, а прочіе погибли на эшафотѣ.

XV.

Нѣкоторыя извѣстія о Янсенистахъ.

Безпокойства, происшедшія въ Парижѣ отъ Янсенистовъ, получили начало свое въ Епархіяхъ Сентъ-Ешъеннъ дю Монской и Сентъ-Медардской. Слѣдствіемъ оныхъ были извѣстные чудеса Париса, возникшія тогда Конвульсіонисты и отказъ извѣснѣйшимъ фанатикамъ сей секты въ приобщеніи Святыхъ Тайнъ.

Весьма легко было, говорить Полицей-Лейшenanпъ Герольдъ, пошушишь сіе зло, сіи соблазнительные догматическіе распри въ самомъ началъ ихъ, ежели бы только показали примѣръ строгости надъ главными зачинщиками, которые не хотѣли признашь двухъ новопосвященныхъ Священниковъ. Въспомо того, чшобы ихъ посадить въ Бастилію и въ примѣръ другимъ продержашъ ихъ подолѣе въ оной, медлили употребить противъ нихъ власть, довольствовались изгнаніемъ только нѣкоторыхъ изъ Парижа, которыми чрезъ нѣсколько времени позволили опять возвращаться, Янсенисты вообразили, что ихъ опасаясь, число приверженцевъ ихъ умножалось, въ продолженіи времени они укоренялись болѣе и болѣе и кончилось тѣмъ, что они въ вышеупомянутыхъ Епархіяхъ, особенно въ Сентъ-Медардской, открыли совершенную фабрику чудесъ и конвульсіонныхъ явленій. Въ Сентъ-Медардъ оставляли ихъ почти цѣлый годъ въ покоѣ, почему они безпрепятственно опправляли свои дѣла какъ шутъ, такъ и въ домъ Париса, гдѣ онъ умеръ, и гдѣ воду изъ колодца его продавали въ видѣ воды очистишельной. 1732 году не запирали небольшого Сентъ-Медардскаго кладбища; промедлили Королевскимъ указомъ до слѣдующаго года, котораго и тогда не слушались, довольствовались прекращеніемъ иногда нѣкоторыхъ собраний, не дѣлая никакихъ выговоровъ владѣльцамъ домовъ за сіи сборища; а по кратковременномъ содержаніи въ Бастиліи выпускали также и Конвульсіонистовъ. Парламентъ, коему поручено было изслѣдовать сіи дѣла, ни по одному не учинилъ надлежащаго рѣшенія, и опъ чего и не прекращались такъ долго сіи догматическія распри,

нимыя чудеса и соблазнительныя явленія. Отъ упущенія предварительныхъ мѣръ, безпокойства безпрестанно умножались. Чудеса Париса и отъ того происшедшія конвульси начались, какъ можно полагаешь, съ смертію его, случившеюся 1 го Маія 1727 года. Сіи явленія, происходившія въ столицѣ Королевства, принадлежатъ бесспорно къ достопамятнѣйшимъ происшествіямъ Французской монархіи, и попомощю съ прудомъ повѣришь, что цѣлыя общества, цѣлыя сословія и множество умныхъ людей могли вѣришь симъ чудесамъ, могли защищать ихъ у Короля и народа, и выдавать ихъ за истинныя непреложныя! . . .

Парисъ былъ старшій сынъ одного Парламентскаго Совѣтника въ Парижѣ. Дабы совершенно посвятивъ себя набожнымъ размышленіямъ, онъ уступилъ по смерти отца своего мѣсто Парламентскаго Совѣтника младшему брату. Парисъ умеръ 36 лѣтъ, упорствуя въ своихъ мнѣніяхъ. На смернномъ одрѣ онъ причастился и соборовался масломъ, не бывъ 14 лѣтъ у Святаго Причастія подъ тѣмъ предлогомъ, что недостойнъ онаго; за день до смерти подписалъ свое завѣщаніе, а одному духовному, жившему у него въ домѣ, дикшовавъ свое исповѣданіе вѣры и завѣщавъ похоронить себя безъ всякой пышности и, какъ бѣдняка, на общемъ кладбищѣ. Смерть постигла его 1 го Маія въ 10 часовъ, а на другой день весьма рано было уже большое спеченіе народа около одра его; обрѣзывали волоса его, прикасались къ тѣлу розовыми вѣнками, и проч; всѣ его плащя и домашніе уборы раздѣлены были по часямъ. 3 го Маія онъ похороненъ на малень-

комъ кладбищѣ Сенль-Медардскомъ, позадиглазнаго алшаря, и при похоронахъ его было невѣроятное спеченіе знапныхъ чиновниковъ, духовенства и женщинъ. Девяпшь дней послѣ смерти Париса умеръ Руссе, Каноникъ изъ Авеная, особенно уважаемый своими приверженцами. Кардиналь Ноаль явилъ себя ревностнымъ защитникомъ всего того, что ни приписывали Парису и Руссѣ; даже нѣкоторыя изъ ихъ чудесъ велѣлъ совершенно разсмотрѣть и объявить оныя дѣйствительными. Кардиналь Флери, узнавъ о томъ, препоручилъ Канцлеру, чтобы онъ извѣстилъ писменно Кардинала Ноаля, что поступки его, относително сего дѣла весьма непріятны Королю.

Во всѣхъ сполѣпняхъ ходъ и дѣйствіе суевѣрія, частныхъ выгодъ, предразсудковъ, спрасшей и ненависти паршій между собою были одинаковы. Молинисты съ своей стороны спарались выказать справедливую сторону Папы и нелѣпность чудесъ Парисовыхъ, съ тѣмъ чтобы только имъ однимъ играть въ свѣтѣ важную роль; однако мало по малу удалось здравому разуму уничтожить объ секшъ и теперь оныя подверглись совершенному забвенію.

XVI.

ДЕ-ЛА БУРДОННЕ, ГУБЕРНАТОРЪ ОСТРОВОВЪ
ИЛЬ-ДЕ-ФРАНСА И БУРБОНА.

Онъ начальствовалъ въ Индіи эскадрю и взялъ у Англичанъ Мадрасъ. Его обвиняли, что онъ во время

начальства своего дѣлалъ разныя обманы и хищенія. Изъ спашей пропокола явствуешь, что часть его флота, вскорѣ по взятіи острововъ Мадраса, погибла отъ бури; извѣстно также, что для изслѣдованія его дѣла наинятована была Королемъ особенная Коммисія, кошорая оправдала его во всѣхъ отношеніяхъ и признала его достойнымъ свободы; по другимъ извѣстіямъ, онъ былъ весьма богатъ и получалъ болѣе 300,000 ливровъ ежегоднаго дохода, не взирая на то, что долженъ былъ заплачивать казенные убытки на 18 мил., и пошому его обвиняли, что онъ обогатился на счетъ казны. Де-ла Бурдонне нашель во время своего заключенія случай чрезъ одного караульнаго уншеръ-офицера имѣть переписку внѣ Басмиліи, кошорая открыта слѣдующимъ образомъ. Уншеръ-офицеръ, стоявшій въ караулѣ у внутреннихъ воротъ замка, замѣченъ былъ въ разговоръ съ Бурдонне, кошорый во время прогулки своей по внутреннему двору прошедъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ, подалъ по поданному знаку въ рѣшетку уншеръ-офицеру небольшой пакетъ, завернушый въ обвершочную бумагу; одинъ изъ приворошниковъ видѣлъ оное собственными глазами и увѣдомилъ о томъ Поручика, кошорый только что вошелъ на дворъ; онъ сей часъ нашель пакетъ за буткой, куда караульной полкнулъ его ногою. О семъ происшествіи донесено было Аржансону и пакетъ распечатанъ по его приказанію въ присутствіи де-ла Бурдонне, уншеръ-офицера и еще двухъ членовъ слѣдственной Коммисіи. Въ конвертѣ ничего не нашли, кромѣ копии съ письменнаго защищенія, кошорое де-ла Бурдонне подалъ судьямъ своимъ, написанное на 85 страницахъ почтовой бумаги мѣлкимъ

письмомъ и еще записку къ его супругѣ на полчетвертушкѣ, слѣдующаго содержанія: „Я посылаю тебѣ при семь копію съ объясненія, поданнаго мною въ Коммисію. Бѣловое было не много лучшаго слога, но смыслъ все шопъ же. Ежели оно вѣрно дойдетъ къ тебѣ, моя любезная, то думаю, ты хорошо сдѣлаешь, ежели доставишь оное своему адвокату, чтобы онъ напередъ сочинилъ по оному маленькое защищеніе, для передачи судѣ до рѣшенія. Я оставилъ у себя копію для доставленія судѣ въ случаѣ, ежели бы онъ наспоялъ на томъ, чтобы не позволилъ мнѣ никакого совѣщанія; напиши мнѣ: хорошо ли я поступилъ? Я счелъ нужнымъ послать къ тебѣ сіе сочиненіе, чтобы ты сдѣлала изъ него употребленіе, какое тебѣ покажется нужнымъ; ибо я всѣмъ буду доволенъ. Я ожидаю господина Вильнёва, моего адвоката, который велѣлъ мнѣ сказать, что дѣло мое скоро кончится: тѣмъ лучше; въ разсужденіи же меня, ты можешь быть совершенно покойна, ибо я ничего не боюсь, кромѣ невѣднія моихъ судей въ относящемся до состоянія Индіи и Морскихъ дѣлъ, и по преступленію моему не заслуживаю даже и суночнаго ареста. Въ разсужденіи моего здоровья, ты также можешь быть покойна; мысль увидѣшь тебя еще разъ прежде смарши, заставляешь меня прилагать о себѣ всякое стараніе; правда я имѣлъ не большую опухоль на ногахъ; но съ тѣхъ поръ какъ дѣлаю движеніе она уменьшается. Я просилъ тебя о лѣкарствахъ; но мой пріятель не хочеть доставить письма моего; равно и тѣхъ не пропускаеть, которые ежели бы ты ихъ показала кому возбудили сожалѣніе и объявилъ мнѣ сердито, что ни одно письмо, въ которомъ я буду гово-

рись о моемъ нездоровьѣ, не будетъ пропущено; но ты знаешь какимъ образомъ я могу доставлять тебѣ вѣрныя о себѣ извѣстія; ты можешь положиться на то, что я пишу къ тебѣ. Обойми моихъ дѣшей и скажи сама себѣ, мой любезной другъ, всѣ мои чувства къ тебѣ. Будь здорова, я обнимаю тебя оцъ всего моего сердца. 14 го Января 1750 года.

Господинъ де-ла Бурдонне призналъ записку своею; до отърынія его согласія съ уншерь-офицеромъ предославляли ему вольности и облегченія, которыя впрочемъ никому изъ заключенныхъ не позволялись; къ нему пропускали изъ дома всякія принасы, приготовляемые ему въ Баспили по его вкусу; ему давали чернилъ, бумаги, перьевъ и всякую книгу, которая приносила ему удовольствіе. Члены Коммисіи согласились даже на то, чтобы онъ читалъ журналъ Меркурій и Французскія газеты; онъ имѣлъ позволеніе три раза въ недѣлю и по полутора часу ходишь по двору замка; но послѣ упомянушаго произшествія съ уншерь-офицеромъ, ему все запрещено. Уншерь-офицеръ былъ выгнанъ изъ роши и вычеркнутъ изъ списковъ Королевскаго Инвалиднаго дома. Сей бѣдникъ сошелъ съ ума во время своего заключенія и при освобожденіи своемъ въ 1751 году должно было опдашь его на попеченіе одной родственницъ его въ Лионъ, а господинъ де-ла Бурдонне освобожденъ въ шопъ же день 5 го Фаврала 1751 года. Наши читатели, можеть быть любопытны будупъ знать дальнѣйшую судьбу господина де-ла Бурдонне и печальную кончину его. Сія самая имѣ шакъ нѣдно любимая супруга здѣлалась ему невѣрна и

ушла въ его опсущствіе съ однимъ его сослуживцемъ; онъ ихъ преслѣдовалъ и шакъ разгорячился, что сдѣлался болѣнь; ему прописали лѣкарство, а лѣкаръ по неосмотрительности своей далъ спирту, отъ чего больной умеръ въ жестокомъ мученіи.

XVIII.

РАЗВРАТНЫЙ СЫНЬ.

Господинъ Таппинъ де Квилле, сынъ Королевскаго Совѣтника, былъ заключенъ въ Баспилю 7 го Февраля 1757 года. Сей молодой человекъ развратнымъ поведеніемъ своимъ и мотовствомъ имѣлъ несчастіе раздражить отца своего до такой степени, что онъ исходатайствовалъ у Короля повелѣніе посадить его въ Пьеръ-Анъ-Сизу, а потомъ въ Сенсъ-Михельсбергъ. Дабы освободиться изъ сей послѣдней темницы, вздумалъ онъ писать ко Двору, что ему извѣстно нѣсколько дѣлъ *Даміена* (*), что и послужило дѣйствительно поводомъ къ переводу его въ Баспилю, гдѣ, какъ кажешся, онъ долго пробылъ. Такъ какъ сія Исторія можетъ служить урокомъ, какъ непокорнымъ дѣшамъ, шакъ и жестокимъ родителемъ, а равно и доказательствомъ, что несчастною поспѣшностію исходатайшвовашъ аресты скорѣе

(*). Извѣстно, что Даміенъ покушался убить Людовика XV. См. записки того времени.

можно споспѣшествовать поношенію и паденію семейства, чѣмъ ея благосостоянію, почему и помѣстимъ здѣсь рядъ писемъ сего несчастнаго, которыхъ подкрѣпятъ наше мнѣніе.

Сей молодой человекъ привезенъ въ Сеншъ-Михельсбергъ 15 Февраля 1755 года, откуда онъ убѣжалъ съ семьєю поварищами своими 28 го погоже мѣсяца; но всѣ вмѣстѣ пойманы 7 го Марша.

Первое письмо сего молодаго человека къ Бену :

Государь мой! грубое обращеніе монаховъ принудило меня бѣжать изъ Михельсберга 28 Февраля и подвергаться величайшимъ опасностямъ, будучи принужденъ спуститься съ высоты 300 фушъ. Марша 7 го пойманъ я опять въ Ернеѣ придцашью человекѣми съ примкнутыми шныками; я нахожусь опять въ жестокихъ рукахъ; но они меня не долго удержашъ; ибо я рѣшился на все для полученія опять свободы, съ пожертвованіемъ даже жизни, которою и безъ того не дорожу; ибо я подвергалъ ее опасности съ величайшею рѣшимостію. Море, по которому я скипался цѣлыя 12 часовъ, мнѣ пеперь извѣстно; и пошому вы меня чрезвычайно обяжете, ежели объявите о семъ далѣ. Я пожертвую жизнью для моего освобожденія: заключеніе для меня люфтѣ смерти. Я не въ состояніи выдерживать болѣе голода, лишенія дневнаго свѣша и теплоты; и пошому уговорите ошца моего, чшобы онъ позволилъ служить мнѣ волонперомъ въ Морскихъ войскахъ, а деньги, употребляемые имъ на содержанія мое здѣсь, оставлялъ у себя для уплаты долговъ

моихъ, ежели онъ не хочеть нанести себѣ огорченія; а фамиліи своей спыда; ибо я твердо рѣшился всѣмъ пожертвовашь для моего освобожденія. Уговаривайте его наспомяпельнѣе въ мою пользу; ибо время коротко, и я предаюсь величайшему опчаянію. Я всего надѣюсь опъ вашего великодушія и полагаюсь на васъ, какъ на искреннѣйшаго моего друга. Со всѣмъ возможнымъ высокопочишаніемъ пребуду я вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга де Квилле Фугересъ 7 го Марша 1755.

Вшорое письмо его къ госпождѣ Варнье 8го Марша 1755.

Милоспивая Государыня!

Я предпринялъ бѣгство изъ Сентъ-Михельсберга и спустился 300 фуштъ высоты для избѣжанія бѣшенства монаховъ. Три раза подвергалъ я опасности жизнь мою, чшобы 7 дней пользоваться свободою. 7 го Марша оспавленъ я 30ю человекѣми съ примкнувшими шшыками и у одного осѣклось ружье у груди моей; но всѣ сіи нещастія меня не убивающъ. Я хочу освободиться и умереть, или спражи мои должны погибнуть; ибо я въ опчаяніи. Преспуленіе сдѣлаешся для меня добродѣшелью, и мой отецъ долженъ къ тому готовиться, ежели онъ не возвратишь мнѣ свободы. Я о томъ шолько прошу васъ, чшобы позволили мнѣ опредѣлиться въ Морскую службу; не ужасно ли и въ такой бездѣлицѣ мнѣ опказывающъ? ибо я просиль шолько мѣсто волонтера. Ошеть мой плашишь 600 ливровъ за мое содержаніе и, не взирая на сіе, я долженъ перпѣшь голодь. Поспайшесь, Милоспивая Государыня! обо мнѣ понаспояпельнѣе и

удержите моихъ родителей, чшобъ они не нанесли безчестія своему дому; ибо заключеніе ожеспочить мою душу. Имъю честь пребыть съ величайшимъ почщеніемъ и паковою же преданностію; Милоспивая Государыня, вашъ покорный слуга Таппинъ де Квилле Фугересь. 8 го Марша, 1755.

Третье письмо господина Таппина опца.

Приложенное при семъ письмо писалъ мой нещасный сынъ совсѣмъ несповспѣломъ челоѡка, пошеряшаго разсудокъ. Въ концѣ своего письма изъявляетъ онъ желаніе служить на морѣ. Когда онъ выпущенъ былъ изъ Шерь-Ань-Сизы, то просилъ меня о опредѣленіи его въ Аршиллерію; я доспалъ ему въ оной мѣсто Сюрнумера-шора. 15 го Сентября 1754 года онъ былъ принятъ господиномъ д'Ививиле, Маршаломъ Кампейскимъ и Комменданшомъ Сшразбургскаго Аршиллерійскаго училища, въ его полкъ, въ копоромъ едва пробывъ мѣсяцъ долженъ былъ ийти по повелѣнію Комменданша сего опяшь въ шемницу, изъ коей освобожденъ единшвенно по прозьбѣ Маркиза Тубушопскаго, копорый однакожь его пошчасъ опсправилъ съ курьеромъ въ Парижь, куда онъ и прибылъ 19 го Декабря. Сіе доказываетъ письмо сына моего къ нему изъ Орлеана, въ копоромъ онъ проситъ увѣдомить его, что говоряшь въ полку о его бѣгшвѣ. съ 1750 году находясь въ разныхъ шемницахъ онъ году не былъ на свободѣ, и не взирая на шакое малое время онъ во всѣхъ городахъ, въ коихъ находился задолжалъ болѣе

250,000 ливровъ. Онъ угрожаетъ въ семь писемъ погубить или себя или монаховъ, ежели ему не возвращашъ свободы.

Четвертое письмо молодого Ташина къ сестрѣ.

Любезная сестра! я не получаю извѣстій ни ошь тебя, ни ошь кого либо другаго и какъ кажется, все равно, что я умеръ для человѣческаго общества. Я, такъ скажашъ, погребенъ живой. Но, любезная сестра; сіе давно бы кончилось, ежели бы тебя не было; ибо въ такомъ случаѣ я за дерзость давно бы наказалъ спорожа, который говоришь со мною, только для моего мученія и не иначе какъ, съ пистолами въ карманѣ; но по любви моей къ тебѣ щажу тебя. Для тебя только обуздываю кипяція мои спрасни, влекущій меня къ убійству. Ахъ! сія дружба, которую я къ тебѣ питаю, стоить мнѣ неисчислимыхъ спраданій; месть, которая для всякаго челоука имѣетъ сполько прелестей, была бы для меня еще безцѣннѣе, ежели бы при мщеніи я сдѣлалъ одно преступленіе и могъ произвести оное, не нанося тебѣ безчестія, но къ несчастію, наказаніе дѣйствуешь во Франціи не на одного преступника; но и на родственниковъ его; и потому я долженъ погибнуть, не смѣя опмспить за себя, ибо не могу сдѣлать сего не вреда тебѣ. Пусть тысяча спраданій противъ меня совокупяшся; пусть смерть похититъ меня съ лица земнаго, мохъ мыслей ничто не переѣнитъ; я буду грызть свои оковы; но буду съ твердостію переносить все, чтобы внимашъ только

тому, что мнѣ сердце мое за тебя внушаетъ, и потому
 будь покойна и увѣрена, что моихъ мыслей ничто не мо-
 жешь перемѣнить. Но прошу, чтобы и ты заплашила
 мнѣ за любовь мою, ежели можешь сдѣлать сіе не оби-
 жая твоихъ родителей; ибо ежели ты должна ненави-
 дѣть меня, чтобы угодить имъ, то дѣлай сіе: я себя
 за то еще сильнѣе любить буду. Единственная моя
 просьба къ тебѣ состоятъ въ томъ, чтобы ты была
 щаслива, и ежели я сіе узнаю, то не менѣе себя буду
 щасливъ на солому, съ черствымъ кускомъ хлѣба и
 пивши цидекъ, кошорый горче сока изъ Колоквиша или
 Алоя. Желаю особенно, чтобы заключеніе мое не раздра-
 жило тебя противъ твоихъ родителей; ибо самыя
 ошибки должны быть для тебя предметомъ уваженія, и
 гласъ природы безмолвствуетъ при гласѣ обязанности.
 Послѣ перваго моего побѣга я могъ бы уже опять три
 раза уйти, ежели бы имѣлъ храбрыхъ товарищей; но они
 могутъ еще исправиться, и потому я не теряю надежды
 уйти. Ежели мнѣ удастся уйдѣ, то я поѣду въ Англію,
 чтобы сыскать себѣ мамъ отца и опечесиво, и увѣренъ,
 что получу мамъ должность. Прощай, любезная
 моя сестра! будь щаслива, береги свое здоровье, укра-
 щай сколько можешь душу свою, посвящай себя чтенію
 хорошихъ писателей; ибо образованный умъ большая
 помощь во всѣхъ случаяхъ, особенно же будь твердо увѣре-
 на, что никто такъ не любитъ тебя, какъ твой слуга
 и братъ Тапциъ Квилле 1 го Сентября 1754 года.

Р. С. Всѣмъ нашимъ пріятелямъ мое усердное по-
 чтеніе. Я заклинаю тебя приобрести любовь господина и

госпожи Варнье, которыхъ я чрезвычайно почитаю. Всякое письмо сгоришь мнѣ здѣсь деньгами, платьемъ и другими вещами Солъе лудора, пошому что здѣсь на все налогъ.

Пятое письмо опца Френеля, наспоиселя Сень-Михельсбергскаго.

Государь мой! я долженъ васъ увѣдожить, что сынъ вашъ взялъ отсюда нынѣшнюю ночь, для перевезенія его въ Баспилю; онъ нашелъ средство увѣдомишь Дворъ, что онъ имѣеть нѣкоторыя свѣдѣнія о ужасномъ поступкѣ, учиненномъ надъ особою Его Королевскаго Величества, и пошому я получилъ повелѣніе опдашь его на руки господъ Кашелнопа и Лиегю; дальнѣйшихъ же подробностей я не могу вамъ шенерь описашъ пошому, что почта спѣшишь, присовокупляю только къ сему, что онъ съ величайшею радостію удалился отсюда, ибо надѣялся, что сія пересылка будетъ способствовать къ его освобожденію. Имѣю честь и проч: С: Михельсбергъ 2 Февраля 1757.

Шестое письмо господина Таппина опца.

Любезный другъ! Вы найдете приложенныя при семъ два письма несчастнаго моего сына, въ которыхъ заключается столько же злобы какъ и въ шѣхъ, которыхъ вы уже имѣете. Я прошу вашей помощи для исходатайствованія указа о заключеніи его на всю жизнь: начальство обязано симъ самой справедливости. Подумайте сами, чего стоило сіе природнымъ моимъ чувствамъ и ро-

дительской моей нежности въ продолженіи многихъ лѣтъ. Я удрученъ совершенно печалію при мысли о моемъ сынѣ. Прощайте, любезный другъ! обнимаю васъ опъ всего сердца; но не имѣю болѣе силъ писать къ вамъ еще. Тап-пинъ 22 Февраля 1757. Я перешлю вамъ еще 14 писемъ сего несчастнаго, писанныя одинакимъ шомомъ съ наспо-ящимъ.

XIX.

Госпожа Б . . . первая Каммеръ Фрейлина
тогдашней Дофины, послѣ бывшей Коро-
левы Французской.

Она выпущена изъ Баспиліи 21, а посажена въ оную 3 го Іюня 1761 года за то, что продала алмазы и дру-гія драгоценныя вещи принадлежавшія Дофинѣ. Она сдѣла-ла сама письменное объясненіе свое 5 го Іюня 1761 года слѣдующаго содержанія :

Я сознаюсь и объявляю, что точно я продала Фермуаръ и алмазы, бывшія на окладѣ образа, за 11,000 франковъ Жидамъ и Ювелиру Гвидамуру, не будучи вынуждена къ тому недостаткомъ въ деньгахъ. Я признаюсь въ семъ преступленіи съ расперзаннымъ и раскаявающимся сердцемъ. Фермуаръ нашла я между комодомъ и шуалетомъ, а образъ у ножки кресель, на коихъ лежало плашье. Онъ былъ скрытъ также частію занавѣсомъ. Я клянусь, что я учинила только сіи два преступ-

пленія, которыхъ однако достапочно сдѣлашь меня презрительною въ собщвенныхъ глазахъ моихъ; денегъ же никогда не брала и не имѣла намѣренія брать ихъ. Я прошу прощенія у Бога и моего Государя. Всякую минуту, которую проживу еще я употреблю на покаяніе въ семь ужасномъ дѣлѣ.

Изъ Баспили она переведена въ женскій монастырь Моншарельскій въ Брешаньи, изъ котораго она скрылась 21 го Ноября 1761 года, ушла въ Парижъ, а опшуда въ Версалію, гдѣ была опянь взята и опослана въ монастырь Св. Пелагеи, гдѣ находилась еще въ 1768.

Она была грудная сестра погдашняго Дафина и послѣ бывшаго Короля. Въ одной запискѣ, найденной въ дѣлахъ ея, упоминается о заемѣ 150,000 ливровъ, сдѣланномъ посредствомъ ея у одного купца на имя и счетъ Дофины. Сего купца увѣрили, что симъ угожденіемъ приобрѣтешъ онъ покровительство сей Принцессы въ двухъ прожектахъ, которые онъ подалъ двумъ Миниспрамъ.

XX.

РАСТОЧЕННЫЕ МИЛЛІОНЫ ВЪ КАНАДѢ 1761.

Дѣло шло о лихоимствѣ, обманахъ, злоупотребленіяхъ и ушаенныхъ деньгахъ, какъ при Королевскихъ складочныхъ анбарахъ, такъ и при выдачѣ съвстныхъ припасовъ

для городовъ , портовъ и станцій колоніи ; приказано было всѣхъ, замѣшанныхъ въ семь преступленій, схвативъ, и изслѣдованіе поручено было особой Коммисіи. Двадцать три челоуѣка были посажены по сему дѣлу въ Басшилію и за содержаніе ихъ плашила казна ежедневно 164 ливра. Знавшійшій изъ обвиненныхъ былъ Биготъ, Иншендантъ Канады, за содержаніе коего казна выдавала ежедневно Губернатору Басшиліи 20 ливровъ; а на прочихъ по 10 и 15, также по 6 и по 3 ливра за каждаго. Господинъ Биготъ былъ осужденъ къ заплатѣ въ казну 1,500,000 ливровъ , Контролеръ Бреардъ 300,000, Коммисаръ Варинъ 1,500,000, а Генераль-Провіаншмейстеръ Кадесть, который наиболѣе обокралъ казну, 6 мил: ливровъ. По собственному признанію виновныхъ, барышъ, полученный имъ при одной выдачѣ съѣстныхъ припасовъ, простирался на 12 мил: ливровъ.

Господинъ Сарпинесъ получилъ за труды свои при изслѣдованіи семь пожизненный Пенсіонъ въ 6,000 ливровъ, которые должны ему начашъ выдаваться съ 1 го Іюня 1764; прочіе члены Коммисіи получили также значительныя пенсіи или награжденія, а Маіоръ и уншеръ-Маіоръ Басшиліи получили подарка.

XXI.

СУДЕБНОЕ ПОКАЗАНИЕ ПОЛЬ-РЕНЕ ДЮ ТРУШЕ ДЕ-ЛА ШОКСЬ.

Въ 1762 году, 12 Января, въ 10 часовъ утра отправившись мы изъ Рошебруне : Парламентскій Адва-

бапъ, Королевскій Совѣтникъ и Коммисаръ Парижскаго замка въ слѣдствіе сообщеннаго намъ вчерашняго числа начальникомъ Полиціи Приказа въ замокъ Баспильскій, чтобы опобращь показанія ошъ господина дела Шокса, шъохранишеля Королевскаго, кошорый содержался въ Баспили по повелѣнію Его Величества и соспавишь прошоколь всему случившемуся съ нимъ въ Версальи 6 го числа помянушаго мѣсяца. Находясь въ замкѣ Баспильскомъ прибазали мы призвашь дела Шокса въ залу совѣша и объявя ему причину нашего прибышя, мы съ его словъ соспавили слѣдующій прошоколь :

*Вторникъ 12 ознагенаго мѣсяца и года ,
четверть одинадцатаго часа утрома.*

Поль Рене дю Труше дела Шоксъ, изъ прихода Сентъ-Винценскаго, эпархіи Базаской. 29 лѣшь ошъ роду, Кавалеръ и шъохранишель Короля изъ ропы Люксембургской, привезень изъ Версальи въ Баспилю въ Воскресень 10 сего мѣсяца: показываешъ подь присягою, что когда онъ покупамъ шабакъ въ улицѣ Босыхъ, въ Версальи 6 го числа шекущаго мѣсяца и пришелъ около 9 часовъ вечера въ улицу Грандъ-Коммюнь до Коллегіи иносшранныхъ дѣль, шо замѣшилъ двухъ человекъ, изъ коихъ одинъ былъ ростомъ 5 фушь и 4 дюйма, имѣль на себѣ худой черной кафшанъ, свержъхъ коего, какъ у духовнаго, надѣшь былъ маленькой каципонъ, а на другомъ зеленая куршка обложенная золотымъ позуменшомъ въ палець шириною, въ сапогахъ и росну 5 фушовъ и 5 или 6 дюймовъ. Сии люди

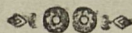
ему поклонились и начали съ нимъ, разговоръ слѣдующими словами: „вы гвардѣецъ; намъ сказали, что сего дня во дворецъ большой столъ; не угодно ли вамъ будетъ сдѣлать намъ милость впустишь насъ шуда?“ на что онъ обращаясь къ духовному отвѣчалъ: я немогу обазать вамъ сей услуги, вы должны бытъ представлены къмъ нибудь изъ знаемыхъ и получишь билетъ для входа отъ дежурнаго Капитана, впрочемъ шеперь такъ поздно, что вы не можете получить билета; чтоже касается до того господина, показывая на человека въ зеленой куркѣ, то онъ не можетъ бытъ допущенъ въ семъ одѣяніи къ большому столу. Но они, упрашивая его убѣдительно, возразили: неужели мы чрезъ посредство ваше не можемъ войти? когда же онъ отвѣчалъ имъ, что не можетъ имъ шѣмъ служишь, то они сказали: но Государь мой, вы кажетесь такъ вѣжливы, неужели вы можете отказать намъ въ желаніи нашемъ; мы иностранцы, которые сего дня шольбо пріѣхали, а завтра ояшь должны ѣхать, и ежели послѣ сказаннаго вами намъ нельзя бытъ допущенными къ большому столу: то просимъ васъ по крайней мѣрѣ пославши насъ куда нибудь, гдѣ бы могли видѣшь, и приближиться къ Королю. „Куда же мнѣ пославши васъ“ спросилъ онъ ихъ?“ Туда, гдѣ Король долженъ проходить, отвѣчали они, когда онъ пойдетъ къ столу или отъ онаго. Онъ представлялъ тогда симъ людямъ что они пребують невозможнаго и не обыкновеннаго; но они въ извиненіе свое сказали, что они не имѣють никакого злаго намѣренія; но дѣлають сіе для того, чтобы до-

спавивъ опять свободу пришесненному народу; а религіи его надлежащую ей силу; и ежели вы намъ окажете сію услугу; то мы предлагаемъ вамъ въ награду все что вы пошребуете только. Всѣ сіи разговоры происходили или на мѣстѣ, или на дорогѣ; когдаже они замѣтили удивленіе его шакому требованію, то онъ сказалъ имъ, чтобы не дасть имъ подозрѣнія: „Вы совершенно справедливы, слѣдуйте за мною, Государи мои, причины ваши убѣдительны.“ Послѣ сего они сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ за нимъ; оспановились какъ будто для совѣщанія. Между тѣмъ онъ взошелъ на первую ступень лѣспниці, ведущей въ галлерею, гдѣ живутъ Епископъ Орлеанскій и другія особы; видя же что они оспановились, онъ обратясь закричалъ имъ: „Чтожь, господа, вы за мною не слѣдуете.“? Они сей часъ къ нему приблизились и спросили его пвердымъ голосомъ: что вы хотите дѣлать? Схвативъ шебя, плушь, опвѣчалъ онъ, взошедши между тѣмъ еще нѣсколько ступеней до первой площадки, и обнажилъ шпагу, призывая на помощь поварищей своихъ, и схватилъ за грудь челоуѣка въ зеленой куршкѣ, копорый однакожь у него вырвался и обнажилъ охопничій ножъ свой, получа отъ него ударъ шпагою, копорая переломилась пошому, что челоуѣкъ сей былъ въ панцырѣ. Сей замѣшя, что прошивникъ его обезоружень преслѣдовалъ его и получилъ обломкомъ шпаги ударъ по лицу; но въ шуже минушу онъ, объявивель сего, получилъ сзади отъ духовнаго ударъ по головѣ, копорого онъ хопя и схватилъ лѣвой рукой, но зелено-одѣшый челоуѣкъ ударилъ его охопничьемъ ножемъ въ грудь съ правой спороны, а

духовный повалилъ его за волосы на полъ; но какъ онъ продолжалъ еще кричать: помогите, убійцы! убійцы! то снѣ два челоуѣка зашквули ему ропъ плашкомъ и жестоко прибили, оупъ чего онъ лишился чувствъ, но еще слышалъ какъ одинъ изъ нихъ неизвѣстно копорый кричалъ: „мошенникъ, пы имѣлъ какое-то намѣреніе; но теперь уже никому не расскажешь. Пробывъ около получаса безъ памяти, онъ пришелъ напоследокъ въ себя, вспалъ понемногу; но не успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ оупяшъ упалъ, и подупяшъ уже нѣкопорыми проходящими гвардейцами, слышавшими, какъ онъ по слабости своей жалобнымъ голосомъ призывалъ на помощь. Сначала принесли его въ комнату госпожи Сентъ - Саверь, а попомъ въ гошпишалъ Сесперь милосердія въ Версамію, гдѣ положенъ въ залѣ назначенной для Королевской гвардіи. Вотъ все что онъ зналъ.

Когда допросъ сей былъ прочтенъ ему онъ, подупвердивъ оный, подуписалъ его со мною, Коммиссаромъ. Ла Шоксъ Михайлъ де Рошебруне.

Вѣрояшно вся Исторія была выдумана, для того чтобы выслужисья нелѣпыми выдумками.

XXII.

Заклученные по дѣлу Езуитовъ и Даміена.

Нѣкто господинъ дела Пламбанье 45 лѣшъ оупъ роду посаженъ въ Басшилю 2 го Маія 1762 года попому

что онъ написалъ книгу подъ заглавіемъ: *что намъ дѣлать изъ Езуитовъ?* въ насмѣшливыхъ и колкихъ выраженіяхъ. Онъ разсмащриваетъ въ оной сначала средства, коими можно учинить Езуитовъ полезными Государству и самимъ себѣ; попомъ предлагаетъ, чтобъ Король сдѣлался самъ главою сего общества. Для оправданія сей системы, онъ прописалъ всѣ выгоды, могущія произойти изъ оной. Сочинитель извинялся тѣмъ, что слова его были простою шушкою, и что чрезъ сіе сочиненіе надѣялся только собрать нѣсколько денегъ, не имѣя намѣренія обидѣть тѣмъ Короля или министерство. Онъ продалъ рукопись свою одному книгопродавцу за 25 Лаубшалеровъ, который долженъ былъ опдать оную въ печать. Многіе знаменитые особы, знавшія сочинителя, просили за него, увѣряя, что онъ былъ человекъ честныхъ правилъ и хорошаго поведенія, и попому его опять освободили.

Гораздо важнѣйшій оборотъ взяло дѣло одного духовнаго по имени Рингешъ, который, по доносу монаховъ Верберскихъ, 30 Сентября 1762 года отправленъ въ Басилію, а въ Октябрѣ тогоже года оттуда переведенъ въ шемницу большаго замка, гдѣ его судили и приговорили повѣсить на площади Гревской, что и было исполнено 29 Декабря тогоже года.

Онъ рассказывалъ Монахамъ, что до вступленія его въ Езуитскій орденъ, онъ былъ Езуитомъ и Профессоромъ философіи въ Камбреѣ и Валансиеннѣ и 9 лѣтъ драгунскимъ Офицеромъ. Онъ произносилъ ужасныя прокля-

тія прошивъ Парламентъ и правительства и всѣхъ членовъ Парламентъ; называлъ ихъ плушми, злодѣями, безбожниками безъ вѣры и совѣсти, безъ закона и религіи; но никто, по его словамъ, не заслуживалъ шакъ сего названія, какъ Аббатъ Шавелэнъ. Онъ хотѣлъ умертвить его за два дня до изданнаго Парламентомъ указа по Езуишскому дѣлу, и что хотя ему не удалось, но онъ увѣрялъ, что Аббатъ не избѣжитъ сего, и не иначе какъ ошъ руки его погибнетъ. Увѣрялъ шакже монаховъ Верберскихъ, что онъ ѣдитъ въ Парижъ извѣдашь щастія къ приведенію ордена своего ошашъ въ силу, и ежели бы ему сіе не пощасливилосъ, то хотѣлъ разсѣяшь сочиненіе свое, которымъ надѣился погубить Францію а особенно Парламентъ. Чашая монахамъ нѣкоторыя мѣста изъ оной, писанныя съ большимъ жаромъ и весьма соблазнительно, онъ говорилъ имъ, что Король, госпожа Помпадуръ и Герцогъ Шоазель были причиною упадка ордена, и что во Франціи нѣтъ уже болѣе никакой религіи. Когда Демиенъ производилъ въ дѣйствіе намѣреніе свое, что онъ тогда былъ на дворѣ замка, а лошадь его вѣтъ онаго у рѣшешки, что Папера Малагрида ошибкою приняли за него; послѣ чего онъ шопчасъ отправился верхомъ въ Сень-Дени; ошкуда поѣхалъ уже по почтѣ. Онъ разбазывалъ далѣе, что одного изъ поварищей своихъ отправилъ онъ ядомъ за то, что шоптъ изъ куска хлѣба подписалъ Парламентскій указъ, и учинилъ смершоубійство сіе въ силу чешвершаго объша, налагаемаго орденомъ, и даваемаго подѣ присягою. Сей объшь обязываетъ умерщвлять всѣхъ прецѣпшествовавшихъ ордену, особенно же измѣнившихъ членовъ онаго, прибавя къ шому,

что для него все равно какимъ бы образомъ его не казнили; ежели онъ только умретъ мученикомъ Ордена, что Орденъ будетъ умъшь сдѣлаться спрашнымъ, что многіе изъ Членовъ его будутъ опредѣлены Викаріями, даже Епископами, а нѣкоторыя вопрущя слугами во многіе изъ первыхъ и знавшйшихъ домовъ и ш. далѣе.

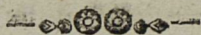
Иоаннь Гриметь, торговавшй шабакомъ, весьма неосторожно говорилъ о дѣлѣ Даміена и сіе было причиною заключенія его въ Басшилію, на пр: онъ говорилъ, что зналъ Даміена и часно игриваль съ нимъ, что вся шяжба Даміена была только выдуманная басня для ослѣпленія народа, что хошя всѣ Судьи и Члены Комисіи должны были присягнушь въ сохраненіи тайны; но что истина обнаружися современемъ, что когда Даміень ранилъ Людовика XV, то будшо на большой дорогѣ сподли двѣ одноколки, копорыя, казалось, должны были приняпъ бѣжавшаго Даміена какъ скоро онъ произведешъ въ дѣйствіе свое намѣреніе, что многіе видѣли сіи одноколки и нѣкоторыя слышали по совершеніи удара громкое восклицаніе: *не пощастливилось!* и сей часъ одноколки сіи исчезли; но что люди въ одноколкахъ сихъ ожидали Даміена не для спасенія его, но что бы заспрѣлишь; онъ, говоря шакже о дѣлѣ Езуитовъ, ушверждалъ, что они возвышяшя блистательнѣе прежняго и что Парламентъ будетъ раскаяваться въ прошедшемъ, а Господинъ Шавелонъ охотно бы ошдалъ два пальца на опсеченіе чшобы не преслѣдовашь ихъ прежде; удивлялся рѣдкому прошиворѣчію, что у Езуитовъ опнимають орденское плашье, а при дворѣ дають

имъ чины и почетныя мѣста; что одинъ Езуитъ сдѣлался домовымъ Священникомъ у Кардинала Шоазеля, а другой также у Герцога Орлеанскаго чрезъ посредство Господина Брешеля. Сей человекъ освобожденъ по чепырехъ-мѣсячномъ заключеніи, общаясь напередъ удерживался впередъ оныхъ подобныхъ разговоровъ подъ опасеніемъ вѣчнаго започенія.

Ричардъ Робее, духовный 53 лѣтъ донесъ ложно на одного пустытника, что онъ худо говорилъ о Королѣ и утверждалъ; что Даміенъ умеръ мученическою смертію. Робее былъ при слѣдствіи посаженъ въ Басилію, гдѣ онъ самъ себя хотѣлъ умертвить, ранивъ прежде себя въ руку большой иглой; попомъ изломанной вилкой, но какъ кровь не могла стечь, потому что отверстіе не довольно велико было, то онъ сдѣлалъ нѣсколько ранъ, и когда его спросили; за чѣмъ онъ такъ жестоко поступилъ съ собою: то отвѣчалъ; что сдѣлалъ сіе оныхъ досады, что при допросѣ умолчалъ о истинѣ. Его вымечили и при освобожденіи его ему приказано было оцѣпавшись въ свой приходъ.

Діеде Сенпъ-Лазаре, Морской Офицеръ при торговой Морской силѣ, 23 лѣтъ оныхъ роду; родомъ изъ Кассины, былъ посаженъ въ Басилію въ Октябрѣ 1765 за то, что въ Нантѣ, за столомъ въ трактирѣ, разговаривая о казни Даміенъ, произносилъ ругательства противъ Правительства, и въ театрѣ тоже пошумлялъ своему сосѣду. При допросѣ онъ отвѣчался оныхъ словъ своихъ, и утверждалъ, что былъ всегда вѣрнѣйшій подданный

Короля; но признался, что точно, когда его спросили о Кайенской колоніи, то онъ ошвѣчалъ, что Тюрго плусть, которыхъ весьма не довольны, и ежели Герцогъ Шоазель не сдѣлаешъ его Лейшенаншомъ фрегата, то онъ сдѣлаешся Морскимъ разбойникомъ и будешъ крейсировать противъ Французскихъ кораблей, а ежели онъ за споломъ произнесъ имя Короля, то конечно сіе случилось тогда, какъ онъ сказалъ, что Тюрго заслуживаешъ, чтобъ Король его казнилъ также какъ и Даміена, дабы наказашъ его за все зло, причиненное имъ жителямъ Кайенскимъ, что его шпага слишкомъ благородна, чтобъ обезчестить ее кровію Тюрго, который заслуживаешъ палочныхъ ударовъ. Сей Офицеръ былъ выпущенъ изъ Бастиліи 27 Іюня 1773 года; но опять посаженъ 3 Іюля по приказанію Господина Сарпина, пошому что не имѣлъ столько денегъ, чтобъ отправишься въ Брестъ, мѣсяцъ своего изгнанія. Господинъ Сарпинъ, приказавъ ему выдать 226 ливровъ на пущевыя издержки, отправилъ его 10 Іюля въ почтовой коляскѣ въ Брестъ.

XXII.

КАЗНЬ ГРАФА ЛАЛЛІЯ 1762. (*)

Графъ Лаллій, Кавалеръ большаго креста Св. Людовика и Генераль - Лейшваншъ Королевской службы, 61

(*) См: подробности о семъ въ книгѣ, подъ заглавіемъ: о надеждѣ Французской державы.

году отъ роду, былъ привезенъ въ Басшилю 1762 года за то, что его полагали единственною причиною въ потерю Франціи всѣхъ Ост-Индскихъ владѣній. Онъ судился въ Парламентѣ, и 6го Маія 1766 года приговоренъ онымъ къ лишенію головы на Гревской площади; таковой приговоръ исполненъ былъ 9го числа помянушаго мѣсяца въ 5 часовъ пополудни. Его привезли наканунѣ въ 10 часовъ вечера изъ Басшили въ Парламентскую шемницу для прочтенія ему сеншенціи; на всѣхъ углахъ улицы и при входѣ въ Судъ носшавлены были пикеты, а у шемницы нѣсколько человекъ солдатъ. Графъ оказалъ большое безпокойство, когда Маіоръ Басшильскій, провожавшій его до Парламентской шемницы, оставилъ его въ дверяхъ оной, не просясь съ нимъ. У него вырвалась восклицаніе: „теперь я пропалъ!“ Ему дѣлали все возможные представленія къ успокоенію его, и онъ провелъ ночь между страхомъ и надеждой. Упомясь разговоромъ, что онъ былъ въ 9 сраженіяхъ и только въ одномъ побѣжденъ, что при Фоншеноа и осадѣ Бергенпоцоома онъ опличился и ш. далѣе, бросился онъ совершенно одѣтый въ постель и проспалъ цѣлый часъ; но по пробужденіи получилъ прежнюю поску; въ 8 часовъ предложили ему вкусить что нибудь; но онъ отказался, чтобы, по его словамъ, не опягошить желудка и чтобы въ сосноянніи быть хладнокровнѣе говорить съ Судьями своими. Около обѣда повели его въ церковь; его объялъ шрепешъ, когда прошоколистъ Грефѣ приказалъ ему преклонить колѣна и выслушать приговоръ. Сначала спіялъ онъ нѣсколько времени въ нерѣшимости, но наконецъ исполнилъ требуемое. Во время чтенія оказывалъ онъ нѣсколь-

ко разъ неперѣніе, когда же услышалъ, что приговоренъ къ лишенію жизни, по вскочилъ и, улавъ опъ ужаса на взничъ, вскричалъ: „Какое же преступленіе я сдѣлалъ?“ Когда приговоръ былъ прочтенъ, Священникъ Ордена Св. Людовика приблизился къ нему для подкрѣпленія его упѣшеніемъ религіи. Ахъ, Государь мой, оставьте меня на минушу одного! опѣчалъ Графъ сель въ углу церкви и закрылъ лице обѣими руками; вдругъ выдергиваетъ железное остріе, спряпанное имъ въ рукавъ, и вонзаетъ оное на дюймъ себѣ въ бокъ подъ сердце. Присудспвующіе поспѣшили на помощь и удержали руку, гошовую повшорить ударъ. О семь происшествіи донесено было сей часъ первому предсѣдателю, и онъ приказалъ поспѣшить исполненіемъ казни, но уже вмѣсто кареши, копорую позволили было ему имѣть по просьбѣ семейства его, его повезли на простой шелегъ. Въ слѣдствіе сего палачъ взялъ Графа, копорый извергалъ въ сію минушу жесточайшія ругательства и проклятія, и пошому прошополиспъ пребовалъ новаго предписанія, предспавляя, что при перевозѣ, кромѣ соблазна публики опъ злословія Графа, надобно было еще опасаться, чтообъ онъ не задушилъ себя языкомъ своимъ по примѣру Негровъ; и шакъ рѣшено было заклапашъ ему ротъ, чтообы воспрепятствовашъ и шому и другому, что и исполнено было въ половинѣ пятаго часа не безъ сопротивленія съ его стороны. Потомъ посадили его на простую шелегу, предъ копорой ѣхала шелега палача въ сопровожденіи военнаго ошряда. Когда его привезли на мѣсто казни, то спросили: хочешъ ли онъ идши въ Рашуну? но онъ разсердился, бросилъ презрительный взглядъ въ эту сторону и усшремилъ

взоры свои на толпу окружающего его народа, когда взошел на лестницу; но был весьма слабъ, но находясь на эшафотѣ, онъ оказалъ героическую твердость и преклонилъ самъ колѣна и голову на плаху. Сынъ палача сдѣлалъ неправильный ударъ и перерубилъ ему только черепъ; отецъ опшолкнулъ неискускаго юношу, взялъ самъ мечъ и однимъ разомъ опсѣдилъ голову опъ шуловища.

Онъ имѣлъ защитниковъ въ Вольшеръ и Аббатъ Рейналь, которые доказывали, что онъ не могъ быть измѣнникомъ и притѣснителемъ. Сынъ его Графъ Ламей Долендалъ былъ послѣ депутатомъ Национальнаго Собранія и имѣлъ участіе въ Революціи, а потомъ удалился въ Англію и писалъ противъ Революціи.

XXIII.

Невѣрный управитель.

Бурдонъ, по прозванію Меранвиль, поршпой, сдѣлался извѣстенъ своимъ искусствомъ; но дурное его поведеніе и страсть къ каршамъ были причиною, что въ короткое время онъ три раза сряду былъ банкротомъ и долженъ было оставить ремесло свое. Онъ сдѣлался послѣ того инпенданшомъ веселостей и удовольствій Герцога Мазарина, который опъ образа своей жизни совершенно раззорился. Поршпой жилъ упадкомъ своего Госпо-

дина, имѣя знакомства со многими расповщиками, доставалъ онъ чрезъ нихъ Герцогу по повары, которые онъ продавалъ послѣ за деньги съ убыткомъ, по наличныя деньги за большія проценты, векселя и ш. далѣ. Сии виды и векселя, которые, онъ заставлялъ давать Герцога Мазарина, проспирались до 280,000 ливровъ. Малѣйшую часть сей суммы получилъ Герцогъ наличными деньгами; большую же часть дурными поварями, мебельями и пр; при продажѣ коихъ онъ вдвое перялъ. Меранвилъ взявъ былъ 20 Февраля 1763 года и посаженъ въ Баспилю, чтобы вынудить отъ него признаніе: какіе люди, и какимъ образомъ они обманули Герцога? Онъ показалъ на двухъ: женщину и мужчину, которые оба давали деньги подъ закладъ и припомъ нѣсколько разъ обманывали Герцога. Они также были посажены: первая въ темницу большого замка, а послѣдній въ крѣпость Венсеннскую. Онъ былъ самый пронырливый расповщикъ въ Парижѣ, и ежели какой нибудь молодой человекъ имѣлъ съ нимъ дѣло, то онъ сей часъ доставалъ указъ для его ареста и провожалъ самъ оцѣнщиковъ коимъ доверялъ выручку своего капишала. Когда отъ сихъ расповщиковъ получено нужное поясненіе по дѣлу Герцога Мазарина, то ихъ освободили; но дабы они не могли начать снова мошенничества своего въ Парижѣ, то изгнаны были изъ онаго, паршой на 50 миль, а расповщикъ на 30 миль; женщина же отдана была въ Госпиталь, который былъ не лучше рабочаго дома.

Герцогъ Мазаринъ имѣлъ связь съ одной панцовщицей дѣвицею Аллардъ, которой роскошь проспиралась до

шого, что всѣ мѣста въ домѣ были обипы драгоцѣннѣйшими Бриссельскими кружевами. Меранвилъ былъ управителемъ въ ея домѣ; у нее учиненъ обыскъ и всѣ бумаги, касающіяся до дѣла Герцога у нее взяты.

XXIV.

ИНЖЕНЕРЪ ГЕРОНЪ ВЪ БАСТИЛИИ, ЗА ПЕРЕПИСКУ СЪ ФРИДРИХОМЪ ВЕЛИКИМЪ.

Онъ имѣлъ 39 лѣтъ оупъ роду, былъ инженеръ-Географъ и опвезенъ 21 Декабря 1764 въ Баспилю, а 14 Апрѣля 1765 въ Бисепру, гдѣ долженъ былъ пребыть только 6 мѣсяцевъ; но какъ онъ впалъ въ нѣкошорый родъ сумасшесшвiя, то и освобожденъ 28 Декабря 1783 года. Тогда, вѣроятно, разсудокъ его былъ въ лучшемъ состоянii.

Онъ велъ предосудительную переписку съ Пруссiею, Данiею, Голландiею, Испанiею и Венгрии. Онъ признался, что въ поспункахъ своихъ не правъ, совоѣмъ не старался защищаться и просилъ прощениа пошому только, что нужда и бѣдноспь засшавили его такъ неосторожно поспунить. Переписка его съ Фридрихомъ болѣе всего служила къ его обвиненiю. По прошесшвиі двухъ мѣсяцевъ по обнародыванii въ Парижѣ мира въ 1763 году, писалъ онъ, удрученъ будучи нуждою и бѣдспвиемъ къ Королю Прусскому и предлагалъ ему 4

плана о минах покойнаго инженера Белидопа, но чтобы скрыть сію переписку, по Геронъ опдалъ свое письмо частному человѣку, опъѣзжавшему въ Лондонъ, который опправиль оное опшуда въ Берлинь. Король Прусскій, желая узнать подробнѣе о Геронѣ, и можешь ли онъ быть полезенъ ему, послалъ Агенша своего Жансона, который посѣшилъ Герона въ Шальотъ; сей показалъ ему упомянутые чепыре плана и просилъ за нихъ 50 новыхъ Луидоровъ. Жансонъ донесъ Королю по возвращеніи своемъ въ Пруссію о исполненіи порученія и писалъ попомъ къ Герону, что онъ можешь дашь ему за его планы 40 луидоровъ; но въ другомъ письмѣ онъ соглашается дашь ему 50, ежели онъ уговоритъ или Туперша или Солейроша Миннеро оставитъ Французскую службу и перейши въ Прусскую. Вѣроятно Король Прусскій хотѣлъ употребитъ одного изъ сихъ Офицеровъ для поясненія и пракшического исполненія купленныхъ плановъ, и Геронъ дѣйствительно писалъ къ симъ Офицерамъ и уговаривалъ ихъ ѣхать съ нимъ въ Пруссію.

Корреспонденція Герона съ Вѣною имѣла предметомъ заложеніе порговой биржи въ Венгріи, и онъ долженъ былъ имѣть главный надзоръ надъ поспроеніемъ мостовъ, гаваней и п. д.

Переписка его въ Голландію, происходила, по его словамъ, опносительно Гамбургскихъ чулокъ, которыхъ онъ хотѣлъ для себя купить и прожекта ѣхать въ Амстердамъ и продашь свои планы Географамъ, которые хотѣли ихъ гравировать. Съ Испанскими послан-

никами переписывался онъ для того, чтобы переслать имъ сочиненіе Белидора *Traité de la guerre Souterraine* ш. е. *трактатъ о подземной войнѣ* и о Гибралтарѣ. Геронъ, борясь безпрестанно съ нуждою, послалъ рисунокъ съ лафета и всѣхъ часпей его порознь къ Королю Датскому, который приказалъ выдать ему за по 100 Датскихъ шалеровъ. Выключая Герона, заключили въ Басшилю Секретаря покойнаго Белидора и двухъ дѣвицъ Леспибудоазъ, коихъ всѣхъ полагади соучастниками преступленія Герона особенно же въ томъ, что будто бы Секретарь скрылъ важнѣйшія бумаги Белидора, доставилъ Герону планы и хотѣлъ, оставя Францію, ѣхать съ нимъ въ Пруссію; но Секретарь доказалъ, что Геронъ обманулъ его, оставя у себя копіи съ плановъ, которые онъ далъ ему для скопированія; двѣ же дѣвицы также никакого участія въ переговорахъ не брали и даже опсоловчились ему. Геронъ писалъ письмо, въ коемъ число не было означено, на имя одного прахширщика, чтобы сей передалъ его извѣстной особѣ, въ которомъ онъ просилъ заступиться за него въ Версали и упросилъ Герцога Беррійскаго, чтобы онъ выдалъ его за своего инженера, потому что онъ считаетъ себя пропавшимъ, ежели дѣло его перейдетъ въ Парламентъ.

Ежели дѣло не удастся, продолжаетъ онъ, тогда прощай жизнь; она виситъ на ниткѣ. Ежели вы узнаете, что мнѣ исходатайствовано прощеніе, то приходите въ понедѣльникъ вечеромъ въ 8 или 9 часовъ, я буду слушать въ ту сторону, гдѣ стоятъ инвалиды въ воротахъ Св. Антонія, и въ такомъ случаѣ закричите

пять или шесть разъ Аллилуиа или засвидѣшите; ежели же я не прощень, то закричите чешыре или пять разъ: прощай Флибустиеръ (*)! и тогда вы можете чрезъ два или три дня присутствовать при похоронахъ моихъ въ церквѣ С. Павла. Я прошу васъ также написать къ Господину Жоржу Клейрманну, купцу во Франкфуртѣ на Майнѣ, письмо слѣдующаго содержания: Государь мой! я увѣдомляю васъ, чтобы вы не посылали писемъ въ Парижъ, по извѣстному вамъ дѣлу; онъ умеръ, все извѣстно, и вы знаете, кпо тому причиной.

Вѣроятно Геронъ надѣялся доставить сіе письмо; но оно перехвачено и находится при дѣлахъ.

Геронъ, будучи выпущенъ изъ Бисепры, пребывалъ назадъ чемодана, въ коемъ находилось множество плановъ, чертешей и другихъ бумагъ, касающихся до осады или защищенія крѣпости; но ихъ немогли ему выдать, ибо Коммисаръ Шенонъ велѣлъ при разборѣ въ 1783 году сжечь ихъ, попому что они всѣ исплѣли и производили дурной запахъ.

XXV.

Плѣнникъ, самъ себя обвиняющій.

Онъ назывался Меркуръ и добровольно сознался въ одномъ письмѣ къ Кардиналу Жеврскому, что въ

(*) Американскій морскій разбойникъ.

Фанатической ревности своей онъ принялъ ужасное на-
вѣреніе принести въ жертву своему неистовству Коро-
ля и что не довѣряя себѣ имѣть силы къ подавленію
сей мысли, его покорнѣе просить, чтобы его взяли
подъ стражу, дабы лишить его всякой возможности къ
совершенію онаго. Кардиналъ сообщилъ сіе письмо По-
лиціи-Лейтенанту тогдашнему Сарпине, который при-
казалъ взять Меркура и посадить въ Бастилію, гдѣ
онъ въ большой Меморіи и въ письмѣ къ Господину
Сарпине описалъ всю жизнь свою обстоятельно.

Кончивъ съ хорошимъ успѣхомъ курсъ наукъ въ
юношесствѣ своемъ, прибылъ онъ въ Парижъ, гдѣ про-
бывъ нѣсколько времени и издержавъ всѣ деньги, рѣ-
шился возвратиться къ отцу своему; но оставляя Па-
рижъ, укралъ у зятя своего 52 лундора и пошелъ въ
Безансонъ, гдѣ Епископъ, бывший изъ фамиліи Грам-
монъ доставилъ ему приходъ съ 600 ливровъ доходу;
въ то же время онъ сдѣлалъ связь съ дочерью Аптекаря
Безансонскаго, которая сдѣлалась беременна. Сіе произ-
шествіе и покража 52 лундоровъ, о которой семей-
ство его узнало, заставило его оставить приходъ
свой; послѣ чего онъ завербовался въ одинъ полкъ, съ
коимъ ему досталось стоять въ Бургундіи, вблизи одно-
го помѣстья, принадлежавшаго Маркизу Биссію, брату
Кардинала. Будучи вхожъ къ Маркизу въ домъ, объды-
валъ у него и познакомился весьма коротко съ любов-
ницею Маркиза, которая имѣла еще любовникомъ одного
Кавалерійскаго Поручика; сей, не желая имѣть
доверника въ Меркуръ, поссорился съ нимъ такъ, что

они дрались на шпагахъ и стрѣлялись на пистоляхъ, при чемъ Поручикъ опасно былъ раненъ. Спустя нѣсколько времени Меркуръ возвратился въ Парижъ, проигралъ деньги свои въ Жеврской гостинницѣ, и не зная болѣе, что начать, продалъ посуду, которую ему заложилъ одинъ прахширщикъ за 18 лундоровъ, за что на него прахширщикъ жаловался, и онъ содержался по сему дѣлу 4 года въ шемницѣ, откуда найдя средство скрыться съ двумя поварищами, пришелъ къ Маркизу Бюфремоншю, гдѣ и прожилъ цѣлый мѣсяць, пока ему прислали денегъ, чтобы онъ отправился въ Сеезъ на Саонѣ къ Аббату Бюфремоншу, который, чтобы избавишься отъ него, рѣшился отправить его чрезъ Рейнъ въ Пруссію, давъ ему рекомендабельное письмо къ Генералу Валбургу. Сей принялъ его въ свой полкъ рядовымъ, произвелъ чрезъ двѣ недели въ капралы, еще чрезъ двѣ сдѣлалъ Фельдфебелемъ, а чрезъ три мѣсяца произвелъ въ Поручики. Такъ какъ Меркуръ худо говорилъ по Нѣмецки, то одинъ Офицеръ того полка смѣялся надъ нимъ, что онъ не могъ порядочно произносить нѣкоторыхъ словъ, за что Меркуръ вызвалъ его на поединокъ и пронзилъ его въ животь. Легко умѣлъ онъ снискавъ благосклонность Госпожи Маршалъ, племянницы Канцлера, которая хотѣла съ нимъ бѣжать во Францію, чтобы соединиться тамъ бракомъ; но ее догнали дорогой и возвратили въ Пруссію, когда Меркуръ пошелъ въ деревню за лошадьми для продолженія дороги. Въ изумленіи, видя себя лишеннаго своей возлюбленной и пресѣдуемаго, ушелъ онъ въ Авионъ къ Вицелегату, гдѣ и находился въ безопасности; опшуда поѣхалъ онъ въ Визанну и женился тамъ,

но жена его умерла вскорѣ. Онъ познакомился съ Госпо-
диномъ Норманомъ, супругомъ Маркизы Помпадуръ, и
чрезъ его посредство получилъ мѣсто при опкупахъ,
которое ему давало 8,000 ливровъ годоваго дохода; но
поперявъ сіе мѣсто, онъ, вѣроятно, потерялъ разсудокъ
и находился въ распрѣоеномъ умѣ, когда онъ попалъ на
іпакія мысли, въ коихъ самъ на себя доносилъ. Въ 1765
году когда онъ посаженъ въ Баспилю ему было 68 лѣтъ
отъ роду, а въ 1766 году его перевезли изъ Баспили
въ Винсенъ, гдѣ и умеръ отъ водяной болѣзни въ Де-
кабрь 1775 года.

XXVI.

Д и т я л ю б в и:

Людвигъ Рожеръ, 18 лѣтъ отъ роду, преждебывшій
рядовой полка Дофине выдавалъ себя за сына Госпожи
Флафакуръ, вдовы Маркиза сего имени, и надѣдалъ ей
глупыми и безспыдными письмами. Онъ былъ за повзятъ
подъ спражу въ 1767 году и выпущенъ только съ услови-
емъ, что онъ дастъ поржешественное обязашельствъ оп-
правипься въ колоніи и не писатъ болѣе къ Маркизъ,
въ чемъ онъ и увѣрилъ честнымъ своимъ словомъ; но
нашелъ средство сойти на берегъ съ корабля, должен-
ствующаго опвезти его въ Иль-де Франсъ, и въ 1768
году снова писалъ къ Маркизъ съ острова Ре, называя
ее родною матерью и шребовалъ отъ нее помощи; онъ

писалъ также къ одному родственнику сей Госпожи и угрожалъ въ семь писемъ что призовешъ ее къ суду въ Парламентъ, подписываясь какъ прежде шавъ и послѣ Графомъ Флафакуртъ. Въ 1769 году онъ перевезенъ по повелѣнію Короля изъ шемницы Брестской въ Бисетру и умеръ въ шамошней больницѣ 1773 года. Въ допросѣ онъ побазалъ, что кормилицею его была нѣкоторая Госпожа Богардъ, которой онъ на 4 мѣ году своего возраста привезенъ въ Парижъ въ замокъ Флафакуртской; что Маркиза отдавала его въ Пансіонъ на ея иждивеніи; а кормилица называла его иногда Господиномъ Рожеромъ, иногда Флафакуртомъ и увѣряла его, что онъ сынъ Маркиза сего имени. Онъ дѣлалъ довольно удовлетворительное описаніе важнѣйшимъ обстоятельствомъ своей жизни; при чемъ большое стараніе было приложено разобрать ихъ почтѣе; узнавъ, кто онъ таковъ и подлинно ли принадлежишь къ сей фамиліи; но тщетно. Можетъ быть, онъ дѣйствительно былъ побочный сынъ Флафакурта; но не долженъ былъ носить сего имени. Казалось, ему извѣстно было ошъ части опечество и семейство Господина Флафакурта; вывадая же себя такъ часто за сына его, онъ наконецъ самъ въ шомъ увѣрился. Госпожа Флафакуртъ ужасно боялась его и писемъ его; приказано было сдѣлать выправку по меприческимъ книгамъ въ Нелъ, гдѣ онъ крещенъ; но и симъ ничего не объяснилось. Содержась 1772 года въ Бисетрѣ, въ такъ называемыхъ Кабаногахъ, онъ писалъ къ разнымъ Министрамъ и уведомлялъ ихъ, что узналъ объ одномъ заговорѣ, который имѣлъ предметомъ разореніе всѣхъ приморскихъ пристаней и личную безопасность Короля; и пошому онъ

просилъ, чшобъ его посадили въ другую шемницу, чшо-бы бышь въ состояніи опхрышь всѣ обстояшельства; но вмѣсто того, въ Бисепру послали Инспектора Полиціи, чшобы опъ него опобратъ допрось, при чемъ оказалось, чшо всѣ приведенныя имъ доказашельства частію неосновашельны, частію невѣрояшны. Сей несчастный бѣдный чшловѣкъ, при выдумкѣ ложнаго своего происхожденія, не имѣлъ, кажешся, другаго намѣренія, какъ только доспавишь себѣ сносное и безбѣдное пропшаніе.

XXVII.

Депрево и открытый имъ заговоръ.

Онъ былъ посаженъ въ Баспилю въ 1768 году; попомъ опхвезенъ въ Винсенъ, и наконецъ въ Бисепру, гдѣ весьма долго содержался; ибо полагають, чшо онъ съ ума сошелъ. Его обвиняли въ томъ, чшо онъ непріашель Королевскѣй власши и объ Министрахъ говоришь, чшо они думаютъ только о своемъ обогащеніи, преслѣдуютъ добрыхъ гражданъ и каждую минушу гошовой удешшворяють гордосши и безсшдыспву своему; въ особенносши же навлекло ему мщеніе Министровъ опкрышіе ихъ плана, о кошоромъ онъ донесъ Королю меморіей, съ коей копію нашли при сдачѣ Баспилии :

Предспавленіе Королю Людвигу XV и объявленіе о заговорѣ, касающемся общаго голода.

Государь! между всеми заговорами, известными по летописямъ міра, ни одинъ не имѣеть такого оппечашка непомѣрной злоспи, какъ заговоръ, который Божеское Провидѣніе помогло опкрывать мнѣ 1768 года.

Не подозрѣніе, не слухи, не догадки, или ложные доносы побудили меня къ обнаруженію сего ужаснаго плана; но самый заговоръ, котораго союзъ возобновленъ и продолжается понинѣ; дѣйствительное и нинѣ существующее исполненіе онаго, тысячи доказательствъ, обстоятельныя подробности, переписка заговорщиковъ, вынужденное сознаніе самаго важнѣйшаго изъ заговорщиковъ, который, выключая меня, схоронилъ за живо въ Государственнѣйшей темницѣ еще пятерыхъ подданныхъ Вашего Величества и преслѣдуетъ ихъ; ибо думаешь утаишь постыдныя дѣла свои, ежели испребишь письма, которые могли бы рѣшишь его участь—вошь мои оправданія, мои побудительныя причины.

Министры Вашего Величества старались увѣришь васъ, дабы не показать, что опъ нихъ происходяшь всѣ бѣдствія Государства, что они имѣють въ предмѣшъ ваше и общественное благосостояніе и что они почишають нужнымъ для предупрежденія голода и дороговизны во всякое время приказать опъ имени Вашего, по примѣру Патріарха Іосифа, дѣлать большіе запасы хлѣба во всѣхъ замкахъ, крѣпостяхъ и жилищцахъ, дабы во время нужды можно было его раздавать.

Сія предосторожность, которая Вашему Величеству; какъ и всякому, кто не знаетъ, что подъ симъ скрывается,

покажется весьма похвальною; ново Франціи, благодаря Божескому промыслу, совсѣмъ не нужна она. Говорить ли мнѣ! еще болѣе? Министры Ваши представляютъ васъ, Государь, народу по торговцемъ хлѣба, который продаетъ свой хлѣбъ какъ можно дороже, по закупщикомъ, по притѣснителемъ Франціи, хотя вы совсѣмъ не таковы; по виновникомъ тайныхъ операций, которыя они подъ вашимъ именемъ производятъ; по виновникомъ всѣхъ бѣдствій Государства вашего или, по крайній мѣрѣ, покровителемъ ихъ постыднаго заговора, котораго вы и предполагать не можете; но, Государь! для оправданія вашего правосудія относительно народа, совсѣмъ не нужно приводить доказательствъ: всякой знаетъ, что не было еще примѣра, чтобы монархъ, поступая противъ своего Государства; поступалъ противъ себя; и еще менѣе, чтобы онъ, въ противность имъ совѣсти, чести и славы своей вступилъ когда нибудь въ сношенія съ людьми, почитаемыми за измѣнниковъ, дабы чрезъ то рассориться съ преданными и добрахошными подданными своими, которые въ знакъ послушанія своего плашаютъ ему ежегодно столько пошлинъ, сколько онъ потребуешь. Хотя сей союзъ лукавымъ образомъ заключенъ опъ имени Государя моего Людовика XV; но я слишкомъ хорошо увѣренъ, что изъ всѣхъ миліоновъ, или лучше сказать, билліоновъ, которые съ 1720 года выпоргованы у Французовъ значными торговцами, ни одна копейка не поступила въ казну. Не должно ли изъ того заключить, что Государь чрезъ излишнюю свою довѣренность обманушь, что онъ сего самъ не знаетъ; но что между тѣмъ это очень смѣло производися и ничто не можетъ быть вѣрнѣе сего;

Божією помощію я открылъ тому безчисленныя доказательства, получа планъ-заговора въ свои руки, копіи съ коего хотя и лишилъ меня Господинъ Саршине, когда приказалъ посадить меня въ темницу; но копіей я знаю наизусть, и потому въ состояніи объяснить главный смыслъ онаго.

12 го Іюля 1765 года Господинъ Аверне отдалъ все Государство на откупъ богатѣйшимъ ростовщикамъ, коихъ числомъ было до 3,000,000 называвшимъ себя: *Interessés dans les affaires de la Majesté*. Они должны были сколько можно болѣе собрать въ запасъ хлѣба и вывезти его изъ Государства. Имяни сихъ ростовщиковъ слѣдующія: 1) Руа де Шомонъ, главный сборщикъ лѣсныхъ податей Графства Блоазскаго, живущей въ улицѣ Сеншъ-Перской 2) Перушо, бывшій поставщикъ армейскихъ Госпиталей, который имѣеть прекрасный замокъ Дюплексъ, называемый нынѣ Королевскимъ запаснымъ магазиномъ. 3) Руссо сборщикъ лѣсныхъ податей Орлеанскихъ. Сіи трое суть только подчиненные представителей многочисленнаго общества соединенныхъ безъимянныхъ ростовщиковъ сихъ. Но чѣмобъ скрышь отъ публики настоящую личину свою, они наименовали одного главнаго Агента по имени Маллизета, коему обязывались отдать всю Францію на откупъ на 12 лѣтъ, въ возобновленіе прежде заключеннаго откупа съ нѣкоторымъ Гульардомъ, и откупъ сей долженъ былъ кончиться 12 го Іюля 1777 года, обѣщаясь и послѣ того возобновить его съ нимъ или съ другимъ къъ нибудь. Во многихъ пунктахъ сего условія предписывается правило

жоступковъ его; для успѣха же сего предпріятія, ему позволялось вывозить хлѣбъ, гдѣ только онъ почтешъ за нужное, а въ награжденіе трудовъ его обезпечивающъ его значительнымъ жалованьемъ. Въ семь условіи не забыто даже сколько онъ долженъ держать лошадей и скопа; а Гужешу, назначенному главнымъ казначеемъ, предписано представлять счесть свои и раздѣль барыша ежегодно къ Ноябрью мѣсяцу; для большей же Благодаши Господней назначается въ 20 мѣ и послѣднемъ пунктѣ раздача милосыни въ 600 ливровъ бѣднымъ. Сего опкупнаго договора написано было чешыре экземпляра, и Господинъ Аверне подписалъ его именемъ Короля.

Господинъ Прево продолжаетъ именовать шѣхъ, копорые имѣли участіе въ планѣ; онъ включаетъ пущь шрехъ Иншendanшовъ Финансовъ, шрехъ Полиціи - Лейпнаншовъ, шесть Министровъ и почти всѣхъ Генераль-Контролеровъ; онъ приписываетъ сей Монополіи голодь и дороговизну бывшія не только въ 1760, и 67 въ годахъ, но и въ концѣ семнадцатаго и началѣ осмнадцатаго шшолшія.

XXVIII.

**ПИСЬМО НѢКОТОРОЙ МАТЕРИ КЪ МИНИСТРУ, О
ЗАКЛЮЧЕНІИ ВЪ ТЮРЬМУ ДОЧЕРИ ЕЯ, СЪ ПРИ-
СОВОКУПЛЕНІЕМЪ ВОЗРАЖЕНІЯ ОТЪ ОНОЙ.**

Два слѣдующія письма матери и дочери доказыва-
юшь, сколько несчастная поспѣшность доставашь пове-
лѣнія для лишенія свободы производила въ семействахъ
безпорядки и несправедливости всякаго рода.

Господину Шпашсъ-Министру и Спашсъ-Секретарю
Сен-Флорентину.

Государь мой!

Каперина Обенъ, вдова Франца Алберта Семета,
имѣешь честь представить Вашему Превосходитель-
ству, что 25 лѣтняя дочь ея, по имени Франциска Се-
метъ, ведетъ распущную жизнь и давно уже имѣешь
связь съ мужчиною отъ коего имѣешь троихъ дѣшей, изъ
коихъ двое еще живы и воспитаніе коихъ я, проситель-
ница, охотно на себя принимаю; но опасаясь несправед-
ливости весьма дурныхъ послѣдствій такой распущной жиз-
ни дочери моей; желаю, чтобъ она съ плашою съ моей
стороны за содержаніе ея, была заключена въ Монастырь
Св. Пелагеи; Сіе вынуждаешъ меня, Милоспивый Государь!
прибѣгнушь къ Вашему Превосходительству и покор-
нѣйше просить, чтобъ вы соблаговолили исходатайство-
вашь указъ для заключенія дочери моей Франциски Семетъ
въ Монастырь Св. Пелагеи; лже, просительница, обязываюсь
плашиться за нее пансіонъ. Вознеся къ небу искреннѣйшія
молишвы о сохраненіи Вашего Превосходительства,
имѣю честь бышь, и пр.

Катерина Обенъ, по мужъ Семеть.

Имѣю честь засвидѣтельствовать Графу Сенъ-Флорентину, что вышеозначенная Франциска Семеть за служиваетъ того, чшобъ ее заключили въ Монастырь Св. Пелагеи.

Парижъ

Пашанъ дела Туръ,

10 Юня 1755 года. старшина церкви Св. Николаа на Поляхъ.

Прошеніе дочери.

Франциска Семеть, видя себя заключенною въ Монастырь Св. Пелагеи по Королевскому указу, осмѣливается покорнѣе просить и представить Полиціи-Лейтенанту, что сей строжайшій указъ исходатайствованъ постыднѣйшимъ обманомъ на счесть его справедливости. Охотно желала бы она скрыть отъ себя, что достигнувшее ее новое несчастіе есть дѣло матери ея; которая, по крайнѣй мѣрѣ, должна была бы показать побудительныя къ тому причины, тогда бы дочь ея безъ ропота подверглась судьбѣ своей и ожидала освобожденія своего единственно отъ матери; но въ перешедшемъ по положеніи дѣла можетъ она прибѣгнуть только къ Господину Полицей-Лейтенанту, дабы онъ въ состояніи былъ судить о ея дѣлѣ съ надлежащимъ уразумѣніемъ. Она охотно сознается, въ чемъ должна укорять себя; но приведетъ также въ доказательство такія вещи, которыя, по ея мнѣнію, могутъ въ глазахъ его оправдать ее, по крайнѣй мѣрѣ столько, сколько по возможно въ такихъ случаяхъ въ глазахъ человѣческаго общества.

Мать дѣвицы Семеть обращалась съ нею всегда жесточайшимъ образомъ; она не разъ находилась въ опасности лишиться жизни; одна рука ея, которой она почти не владѣеть, можетъ еще доказать, какъ далеко мать ея увлекаема была злобою и какъ жестоко она давала оную испытывать.

Когда въ 1753 году дѣвица Семеть не могла болѣе выдержавъ дурныхъ поступковъ матери ея съ нею, по рѣшилась оставить ее, и сдѣлала сіе, не зная сама куда идти; другаго ремесла она не знала какъ раскрашивать опахала, а какъ сіе ремесло и самымъ мастерамъ мало приноситъ выгоды, то она не получала и столько, чѣмъ пристойно содержать себя; одна знакомая ей работница раздѣляла съ нею постель свою. Въ то время, когда они вмѣстѣ жили, одинъ мужчина, знавшій сію работницу, увидѣлъ у нее дѣвицу Семеть; она ему понравилась, и когда онъ узналъ о ея положеніи, то сдѣлалъ ей предложеніе съ нимъ жить и пользоваться его содержаніемъ. Не зная чѣмъ дѣлать, она приняла его предложеніе и заняла вскорѣ попомъ комнату, которую онъ для нее приготовилъ. Въ первые четыре или пять мѣсяцевъ сіе поведеніе ея оставалось скрыто отъ ея матери; но въ одно Воскресенье, когда дѣвица Семеть шла съ симъ мужчиною въ комедію, то встрѣтилась съ матерью своею въ улицѣ Дофине; мать предалась сначала обыкновенной горячности своей; но чрезъ минуту приняла предложеніе идти вмѣстѣ въ театръ; отсюда пошла она къ своей дочери, ужинала и ночевала у нее. Дѣвица Семеть была беременна; мать ея сіе замѣтила и, казалось, совершенно была занята удовольствіемъ воспитывать дитя, которое ра-

дѣшя; съ того времени они часто видались у дочери; при рожденіи перваго младенца она присудшвовала, знала также и о двухъ послѣдующихъ родахъ — однимъ словомъ: ошъ нее ничего не было скрыто, и совсѣмъ шѣмъ она дочери своей никогда не предлагала помощи, по кошорой она могла бы отказатьсь ошъ помощи поспорняго челошѣка. Госпожа Семешъ посѣщала дочь свою и получала ошъ нее посѣщенія, кошорыя оканчивались весьма дружелюбно даже съ доказательствомъ любви и дружбы, но нарушались иногда порывами горячности, сполько свойственными Госпожѣ Семешъ и соспавлявшими основаніе нрава ея, кошорые наконецъ пакъ сдѣлались часты, чшо спали несстерпимы и пошому она взяла ошъ нее первое дѣшя свое, кошорое мать ея хощла воспитывать. Сначала мучила и пришѣсняла она насъ различнымъ образомъ и наконецъ дошло до совершеннаго разрыва. Тогда начала она съ неописанною злобою чернишь дочь свою у всѣхъ своихъ знакомыхъ и вездѣ разсказывашъ ея испорію, кошорая весьма не многимъ была извѣсна. Вопшъ, по сущей справедливости печеніе всего дѣла, съ кошорымъ Госпожа Семешъ не можешъ не согласисься. Для предупрежденія всѣхъ новыхъ укоризнъ со стороны, матери, дѣвица Семешъ охотно сознаешся, чшо она ошъ природы не много вспльчива, и чшо при ссорахъ съ нею она не всегда могла воздерживашъ себя въ границахъ умѣренности и почшенія, кошорымъ дѣши обязаны матери, какова бы она ни была. — И какое время выбрала Госпожа Семешъ для наказанія ея поведенія, кошорое она прежде сама одобряла? Не шомъ, когда дочь ея переиѣняла образъ жизни, ибо она прекрашила сов-

съмъ непозволенную связь съ симъ человекомъ, получаю отъ него сумму денегъ, которая привела ее въ состояніе или начать какой нибудь торгъ, или помощію другой какой либо работы приспойно содержать себя? Онъ же съ согласія ея взялъ на себя воспитаніе дѣтей и дѣтя, находящееся у матери, когда она взята была подъ стражу, хотѣлъ онъ опдаться въ Сюрениу въ Пансіонъ; и пошому дѣвица Семешъ осмѣливается предложить вопросъ: уже ли она такъ виновна, что заслуживаетъ лишиться свободы и быть въ числѣ тѣхъ испино-дечестивыхъ женщинъ, отъ коихъ должно очищать общество? Она имѣла связь съ однимъ только мужчиною, въ объятія коего повергнувшись заспавило ее несчастное положеніе ея; да и онъ не можетъ найсти въ ея поведеніи ничего предосудительнаго; а сосѣди докажутъ, что они жили какъ супруги и что ихъ почто таковыми почивали. Въ семъ положеніи дѣвица Семешъ надеится, что Господинъ Полиціи-Лейшенаншъ будетъ благосклоннѣе объ ней думать и изгладитъ изъ воображенія своего ненавистное впечатлѣніе, произведенное въ немъ ея матерью, которая не стыдился доносить на свою дочь въ низкой и жестокой надеждѣ завладѣть малымъ ея имуществомъ. Она ласкается надеждою, что Господину Полицей-Лейшенаншу угодно будетъ доставить ей опять свободу, которая такъ нужна теперь для дѣтей ея, участь коихъ была бы ужасна, ежели бы они попали во власть Госпожи Семешъ.

XXIX.

Нѣкоторыя историческія подробности о известной системѣ Лава и отъ того произшедшей такъ называемой Визы (Visa)

Когда Герцогъ Орлеанскій въ Сентябрѣ 1715 года принялъ правленіе, то нашель Государственныя финансы въ безпорядкѣ, достигшемъ высочайшей степени. Одинъ Шотландецъ, по прованію Лавъ, большой Арифметикъ и вмѣстѣ человекъ пылкаго и живаго воображенія, предлагаль Королю всякаго рода средства для поддержанія финансовъ и началъ прожектомъ учрежденія въ Парижѣ банка; сей прожектъ понравился Принцу и предложенное учрежденіе банка совершилось въ Маѣ 1716 года; основаніе его состояло изъ 6 миліоновъ, которые доставлены 1200 акціями каждая въ 1000 рейхсталеровъ. Сіе новое учрежденіе имѣль такой щасливый успѣхъ, что превзошло даже ожиданіе самаго основателя; вліяніе онаго замѣтно было съ первыхъ дней; ибо скоро возстановленное обращеніе денегъ, которыя до сихъ поръ по общей недовѣрчивости бездѣйственно лежали въ сундукахъ, дало всѣмъ вещамъ новую жизнь и дѣятельность. Въ 1719 году Лавъ купилъ Неверскую госпитальницу, въ улицѣ Ришельё, и перевелъ туда банкъ; конюшни подъ большими комнамами и галлерей были опредѣлены и опдѣланы для кассы банка. Лавъ сдѣлалъ купчую на сей домъ въ при-

судствіи своего Нотаріуса и объявилъ при томъ, что пріобрѣлъ оный оборотами банковыхъ денегъ; въ силу сего документа домъ сей принадлежалъ казнѣ и по упадкѣ Лавовой системы перенесена въ оной Королевская Библіотека. Въ бумагѣ всякой ассигнаціи видны были слова: Banque generale (общій банкъ) а на краю каждой изъ нихъ находилось клеймо печати, представляющей женщину, копорая лѣвой рукой облакачивалась на пьедесталь, у подножія коего лежалъ опрокинутый рогъ изобилія; въ правой держала она распянутый циркуль. Надпись кругомъ была: Retablissement du credit (возобновленіе кредита), а подъ фигурую написано: Premier Mai 1716 (первое Маія 1716)

4 го Сентября 1718 года просилъ Лавъ, чтобы основанный имъ за два года до сего банкъ, копорый до сего дня былъ такъ полезенъ переименованъ былъ въ Королевскій банкъ, что Король и исполнилъ, скупя всѣ акціи частныхъ людей; ассигнаціи сего банка были поже, что наличныя деньги и ихъ принимали въ уплату во всѣхъ казначействахъ, а въ частномъ оборотѣ они были въ такой доверенности, что всякой старался имѣть ихъ и почиталъ за наличныя деньги. Въ Августѣ 1719 года Вестъ-Индская компанія сдѣлала Королю весьма выгодныя предложенія: она предложила ему въ заемъ 1,200 милліоновъ по три процента съ тѣмъ условіемъ, чтобы Его Величество уполномочилъ компанію занять сіи 1,200 милліоновъ и выдать на оныя свои акціи или письменныя виды; объявилъ коихъ будешь удовлетворемъ съ

плашюю трехъ проценшовъ на сто ; въ тоже время про-сила она отдашь ей на откупъ *Fermes générales*, общее чеканіе монешъ на 9 лѣтъ, обязываясь за оный плашить 3 милліона 500,000 ливровъ болѣе прошивъ прежняго откупщика Ламберта.

Публикѣ не понравились *actions gentieres* компаніи и никто не хотѣлъ брашь ихъ; а какъ ссуду 1200 милліоновъ должно было пополнить, то надобно было при-бѣгнушь къ другимъ средствамъ и Лавъ думалъ найши вѣрнѣйшее, учредя новыя акціи, полагая, что они не будутъ вредить старымъ, и пошому компаніи позволено было сдѣлать акцій еще на 50 милліоновъ, а 14 дней спустя сумма сія умножена еще 50 милліонами, ибо пуб-лика брала ихъ съ прежнею же жадностію. Число сихъ акцій опяшь было увеличено, а указомъ, опъ 2 Ноября, компанія получила позволеніе выпустить акцій еще на 50 милліоновъ, что и соспавило съ прежними 150 ты-сячъ акцій, которые должны были доставить компаніи опъ публики 1500 милліоновъ, а какъ сумма сія превы-шала ссуду Королевскую 300 милліоновъ, то Компанія вызвалась выдашь Королю и оныя шакже за при процен-па, что и принято указомъ опъ 12 го Октября. Между тѣмъ изъ 1500 милліоновъ, которые Компанія должна была доставить Королю, она въ то время получила не болѣе 70 милліоновъ. Сія новыя акціи возвышались цѣною ежедневно въ публикѣ и были почти единственныя въ шорговомъ оборотѣ подъ названіемъ *Subscriptions* подши-ски. Подъ сямъ разумѣли ассигнацію, объявившеть коей имѣлъ право получить акцію Компаніи, заплаша 4500 лив-

ровъ; старыя же акціи совѣмъ почти не покупали, попому что для сего пошребна была весьма значительная сумма. Сии старыя и новыя акціи сосставляли вмѣстѣ до 300,000 и Компанія должна была имѣть весьма большія барыши, чтобы въ состояніи бытъ плащитъ проценты, почему и переданы ей были всѣ почти опкупы находящіяся прежде въ рукахъ частныхъ людей; наконецъ все завѣдываніе Финансовъ перешло въ руки Компаніи и Лава, который распоряджалъ Компаніею и банкомъ; онъ былъ пожалованъ 5го Января 1720 года въ Генераль-Контролеры Финансовъ, второй срокъ плашежа процентовъ съ сихъ новыхъ акціи, назначенный въ Октябрѣ, отсроченъ до слѣдующаго Ноября съ шѣмъ, чтобы вдругъ заплащитъ за 3 мѣсяца, что сосставляло на каждую акцію 1500 ливровъ. Сіе подало поводъ къ чрезвычайному возвышенію акціи, шакъ что нѣкоторые давали 5000 ливровъ за акцію, споявшую шолько 500.

Торгъ сими бумажками производился въ улицѣ Квинкампоаксъ и всѣ дома въ сей улицѣ были наполнены людьми, имѣвшими наспоющія мѣновныя Канторы сихъ акціи; спеченіе народа бывало шакъ велико, что принуждены были разспавлять караулъ и колоколомъ давать знашь, что уже время расходишься. Одинъ бѣдной горбашой, служившій своимъ горбомъ вмѣсто письменнаго сполика людямъ, которые не хотѣли шерять время на то, чтобы идши въ Коншору, пріобрѣлъ симъ новымъ промысломъ небольшое состояніе. Множество людей обогатились въ короткое время; а изъ провинцій и другихъ мѣстъ иностранныхъ спекались многіе для соспавленія своего шца-

стія; прїѣзжало пакъ много новыхъ экипажей, что въ улицахъ почти не лзя было пройти; а ежели по несчастію карета запрется въ оныхъ, то должна была дожидаться по 5 и 6 часовъ чптобы проѣхашь; казалось, что всѣ люди перемѣнили свое состояніе; ихъ нельзя было узнашь болѣе, и люди, не имѣвшіе за шесть мѣсяцевъ ни полушки, разѣзжали теперь въ каретахъ. Октябрь и Ноябрь мѣсяцы 1719 года были временемъ торжества для сего торга. Лавъ пошелъ однажды въ домъ бывшій фасадомъ на улицу Квинкамбоаксъ, дабы быть очевиднымъ свидѣтелемъ лихоимства производимаго его акціями; онъ бросилъ денегъ въ народъ, чпѣ однакожь ему причли въ дурную сторону; ибо только Король, или его имянемъ Губернашоръ какого либо города могъ дѣлать оное въ торжественные дни. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ торгъ акціями не много уменьшился, потому что приходило время плашежа. Лавъ давалъ нѣкоторымъ людямъ задатки, дабы они могли уплачивашь. Нѣкоторые уже въ семь мѣсяцѣ начали брать деньги свои изъ банка, а въ улицѣ Квинкамбоаксъ предлагали нѣкоторые публично банковыя ассигнаціи въ продажу за наличныя деньги. Все сіе казалось предвѣщало упадокъ бумажекъ обоого рода; однакожь они находили еще заступниковъ, которые утверждали, что обладатель шаковой акціи можетъ весьма прилично жить будущимъ ея доходомъ, пакъ какъ сіи доходы получаемыи опъ нихъ Компаніей барышами непременно ежегодно должны увеличивашься; тогда же шаковая акція приносила доходу не болѣе 360 ливровъ. Въ Юнѣ 1720 года сіи акціи, приносимыя Компаніи для выкупки, ищощили всѣ банковыя ассигнаціи, и ежели бы

выкупка сія не прекратилась, но конечно акціи сіи вдругъ пришли бы въ упадокъ и потеряли кредитъ. Тоже самое произошло бы, ежели бы новыми указами позволенъ былъ выпускъ новыхъ ассигнацій, потому что публика увидѣла бы тогда, что все сіе пустой только торгъ бумажный, и что никогда нельзя надѣяться замѣнить сіи бумажки наличными деньгами. Для предупрежденія сего сдѣлали безъ публичнаго указа выпускъ новыхъ ассигнацій на 1000 милліоновъ; а указы были подписаны Аржансономъ и Шатлье-Секретаремъ дела Вальеромъ.

Можно по справедливости сказать, что вся Франція была слѣпа цѣлымъ три года. До 21 го Маія 1720 года, когда явился извѣстный указъ о уменьшеніи числа ассигнацій, акціи почитали выше всего; ассигнаціи предпочитали наличнымъ деньгамъ, и ежели кто хотѣлъ имѣть ихъ, то должно было плащать 3 процента промѣна; но сіи воображаемая богатства потеряли вдругъ свое достоинство къ концу 1720 года; тогда можно было банковый билетъ въ 1000 ливровъ купить за 50 наличными деньгами.

Давно уже время было прекратить систему, производшую подъ конецъ въ торговыхъ дѣлахъ такое же не довѣріе, какъ сначала велико и слѣпо было довѣріе. Регентъ рѣшился опятъ у Компаніи завѣдываніе Финансами и оставилъ ей одинъ только табачной ошкупъ, желая въ то же время чтобы сіе сдѣлалась съ согласіемъ Компаніи, и такъ объявлено было собраніе, въ коемъ находился Регентъ въ сопровожденіи Господина дѣла Гуссе,

наименованнаго Генераль - Контролеромъ послѣ Лава, который скрылся. Дѣло сіе нашло большія прошиворѣчія; но на послѣдствѣ рѣшено по желанію Регенша къ общему благосостоянію Государства. Въ слѣдствіе сего отняты у кампаніи всѣ откупы, кромѣ пабачнаго, такъ какъ и выгоды, получаемыя ею отъ чеканія монеты, которое ей поручено было на 9 лѣтъ, и прежніе откупщики заняли свои мѣста. Компанія дѣлала свои возраженія противъ указа, повелѣвающаго ей дать опчешъ въ дѣлахъ банка. Она съ представленіемъ своихъ возраженій выбрала 9 спрянчихъ для защищенія правъ своихъ; напротивъ того, отъ Правительсва назначены были чепыре Члена Коммисіи для разбора представляемыхъ сими спрянчими бумагъ.

26 го Января Регеншъ держалъ пайный совѣшъ въ присуствіи Короля на счешъ акцій и ассигнацій; многіе изъ присуствивовавшихъ Принцевъ крови и другіе вельможи подарили кампаніи свои акціи. Генераль - Контролеръ дела Гуссе предложилъ разборъ состоянія Финансовъ и заключено, чшобъ Индійская кампанія объявила себя должною казнѣ за банковыя ассигнаціи; но такъ, какъ многіе частныя лица по общему довѣрію все имѣніе свое положили въ акціи, и пошому весьма не справедливо бы было, чшобы они раззорились отъ чрезвычайнаго долга, который кампанія сдѣлала казнѣ; а также весьма несогласно бы было съ справедливостію, чшобъ шѣ, которые промѣняли акцію свою на ассигнаціи и получили ихъ за бездѣлицу или обрашили ихъ въ вѣчныя доходы, воспользовались нещасіемъ акціонистовъ, которые честно поступали, шо должно

было назначить Комисію, которая бы рассмотрѣла всѣ бумаги и векселя и уничтожила тѣ изъ нихъ, о ко-
торыхъ не лзя доказать, что они получены законнымъ
образомъ, то есть: или промѣномъ наличныхъ денегъ,
или продажою недвижимаго имѣнія.

Сіе предложеніе принято, и Комисія учреждена
для рассмотрѣнія и приведенія къ концу всѣхъ акціевъ,
ассигнацій и прѣбываній, имѣющихся на банкѣ, и п. д.
Эпо названо Визою Королевскихъ дѣлъ; всѣ кон-
тракты о доходахъ акцій ассигнацій, и тому подобныя
бумаги должны были бытъ предспавлены въ два мѣсяца
и доспоинство ихъ рассмотрѣно. — Изобрѣшатель сего
плана былъ Господинъ Парисъ старшій, а сію Визу
почитали основаніемъ къ приведенію въ порядокъ всѣхъ
Государственныхъ долговъ; мысль прекрасная и велико-
лѣпная. Сей предѣшъ заключалъ въ себя, такъ сказать,
все добро и имущество Королевства. Ежели кто имѣлъ
изъ вышеозначенныхъ доходовъ, тошъ долженъ былъ
показать: сколько у него имѣнія и какимъ образомъ по-
лучилъ онъ оное. Дабы надежнѣе поступать и точнѣе
знать какія пріобрѣшенія сдѣланы во время системы
Лава, то приказано было Ношаріусамъ прислать къ
Членамъ Визы выписку изъ контрактовъ, которые
заключены въ продолженіи сего времени по движимому
и недвижимому имѣніямъ, Королевскіе доходы должно
было также объявить Визѣ; Членамъ Комисіи, выбра-
ннымъ изъ Спашскихъ Совѣшниковъ и Сборщиковъ пода-
шей, поручена была Виза всѣхъ въ городѣ заключенныхъ
контрактовъ и квитанцій въ подашяхъ; они приняли
на себя также и Визу акцій; у каждой изъ нихъ рав-

нимъ образомъ и у ассигнацій отрѣзывали уголь. Всѣ сіи дѣла по разсмотрѣніи возвращаемы были Нотариусамъ, кошорые ихъ представляли, а показанія владельцевъ ихъ тщательнo сохранялись.

По окончаніи разбора найдено ассигнацій въ обращеніи на 2 билліона 695 милліоновъ и 400,000 ливровъ изъ нихъ сожжено на 707 милліоновъ 327,460 ливровъ, кошорые признаны неудобоокончаемыми; люди же, торговавшіе акціями, осуждены были къ заплать 187 милліоновъ 893, 661 ливръ.

Такъ какъ при Визѣ и составленіи окончательныхъ бумагъ нѣкошорыми Членами Коммисіи дѣлались злоупотребленія ко вреду казны и пользы общественной, то Король повелѣлъ разсмотрѣть оныя особенной Коммисіи, и 14 человекъ были посажены въ Баспилью, изъ коихъ большая часть приговорены Коммисіею къ смершной казни и описанію имѣнія ихъ въ казну; но Король перемѣнилъ четвертымъ смершную казнь на пожизненное зашоченіе.

Слѣдующій анекдотъ взятъ хошя не изъ Баспильскихъ дѣлъ, но по истинѣ заслуживаетъ здѣсь имѣть мѣсто. Во время шорга акціями, на улицѣ Квинкамбоаксъ шайка Каршуша имѣла часто случай дѣлать богашья наживы и не одна, наполненная карманная книжка попадалась имъ въ руки, и пошому многіе для большей безопасности не клали уже оныхъ въ карманы, но прятали подъ жилепомъ; хишрые же мошенники придумали и прошивъ сего средство: всѣхъ, кого они подозрѣвали въ сей предосторожности, умѣли они шагъ хорошо окру-

жить и спѣснить, что они подвергались опасности задохнуться; подъ предлогомъ же доставлять имъ свободное дыханіе, они въ ревностномъ своемъ усердіи рвали на нихъ кафшаны и камзолы, и весьма легко догадаться, что карманная книжка находилась тогда въ ихъ рукахъ.

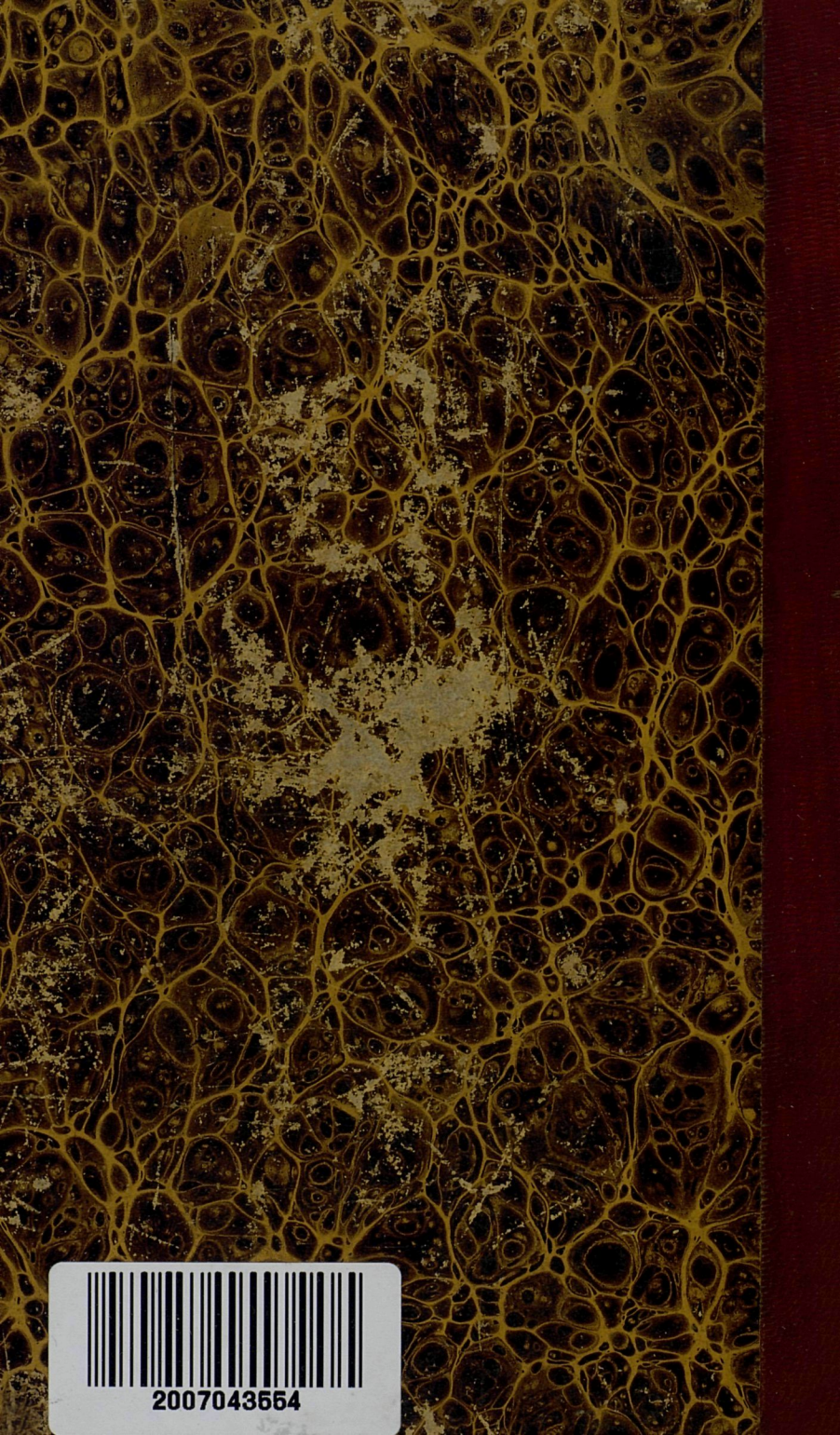
Двумъ акціоннымъ торговцамъ случилось сіе несчастіе въ одинъ день. Одинъ потерялъ книжку съ бумажками на 100,000 талеровъ, а другой на 15,000 ливровъ, у коего все имѣніе состояло въ оныхъ. Когда сей пришелъ въ себя и не сомнѣвался болѣе въ потерѣ своей, то смотрѣлъ печально на сосѣдей, и примѣшилъ одного, коего наружность ему была весьма подозрительна. Не сомнѣваясь ни минушы, чтобы то не былъ воръ его, онъ хватаетъ его за грудь и требуетъ отъ него карманной своей книжки; мошенникъ, пошому что онъ почто былъ одинъ изъ нихъ, испугался, и чтобы зажать ротъ буйному своему прошивнику, поспѣшно отдаетъ ему объ книжки; бѣдный обокраденный принималъ ихъ весьма радостно, и, опасаясь новаго плутовства, спѣшилъ удалиться изъ сей опасной улицы въ свою комнату; но какъ велико было его удивленіе, когда онъ открылъ чужой Поршфель и нашелъ въ ономъ векселей на 100,000 талеровъ.

Сначала пробѣжалъ онъ сей кладъ съ радостнымъ удивленіемъ и нашелъ, что всѣ сіи билеты и акціи не были надмѣчены и что слѣдовательно онъ можетъ, присвоивъ ихъ безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, составить вдругъ свое щастіе; но наконецъ попался

ему въ руки адресъ, по коему онъ съ нѣкоторою вѣроятностію могъ отгадать настоящаго хозяина. Какъ честной, и благородной человѣкъ, онъ ни минушы не оснонавливаясь пошелъ съ адресомъ и Поршфелемъ къ хозяину, кошорому велѣлъ доложитъ о себѣ; на что ему отвѣчали, что онъ не можешь говорить съ нимъ теперь, пошому что при смерти болѣнъ; но онъ такъ настоятельно пребовалъ сего, что жена больнаго, по увѣдомленіи ея мужа о томъ, ввела его въ комнату къ нему, гдѣ сей лежалъ почти безъ всякой надежды.

„Прошу извинитъ, Государь мой, „началъ посѣщителъ“ не пошеряли ли вы сего дня Поршфель, и, можеть быть, не узнаете ли вы его?“ Ахъ, точно такъ, Государь мой, точно такъ, вскричалъ больной, кошорому сіе извѣстіе, казалось, придавало новыя силы. „Вотъ здѣсь одинъ“ продолжалъ первой, показывая ему свой „не вашъ ли онъ?“ О нѣтъ! это не онъ. — „Или этошь?“ Да это онъ, это мой Поршфель, въ немъ заключается все мое имѣніе; но какимъ чудомъ? — Такъ какъ это ваша собственность, то и принадлежитъ вамъ по праву; а я почишаю себя весьма щасливымъ, что могу возвращитъ вамъ благосостояніе и здоровье ваше. Больной просилъ разсказать какимъ образомъ Поршфель его попался въ руки такого честнаго человѣка, и упошреблялъ все свое краснорѣчіе къ убѣжденію честнаго находчика, чшобы онъ взялъ въ награжденіе рѣдкаго своего великодушія покрайнѣй мѣръ прешью часть найденнаго; но едва могъ уговоритъ его принятъ небольшія карманныя часы, кошорыя висѣли у его посшели.

К О Н Е Ц Ъ .

2007043554